

II-10.
D-141.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Е. А. КОНИ.

1870-7020

1847.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская государственная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. Суворова
ТЕАТРАЛЬНАЯ

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

РЕПЕРТУАРЪ

и

ПАТЕНТЪ

ТЕАТРОВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 сентября 1847 года.

Ценсоръ А. Пикитенко.

Handwritten signature or initials.

1847

ТОМЪ КВАРТАЛЪ

— 1847 —

С ПЕТЕРБУРГА

Въ Императорскомъ Школе Опытнаго Русскаго Писателя Славянскаго

РЕПЕРТУАРЪ
И
ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

—
1847.
—

IX.

РЕДАКТОРЪ: **С. А. Кони.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 9.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

- I. *Наполеоновскій инвалидъ или солдатская тайна.* Комедія-водевиль.
Переводъ съ Французскаго М. В...го. 1

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

- II. ТРИ СЕСТРЫ, Романъ. *Арсенія Гусев.* Часть первая. 3

III. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

- Новѣйшая Испанская комедія. *Бретонъ де Лосъ Герреросъ.* —
Вентура де-ла-Вега. — *Родригесъ Руби.* (*Статья Шарля де-*
Мазада.) 1

IV. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

а. Парижскіе Театры:

1. Безымянный мужъ, водевиль соч. *Денери и Лафитта* 2. Люк-сенбургская сирена, водевиль соч. *Бисвилл.* 3. Ветовники, водевиль соч. *Балра, Соважа и Фредерика де Курен.* 4. Шевалье де Мезонружъ, эпизодъ изъ временъ *Жирондистовъ,* соч. *А. Дюма и Маке.* 5. Лей, драма, соч. *Поля Фуше и Бушарди.* 6. театральные Фойе, водевиль соч. *Клервилл, Гракже и Денери.* 7. Мамзель Агата, водевиль соч. *Денери, Кармона и Гранже.* 8. Чортвъ сынъ, драма соч. *Поля Февалл и Сент-Ива.* 9. Потайной ящикъ, комическая опера, слова *Планара,* музыка *Эреста Булапже.* 10. Златовласая красавица, волшебная пьеса соч. *братъевъ Кошьяръ.*

б. Лондонскіе театры.

с. Вѣна.

- д. Константинополь, Армянскій театръ 33

V. СМѢСЬ.

- Лотерейный билетъ, разсказъ *Леона Дюкома.* — Исторія Берлинскаго театра. — Моцартъ и да-Понте. — Китайскіе театры. — Дитмарскій Тель 64

VI. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

- Гельси и-жъ Виардо-Гарси и Женни Линдъ.* — Характеристика европейскихъ столицъ. — Старый вопросъ. — Повышеніе, разстрѣляно, утоплено, — и живо. — Знаменитая актриса *Жоржъ* — Невъжество Португальцевъ. — Добрый советъ. — Двѣ новыя оперы. — *Фатти Эльслеръ.* — *Мистрисъ Эершонъ.* — Домъ *Карла Маріи Вебера.* — *Адальбертъ Гиравецъ.* — *Фредерикъ Леметръ* и журналы. — *Картеръ,* знаменитый укротитель звѣрей. — *Лорду Байрону* воздвигнута статуя. — Замычательная дуэль 94

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

НАПОЛЕОНОВСКІЙ ИНВАЛИДЪ

ИЛИ

СОЛДАТСКАЯ ТАЙНА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ, ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО М. В...ГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Баронесса Соленьи.

Селина, ея дочь.

Артуръ де Азонъ, ея племянникъ.

Г-жа Дюбревиль, гувернантка Селины.

Роза, служанка и молочная сестра Селины.

Жимбле, мужъ Розы.

Матюасъ.

Мартине. } Инвалиды.

Лориоль.

Тьерри, молодой человекъ 22 лѣтъ.

Лакей.

Гости на свадьбѣ Розы. Крестьяне и Крестьянки.

Дѣйствіе въ Парижѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляет трактирный садъ около заставы, направо отъ зрителя входъ въ заведеніе, на-лѣво между зеленою множество столиковъ со скамьями, для поспитителей. Эстрада для музыкантовъ и калитка въ поле.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ, Мартине, Лориоль, Роза и множество гостей, приглашенныхъ на свадьбу, поютъ. Жимбле.

Привѣтъ нашъ примите
Невѣста, женихъ;
Пойте пляшите
Въ честь молодыхъ.

Мартине. Баста! теперь, друзья мои, каждый изъ насъ имѣетъ законное право просить у новобрачной поцѣлуя, и да здравствуетъ веселье и любовь! *(цѣлуетъ Розу.)*

Лориоль, (подходя). Съ позволенія вашего, Роза, или такъ сказать, госпожа Жимбле, только-что съ игопочки...

Роза, (подставляетъ щеку.) Я не смѣю спорить противъ давно введеннаго обычая... Извольте, если это доставляетъ вамъ удовольствіе!

Жимбле, (входя съ лѣвой стороны.) Эй! вы! Господа! ба! ба! ба! что это, поцѣлуй? Прошу покорно! какая патріархальность! всѣ. А! вотъ и новобрачный!

ЖИМБЛЕ. Да коли вы всё эдакъ налипните на мою Розочку, что-же останется для меня?

ЛОРИОЛЬ.

Роза махровый цвѣтокъ,
Много у Розы листочковъ....
Каждому будетъ листокъ,
Сколько ни будь мотылечковъ!
Но середину цвѣтка,
То, что зовется сердечкомъ,
Это срываетъ рука,
Только лишь съ брачнымъ колечкомъ!

ЖИМБЛЕ.

Но вы, обрывая листки,
Какъ разъ доберетесь середки...
И тутъ ужъ для брачной руки,
Не такъ что-бы много находки!

РОЗА. Ну, если это тебѣ не нравится Жимбле, я готова сдѣлаться неурисступною крѣпостью для всѣхъ этихъ господъ...

ЛОРИОЛЬ, *(насилно цѣлуетъ ее.)* Какая крѣпость не сдастся храброму солдату.

ЖИМБЛЕ. Ну да ты Лориоль — это другое дѣло! ты ужъ въ такихъ лѣтахъ... что много горячиться не изъ чего! А кстати, о горячемъ — знаете-ли, мои друзья, откуда я теперь?... Прямоховько изъ кухни! Фу, чортъ возьми! чего тамъ вѣтъ? и варятъ, и пекутъ, и жарятъ — будетъ надъ чѣмъ поработать! Сейчасъ я думаю будутъ и музыканты: два кларнета, три скрипки и барабанъ... а главное: я съ-минуты-на-минуту ожидаю вожделенную корзину съ виномъ, которую обѣщала намъ прислать, какъ свадебный подарокъ, наша добрая госпожа баронесса Сериньи, которой домъ почти рядомъ съ садомъ здѣшней рестораціи... а ужъ я знаю, что она плохаго вина не пришлетъ, каждая бутылка съ желтой печатью.... звай нашихъ! То-то попируемъ друзья!

МАРТИНЕ. Bravo! вотъ такихъ баронессъ я всегда почитаю!

ЖИМБЛЕ. Разумѣется! Впрочемъ, мы нѣкоторымъ образомъ, и вправъ ожидать отъ нея такой дорогой присылки. Моя Розочка живетъ съ-измала въ домъ баронессы и приходится

молочная сестра ея дочери — этой доброй и милой мамзель Селинь....

роза. Мало этого, Жимбле: мамзель Селина, моя молочная сестрица, дала мнѣ слово уговорить баронессу, чтобы она зашла хоть на-минуту на нашъ свадебный балъ вмѣстѣ съ нею, съ гувернанткой и съ кузеномъ, господиномъ Артуромъ!

лорюль. Каково! хоть бы кому такая честь!

мартине. Почему — же и не такъ? Мы сѣмъ поддержать себя, и отсалютуемъ имъ какъ слѣдуетъ...

жимбле. Само собою разумѣется, что баронесса не явится на свадебный балъ безъ приличнаго подарка, она даже, помнится, что — то и проговаривала тебѣ объ этомъ, Розочка?

лорюль. Разумѣется! Эти господа всегда такъ деликатны...

мартине. Съ пустыми руками не являются къ нашей братья, а мы ужъ сѣмъ разцѣловать тѣ ручки, которыя принесутъ намъ что-нибудь. Впрочемъ, я тутъ не разумѣю мозолистыхъ рукъ злѣшняго ресторатора, господина Годишона, который вызвался задать молодымъ брачный пиръ даромъ! Да по-старой памяти пригласилъ на него и своихъ старыхъ товарищей инвалидовъ...

роза. Еще — бы! Развѣ ты забылъ, что онъ мнѣ двоюродный дядя?

лорюль. Кстати о подаркахъ: вы вѣрно пригласили на вашу свадьбу и дялю Матиаса, какъ обыкновенно мы зовемъ его всѣ по-привычкѣ: нашего товарища инвалида.

мартине. Нечего и спрашивать: конечно пригласили. На меня даже возложено было препорученіе звать его отъ имени жевиха и невесты, да я не засталъ его въ коморкѣ. Кстати, не забыть бы мнѣ еще, по-дорогѣ ползали вотъ это письмо для доставленія дялю Матиасу. Говорятъ, очень нужное... Еще — бы не позвать на свадьбу дялю Матиаса! Да развѣ у насъ у всѣхъ проходитъ хоть одна пирушка, хоть одна вечеринка безъ него? Безъ дяли Матиаса и праздникъ не въ праздникъ! И спать, и поплясать, и въ шары поиграть — это все его дѣло; а его военные — то рассказы о прошедшихъ баталіяхъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ всегда такъ отличался... о! дяля Матиасъ славный гость вездѣ и всегда.

лорюль. Тѣмъ лучше! а можетъ-быть на этотъ разъ, слав-

ный гость съѣдаетъ и славный подарокъ нашимъ ново-
брачнымъ.

жимбле. Дядя Матіасъ? Ну, да! я такъ отъ него и жду
этого...

роза. Жди себя! поподчуетъ табакомъ изъ большой табакер-
ки — да тѣмъ и покончить!

лориоль. Не можетъ быть! не можетъ быть! дядя Матіасъ,
онъ... у него есть-таки копѣчка въ запасъ... спросите объ
этомъ Мартине.

мартине. Болтай себя на-досугъ! Спросите у Мартине! а
мнѣ почему знать это больше другаго? Дядя Матіасъ скрытенъ,
какъ запечатанная бутылка! Правду сказать, разъ мнѣ уда-
лось подстеречь его вечеромъ въ его каморкѣ... и я видѣлъ у
него въ рукахъ довольно толстый зеленый бумажникъ, въ ко-
торомъ, какъ показалось мнѣ, набиты были ломбардные билеты.

лориоль. А ты забылъ еще, что къ нему часто ходитъ кон-
торщикъ отъ сосѣдняго банкира, все по какимъ-то денежнымъ
счетамъ?..

жимбле. Смотри пожалуй! Старый скряга!

мартине. Похоже на то.. дядя Матіасъ какой — то загадо-
чный старикъ.. между-тѣмъ — вѣдь онъ отказываетъ себя по-
чти во всемъ.

жимбле. Скупость одолѣла!

лориоль. Табаку понюхать — и то наровить изъ чужой
табакерки!

роза. А когда, бывало, прихаживалъ сюда къ дядюшкѣ,
всегда былъ такой ласковый... радушный... ко всему.

мартине. Старая лисица знаетъ передъ кѣмъ какъ повестъ
себя! Впрочемъ, вѣдь онъ не всегда скупъ и скрытенъ... Вотъ,
на-примѣръ, съ тѣмъ молодымъ человекомъ, который по
временамъ приходитъ къ нему въ нашу инвалидную бога-
дѣльню..... О! съ нимъ дядюшка Матіасъ всегда такъ ласковъ,
что и разсказать нельзя! Уйдутъ себе въ садъ вдвоемъ, куда
набудь въ аллею — потемнѣе и поглуше, и пойдутъ у нихъ и
нѣжности и шушуканья — иногда даже и зеленый бумажникъ
вылѣзаетъ изъ кармана... именно такъ, увѣряю васъ! Мнѣ разъ
удалось подсмотреть это.

лориоль. Зеленый бумажникъ?

жимбле. Съ ломбардными билетами?

МАТИНЕ. Ну да, я вамъ говорю, что этому молодцу дядя Матиасъ даетъ иногда даже и денегъ.

ЖИМЕЛЕ. Прощу покорно!

РОЗА. Что — же бы это такое значило? это чтонибудь не даромъ... тутъ есть какая нибудь тайна.

МАТИНЕ. Я того-же мнѣнія. Дядя Матиасъ только приквдывается бѣдвякомъ, а у него есть кое-что!

ЖИМЕЛЕ. Да кажется на повѣрку выходить такъ:

А впрочемъ примѣрное дѣло,
Что дядя Матиасъ богатъ;
Фортуна, право залетѣла,
На этотъ разъ ужъ не впопадъ.

МАТИНЕ.

Она слѣпа вѣдь..... Ну, а кто — же
Безъ глазъ съумѣетъ не упасть?
И въ богадѣльню — отъ чего-же
Ей разъ — ошибкой не попасть?

ЛОРИОЛЬ. Жаль только, что со-слѣпа попала не въ ту каморку... что-бы ей въ мою.

ЖИМЕЛЕ. Тсъ! тише! кажется, я слышу его голосъ?...

МАТИНЕ. Такъ и есть! Я узнаю пѣсенку дяди Матиаса, онъ всякій день ее напѣваетъ.

всѣ. Дядя Матиасъ! Вотъ и дядя Матиасъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ДЯДЯ МАТИАСЪ, (входитъ съ правой стороны).

Старый солдатъ
Не отступитъ назадъ!
Ружья и пушки
Ему — игрушки.
Въ поляхъ радъ
Старый солдатъ.

Она прошла, пора та золотая,
Когда я былъ и молодъ и здоровъ!

Бывало пафъ! лишь пушка зарева
 Ужь я съ ружьемъ и на врага готовъ
 А тутъ вдругъ онъ предъ нашими полками
 Появится въ досиѣхъ облечень...
 И побѣжитъ межъ нашими рядами
 Какъ бури шумъ: Ура! вотъ онъ, вотъ онъ!

Старый солдатъ
 Не отступитъ назадъ, и проч.

Здорово дѣтушки! Вотъ и старый дядя Матиасъ явился къ вамъ и да здравствуетъ веселье и вино! Не такъ-ли друзья мои?

МАРТИВЕ. Милости просимъ, старый товарищъ! Мы ужъ все заждались тебя!

МАТИАСЪ. Нешто! заждались! По-неволю заставишь себя дожидаться честную компанію, коли вотъ эта дура-то съ лѣвой стороны, (*бьетъ себя по-ногѣ*) не служитъ тебѣ подъ старость такъ какъ правая! Оно правду сказать, свинцу-то залегло въ ней довольно, такъ и отяжелѣла!.. Здорово молодость! Чортъ возьми, славная это штука въ жизни — молодость!

РОЗА, (*съ сторону*). Я угадала, что онъ явится безъ подарка...

ЖИМБЛЕ. А что дядя Матиасъ, (*показывая на его лѣвую ногу*).

Видно порой подергивала порядкомъ?

МАТИАСЪ. Подергивала—бы у тебя, молодець, кабы ты промаршировалъ ею городовъ десятка три, да кабы ее подъ часъ и прорѣшетило—порядкомъ. Еще хорошо, что правая-то уцѣлѣла... а эта дура чуть и совсѣмъ не ушла безъ товарки при Монтеро... Вотъ это было сраженіе, дѣтушки! и вспомнить такъ любо! Мы стояли около города, вотъ такой линіей... тутъ маленькая рѣчка, такъ, воробью по-колѣно, а тутъ непріятельскія батареи... Сначала знаете, эдакъ все притихло... мы, какъ будто приглядывались другъ къ дружкѣ, а тутъ вдругъ, какъ пошло! какъ пошло! Все закричало, загрещало, задрожало, загромило, заклокотало... Пашъ! пашъ! пуфъ! пуфъ! Транъ—таранъ! Транъ, транъ! Въ эту-то чертовскую сумятицу цѣлая тройка свинцовыхъ гостей и пожаловали къ моей дурѣ лѣвшъ... Фу! чортъ возьми! вспомнить, такъ кажется помолодѣешь двадцатью годами!—И больно было тогда—да ничего! опять—бы воротилъ это золотое времячко! Чортъ ли станеть толковать о глупой ногѣ какой-нибудь.

ЖИМБЛЕ. Разумѣется, дядя Матіасъ, тѣмъ больше, что это все-таки не мѣшаетъ тебѣ быть веселымъ.

МАТІАСЪ. Да, и даже поплясать подъ веселый частъ, или сыграть партію въ кегли... а кстати о партіяхъ, пока меня не было, ужъ здѣсь чай одна покончена со-всѣмъ между двумя персонами. *(Розъ)* Позвольте сударыня... госпожа... Фу къ чорту!.. Да вѣдь еще я незнаю и фамиліи вашего мужа.

РОЗА. Его зовутъ Жимбле, дядя Матіасъ.

МАТІАСЪ. Право? Жимбле? что-же? и эта фамилія не хуже другихъ. И такъ госпожа Жимбле, позвольте мнѣ по-заведенному обычаю поцѣловать васъ и потомъ вручить вамъ мой маленькой подарокъ.

ЛОРИОЛЬ, *(въ сторону)*. Вотъ оно! Вѣдь я говорилъ...

РОЗА. Съ удовольствіемъ, дядя Матіасъ! *(цѣлуетъ его)*.

ЖИМБЛЕ. Разумѣется, съ удовольствіемъ!.. Да и что за подарковъ, дядя Матіасъ, мы васъ всѣ любимъ и безъ этого.

МАТІАСЪ. *(вынимая узелокъ изъ кармана)*. Хе, хе! маленькіе подарки подогрѣваютъ дружбу—есть пословица, и къ тому же... мы хоть не имѣемъ миллионовъ, но все-таки полъ частъ можемъ пожертвовать кой-чѣмъ—въ пользу красоты... а?... не правда-ли, дружище. *(Развертываетъ изъ платка бумажный свертокъ)*.

МАРТИНЕ. *(въ сторону)*. Старый хитрецъ!..

ЛОРИОЛЬ, *(въ сторону)*. Должно-быть какая-нибудь серебряная вещица.

ЖИМБЛЕ, *(тихо)*. Ты полагаешь?..

МАТІАСЪ, *(вынимая букетъ цвѣтотъ)*. Ась!.. какъ вамъ покажется? Каковъ запахъ: просто, прелестъ! къ вашимъ услугамъ, сударыня.

РОЗА. Чего-съ?..

ЖИМБЛЕ. Только-то?..

МАТІАСЪ.

Признаюся отъ души,
Какъ цвѣтокъ вы хороши,
Говорю вамъ и при мужѣ.
Но и мой букетъ не хуже...
Приколите-жъ вы его,
Моя прелестъ, къ вашей груди,
И букета моего,

Согласитесь добры люди,
 Всякой мѣсто-бъ радъ занять,
 И весь вѣкъ тутъ вѣковать!

МАРТИНЕ. Такъ вотъ какой твой подарокъ-то? Печего сказать, разщедрился же дядя Матиасъ!

МАТИАСЪ. А какъ ты думаешь? заплатилъ два су! цѣна моей табачной провизіи на цѣлыя сутки... ну да одинъ день не въ счетъ... Кстати Лоріюль, дай-ка мнѣ своего табачку... Э! да у тебя чуть не черезъ край, отсыпь-ка мнѣ маленько. *(Отсыпаетъ въ свою табакерку, а изъ его шюхаетъ).*

ЛОРИЮЛЬ. Ну вотъ букетъ-то и окупился.

МАТИАСЪ. Болтай на-досугъ, любезный... а кстати: эй вы, гости! молодежь! что-же это значить... свадебный балъ, а до-сихъ-поръ ни пѣсень, ни плясокъ, ниже какой-нибудь игры порядочной?.. У насъ бывало не такъ... Начиняйте что-нибудь, друзья...

Старый солдатъ
 Не отступить назадъ!

И къ вашимъ услугамъ, на что хотите... свадьба! чортъ возьми! люблю я эти веселыя пирушки.

ЖЕМЕЛЕ *(въ сторону)*. Особенно, вѣроятно, потому-что тутъ хорошо кормятъ.

МАРТИНЕ. Ты охотникъ до чужихъ свадебъ, дядя Матиасъ, а почему-же до-сихъ-поръ никогда не подумалъ о своей собственной...

МАТИАСЪ. На-примѣръ! да еще и не одинъ разъ, а около десятка, да все какъ-то неудача! Сначала — это было въ нашей деревнѣ, когда я еще небылъ солдатомъ, ну тутъ правду сказать, вышелъ болтунъ! Ничего, такъ знаете, первоуценка! потомъ еще и еще... и все какъ-то съ ретиратами! Потомъ ужъ главная-то исторія... это было ужъ въ полку... какъ теперь помню я это счастливое время! чуть-чуть-было я не оболванился съ одной красоткой... это была наша полковая маркитантка... чудо не женщина! глазки, какъ фитили — волосы, какъ гвардейскій усь, а талія... талія, просто — ружье, между двумя пальцами уставишься... а ужъ сердце, а ужъ ратафін, которыми она торговала, — объ этихъ вслухъ я ужъ и не-говорю! Это, государи

мов, было помните въ 1809 году, — я тогда служилъ въ гренадерахъ. Мундиръ — чудо! маршируемъ бывало такъ — что просто, прелесть! Моя Луиза... я вамъ еще кажется, не сказалъ, что ее звали Луизою? Моя Луиза бывало нарочно станеть такъ, чтобы на поворотахъ мнѣ просто приходилось почти толкнуть ее ногою... Чудное было время! и вспомнить, такъ душъ отрада... Тутъ вскорѣ я былъ раненъ въ одномъ дѣлѣ... Луиза перевязывала мнѣ раны и давала принимать ромъ внутрь, то есть, въ видѣ лекарства... разумеется, я былъ ей признателенъ, какъ слѣдуетъ... и вотъ вся въ полку заговорили: вѣрно дядя Матіасъ женится на Луизѣ.

жимеле. А отъ чего ты въ самомъ-то дѣлѣ не женился?

мартине. Видно того... какъ-бы это сказать...

матіасъ. Нѣтъ! тысячу чертей! нѣтъ! говорю я вамъ, Луиза была честная дѣвушка... Правду сказать, однажды я-было какъ-то зашелъ далековъко.... Пафъ по-рожь, такъ вся патерня на щекъ и отпечаталась... Это мнѣ послужило впередъ наукою.

Въ жизнь тысячу красотокъ

Знавалъ я и любилъ;

И разговоръ коротокъ

Бывало съ ними быть....

Она-жъ — хотъ маркитанша,

А твердость — какъ ружье!

Иная Капитанша

А послабѣй ее!

Да, да, дѣтушки; ужъ въ этомъ повѣрьте па-слово дядя Матіасу... Но — на чемъ бишь я остановился? Да! на Луизиной добродѣтели! Тутъ вскорѣ у насъ еще завязалось съ непріятелемъ пуфъ! пафъ! И въ груди, и въ плечъ, и въ лѣвой ногъ у меня, вездѣ торчали пули... вытащили, залечили... а къ погоды — все-таки вездѣ ноютъ... Кавальи сдѣлали меня живымъ барометромъ, между-тѣмъ половина нашей дивизіи ушла въ Испанію, въ Сарагоссу — помнится, — съ этой половиной отправился и ромъ — и ратафія — и сама особа моей душки Луиза... Мнѣ стало грустно, какъ-то, пусто... стыдно сказать, а подчасъ хотѣлось и плакать.

лорюль. Ну, ты-бы какъ набудъ постарался опять къ ней

дядя Матиасъ... Въдь вашъ полкъ не все чай стоялъ на одномъ мѣстѣ.

МАТИАСЪ. Я такъ и сдѣлалъ — анъ вышло еще хуже! Сосиднясь съ ушедшей половиной нашей дивизіи, я не видалъ больше ни рому, ни глазокъ пригожей маркитантки... Какой-то молодчикъ казначей захватилъ ее нарочно съ казеннымъ денежнымъ ящкомъ и пропалъ невѣдомо куда!

МАТИАСЪ. И ты больше никогда ее не встрѣчалъ, дядя Матиасъ!

МАТИАСЪ. Нѣтъ.... да... то есть я и не умѣю порядочно тебѣ отвѣтить на это, другъ Мартине. Вотъ видишь, какъ оно было: въ 1824, пятомъ или шестомъ году случилось мнѣ стоять здѣсь у Парижскаго собора, не помню при какой-то церемониальной службѣ, народу было множество, каретъ подъѣзжало безъ счета... Вдругъ изъ одной выходитъ какая-то пышная барыня, вся въ цвѣтахъ, въ брилліантахъ, за нею два ливрейные лакея... Я глядь на нее, да такъ разинувши ротъ, и окаменѣлъ... это была...

РОЗА. Неужли твоя Луиза, дядя Матиасъ?

МАТИАСЪ. Въ томъ-то и штука, что это была точнехонько она... и все такая-же хорошенькая... такъ-бы и кинулся къ ней разцѣловать ее. — Ну, да нельзя, знаете, ружье, дисциплина... стой смирно! слушай команду! тѣмъ и покончилось... Теперь я даже думаю, что мнѣ все это померещилось, что это была не она, не моя Луиза. Эти цвѣты, брилліанты, карета съ ливрейными лакеями...

ЖИМБЛЕ. Отъ чего-же нѣтъ? будто не бывало такихъ случаевъ, что иногда...

МАТИАСЪ. Разумѣется, развѣ не дѣлались и простые солдаты генералами, маршалами, а иногда и перами Франціи! Это со всѣмъ не диковинка въ наше время.

МАТИАСЪ. Кто говорить? Ну да вотъ вамъ не-далеко сказать, хоть-бы мой покойный товарищъ и одноклассникъ, бываяжка Жакъ, который умеръ, изъ простыхъ солдатъ, а съ генеральскими эполетами... а между-тѣмъ я старый рубака, не хуже многихъ, а все-таки... Ну, да и то сказать, умѣй я читать и писать, не то-бы было, не такъ-бы оно и пошло... а теперь вотъ (*бьетъ себя по ногу*) старый солдатъ, инвалидъ, да и все тебѣ тутъ.

МАРТИНЕ. А кстати! послушай-ко ты... не умѣешь читать и писать! а между-тѣмъ у тебя порядочная корреспонденція... вотъ еще письмо къ тебѣ.

МАТИАСЪ. Ко-мнѣ, Мартине?

МАРТИНЕ (*тихо*). Ну, да! это можетъ быть отъ того банкира.

МАТИАСЪ. Что такое?...

ЛОРЮЛЬ. Или отъ того молодого человѣка, который по временамъ является къ тебѣ пошептать кой-о-чемъ?...

МАТИАСЪ. Полноте врать глупости! это видно какое нибудь письмишко съ моей родины... просятъ показать земляку Парижъ и нашъ Инвалидный Домъ, что нибудь такое....

ЛОРЮЛЬ. Ну да что тутъ толковать; прочтемъ письмо, вотъ и вся не-долга!

МАТИАСЪ (*пряча письмо проворно въ карманъ*). Нѣтъ... нѣтъ... послѣ... вотъ нашелъ время заниматься чтеніемъ пустяковъ... куда кстати! на свадебномъ пиру! пойдете-ко лучше къ кеглямъ.

МАРКИЗА. Ну, ладно!

ЛОРЮЛЬ. Къ кеглямъ-тагъ-къ-кеглямъ. Друзья за нами пока, въ ожиданіи обѣда!

Хоръ, (*уходя со сцены*.)

Пойдемъ веселиться
Мы въ честь молодыхъ,
Играть и рѣзвиться
На свадьбѣ у нихъ!

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Розы, къ которой, проводя всѣхъ, возвращается Матиасъ.*)

Я В Л Е Н І Е III.

РОЗА И МАТИАСЪ.

МАТИАСЪ. Пст! пст! Роза!

РОЗА. А, дядя Матиасъ! Я думала ты пошелъ играть въ кегли?

МАТИАСЪ. Ну, да, да. Я сейчасъ туда и отправляюсь... воро-

тисся только снять мою куртку... а ты между-тѣмъ сдѣлай одолженіе Розушка, прочти мнѣ вотъ это письмо, только, пожалуйста, потише!

РОЗА. Это письмо? пожалуй! *(Она раздвѣвается, она читаетъ)*
«Господинъ Матіасъ! по вашему приказанію, я помѣстилъ 60 тысячъ въ извѣстномъ вамъ торговомъ домѣ, по 5-ти процентовъ на сто...»

МАТІАСЪ. Славно!

РОЗА. Что-же все это значитъ, дядя Матіасъ!

МАТІАСЪ. Ничего, ровво ничего... то есть... вотъ видишь-ли, это письмо не ко-мнѣ писано, а... ну, а что дальше?

РОЗА. «Завтрешній день вы получите всѣ проценты сполна за годъ.»

ГОЛОСЪ МАРТИНЕ, *(изъ трактира)*. Эй! дядя Матіасъ! гдѣ же ты?

РОЗА. Какіе-же это проценты и деньги?...

МАТІАСЪ. Тсъ! тише! *(беретъ у ней письмо и прыгаетъ, обращаясь къ трактиру)* Сейчасъ иду! Ну что ты такъ горланишь Мартине. То есть, вы помните-же г-жа Жимбле... это письмо вовсе не ко-мнѣ, но на мое имя... благодарю за трудъ. Это къ одному моему знакомому... *(Уходитъ въ трактиръ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОЗА И ПОТОМЪ ТЬЕРИ.

РОЗА, *(одна)*. Каково письмо-то. Дядя Матіасъ ужасно сконфузился, испугался... они правду говорятъ... у него есть какая-то тайна... любопытно-бы разгадать ее, но какъ?...

ТЬЕРИ, *(входя въ калитку сада)*. Должно быть это здѣсь... около самой заставы... Садъ выходитъ въ поле, такъ и есть, свадебный пиръ!... спросить-бы... А, вотъ какая-то дѣвушка.

РОЗА, *(оборачиваясь)*. Ахъ! да это г. Тьері!

ТЬЕРИ. Ахъ! это та милая дѣвушка, которая...

РОЗА. Ошибаетесь, сударь, я болѣе не дѣвушка... то есть, я уже не Роза, а г-жа Жимбле... не прошло часу, какъ я изъ-

подъ вѣнца... здѣсь у насъ будетъ свадебный пиръ, на которомъ я менѣе всего ждала увидѣть васъ!...

ТЬЕРИ. Свадебный пиръ! очень радъ! значить я не ошибся и пришелъ туда, куда надо... Я очень радъ поздравить тебя, моя милая Роза... то есть, г-жа Жимбле, хотѣлъ я сказать.

РОЗА. Вы очень добры, сударь... Но позвольте сказать вамъ искренно... вѣдь вы со-всѣмъ не для меня пришли сюда... Не такъ-ли?

ТЬЕРИ. Ты угадала! это для нея....

РОЗА. То есть, для мамзель Селины.... Ну такъ, я это знала!... Но какъ вы провѣдали, что она будетъ здѣсь?

ТЬЕРИ. Вчера у итальянцевъ.... Я входилъ на минуту въ ихъ ложу раскланяться съ баронессою, которая всегда такъ ласкова со-мною, съ-тѣхъ-поръ, какъ я воротясь изъ Лиона, привезъ ей письмо отъ директора Гимназіи, у котораго на-балу прошлый годъ я имѣлъ счастье познакомиться и съ Селиной.

РОЗА. Ну, да! Видно вы положили хорошее начало! Лионское знакомство еще болѣе укрѣпилось въ Парижѣ. Когда г-жа баронесса попросила васъ изъ учтивости посѣщать ихъ домъ иногда, вы не заставили два раза повторять себѣ одно и тоже, г. Тьери, и съ-тѣхъ-поръ кажется не проходило дня, что-бы вы не видѣлись съ моею молочною сестрицей... Смотрите! Не кончилось-бы это чѣмънибудь другимъ...

ТЬЕРИ. Вотъ этого-то я и самъ боюсь болѣе всего, Роза. Съ нѣкотораго времени баронесса стала со-мною какъ-то холоднѣе обыкновеннаго... Даже вчера... Ужъ какъ я былъ радъ, когда Селина вчера при мнѣ сказала своему кузену Артуру.... Завтра я буду на свадьбѣ моей молочной сестры Розы, вотъ тамъ... то... И при этихъ словахъ она на меня взглянула такими глазами, которые какъ будто спрашивали: а тебя я неужели тамъ не увижу?

РОЗА. Прошу покорно! У этихъ влюбленныхъ глаза подчасъ замѣняютъ языкъ.

ТЬЕРИ. Сегодня утромъ я долженъ былъ отправиться обратно въ Лионъ, но незнаю, какъ это случилось.... я не засталъ ни одного мѣста въ дилижансѣ...

роза. И такъ вы будете пировать на моей свадьбѣ? Угодно вамъ будетъ танцовать со-мною первую кадрили?

тьери. Хоть три сряду.... Но скажите мнѣ: она еще не была зѣвсъ? какъ-бы мнѣ ее поскорѣй увидѣть, сказать ей хоть въсколько словъ....

роза. Успокойтесь — еще никого не было; но вспомните, что вамъ нужно быть какъ можно благоразумнѣе и осторожнѣе. Съ Селиною будетъ баронесса и ея кузень Артуръ де Сезанъ, следовательно...

тьери. Что мнѣ до-нихъ? я гулялъ, случайно зашелъ сюда, увидѣлъ свадьбу и остался изъ любопытства, вотъ и все тутъ!

роза. Все, какъ нельзя лучше! у этихъ влюбленныхъ за выдумкою дѣло не стоитъ. — Но все-таки постарайтесь быть поспокойнѣе... у васъ такъ разгорѣлось лицо...

тьери. Я немогу владѣть собою! Если-бъ ты знала, какъ я люблю мою несравненную Селину — и видѣть ее можетъ быть женою другаго.... О! одна эта мысль выводитъ меня изъ себя!

роза. А между-тѣмъ надо приучиться къ этой мысли, особенно послѣ вчерашняго разговора о васъ въ кабинетъ баронессы.

тьери. А что такое обо-мнѣ говорили, милая Роза?

роза. Говорили, сударь, что некто не знаетъ вашей настоящей фамилии, начиная съ васъ самихъ..

тьери. Имъ что за-забота?

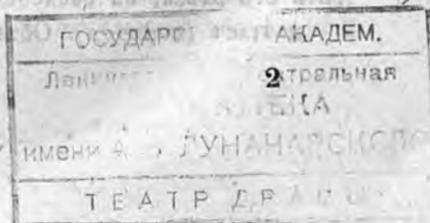
роза. Что даже никто не знаетъ, чѣмъ и какими доходами вы проживаете въ Парижѣ... Говорили еще, что вы въ какой-то связи съ какимъ-то старикомъ, впрочемъ, весьма подозрительной наружности, чуть-ли не съ уличнымъ бродягою....

тьери. Какія нелѣпости!

роза. Говорили даже, что какъ-то на-дняхъ, когда вы давали у себя завтракъ вашимъ пріятелямъ, и разумѣется немножко подпили шампанскаго, этотъ таинственный старичишка вдругъ явился къ вамъ, началъ кричать и повыбросалъ за окно всѣ бутылки.

тьери. Сказки! Желалъ-бы знать, кто ихъ сочиняетъ, съ чего они взяли, что за мной есть чей нибудь надзоръ, и что я самъ несмѣю располагать собою?

Т. IX. Отд. I.

Я В Л Е Н И Е V.

Т Ъ Ж Е П М А Т І А С Ъ С Ъ Ж И М Б Л Е .

МАТІАСЪ, (*съ двумя шарами въ рукахъ обращаясь къ дверямъ*).
Хорошо, хорошо! продолжайте, я сейчас вернусь, только надѣну мою куртку.

ТЬЕРИ. Что я слышу?... Этотъ голосъ...

ЖИМБЛЕ. Госпожа Жимбле!

МАТІАСЪ, (*увидя Тьера*). Ахъ! Тьер!... (*подходитъ*).

ТЬЕРИ. Дядя Матіасъ!

МАТІАСЪ. Какимъ образомъ ты здѣсь?... (*Въ изумленіи бросаетъ оба шара прямо на ноги Жимбле.*)

ЖИМБЛЕ. Ай! послушай дядя Матіасъ, ты съ своими проклятыми шарами, за что принимаешь мои ноги, за деревянные бегли что-ли?..

МАТІАСЪ. Какимъ образомъ ты здѣсь, Тьер, повторяю я тебѣ? Почему ты не въ Лионъ?

ТЬЕРИ. Потому-что.... дядя Матіасъ.... я незнаю, что сказать ему!

РОЗА, (*подсматривая*). Вотъ еще новости! Они знаютъ другъ друга!

(*Матіасъ одѣвается въ одной изъ безъдокъ въ куртку.*)

ЖИМБЛЕ. А я за вами г-жа Жимбле, тамъ въ залѣ васъ спрашиваютъ...

РОЗА. Сейчасъ, сейчасъ, (*въ сторону.*) Какая досада, что мнѣ не удалось узнать всего.

ЖИМБЛЕ, (*уходя съ Розой.*) Пожалуйста дялюшка Матіасъ.... то есть, въ другой разъ будь осторожнѣе... держи кричи свои, т. е. а не бросай такъ... понимаешь дядя Матіасъ. (*Уходитъ.*)

Я В Л Е Н И Е VI.

МАТІАСЪ И ТЬЕРИ.

ТЬЕРИ, (*про себя*). Опять онъ! Ну кто-бы могъ думать встрѣтить его здѣсь, на свадебномъ пирѣ?..

МАТІАСЪ (*подходя*). Общаться мнѣ выѣхать непременно сего-

дня утромъ въ Лионъ, и вдругъ явиться здѣсь, это очень дурно, Тьері?

ТЬЕРІ. Что дѣлать, дядя Матіасъ! у меня были на это свои причины...

МАТІАСЪ. А какія это причины? нельзя-ли узнать? ужъ не эта-ли свадьба? ужъ не изъ числа — ли ты званыхъ гостей, не знакомъ — ли ты съ новобрачной?

ТЬЕРІ. Да, то есть, нѣтъ, дядя Матіасъ...

МАТІАСЪ. Да и нѣтъ, два дѣла совершенно разныя, сколько я знаю, Тьері?

ТЬЕРІ. Все это случилось совершенно случайно... я проходилъ здѣсь... увидѣлъ свадебный поѣздъ, зашелъ взглянуть... Вотъ и все тутъ!

МАТІАСЪ. Лжешь, лжешь, другъ Тьері, случайно, какъ — бы не такъ! какой странный случай! Тебѣ следовало быть на дорогѣ къ Лиону, а ты очутился въ трактирномъ саду, у заставы, на свадебномъ пирѣ, и... еще чортъ знаетъ, зачѣмъ?.. а все виноватъ случай! Видно ужъ слова и совѣты дяди Матіаса теперь стали для васъ не-почемъ? Старика можно обмануть, провести за-носъ, и потомъ сослаться на случай?.. Но мой бѣдняжка Тьері... у тебя такой смущенный, разстроенный видъ. Будетъ бравиться... баста! у меня недостаетъ на это духу... потому-что, вотъ видишь ты... я люблю тебя... много, сильно люблю... я люблю тебя какъ... Но смирно! Ни слова больше объ этомъ! Дай мнѣ свою руку Тьері, помиримся лия мое!

ТЬЕРІ, *(дастъ ему руку, въ сторону.)* Изволь! Ну что еслибъ она вошла сюда въ эту минуту!

МАТІАСЪ. Вотъ такъ! ты не серлиась на меня Тьері, что я такъ сильно настаиваю на твой отъездъ изъ Парижа въ Лионъ. Это все изъ любви къ тебѣ... мнѣ больно видѣть тебя здѣсь въ обществѣ этихъ модныхъ повесъ съ лорнетками въ одномъ глазу, которые только и знаютъ что гризетокъ, да шампанское! Я боюсь за тебя, за твою молодость, Тьері... Конечно, я петребую отъ тебя, чтобы ты жилъ монахомъ въ твои лѣта, но все-таки... дурное общество заразительно, я знаю это по себѣ... Ну да полно-же задумываться, Тьері! Посмотри на меня по-веселѣе... улыбнись, къ чему этотъ печальный, отчаянный видъ?

ТЬЕРИ. Ахъ! добрый дядя, Матиасъ! у меня есть горе на сердцѣ!..

МАТИАСЪ. У тебя? горе? А какое-же это горе, Тьерри? чѣмъ ты недоволенъ? службой что-ли? Но ты самъ выбралъ военное званіе!.. и даже противъ моего желанія.

ТЬЕРИ. О, нѣтъ! совсѣмъ не то...

МАТИАСЪ. А! догадываюсь! у тебя нѣтъ денегъ?..

ТЬЕРИ. Что деньги!

МАТИАСЪ. Какъ, что? Ну Тьерри, деньги — это вещь хорошая въ жизни. Но у тебя вѣрно ихъ нѣтъ? Признайся, ты промоталъ мой послѣдній банковый билетъ, который я далъ тебѣ на дорогу. Ну что-же? и это небольшое горе — вѣдь я не сержусь, я знаю, что деньги, какъ вода, такъ и проскользаютъ межъ пальцевъ... Коли ты только за этимъ не ухалъ изъ Парижа, я дамъ тебѣ еще... у меня есть...

ТЬЕРИ. Ахъ! все это я знаю, дядя Матиасъ, ты мнѣ еще ни разу не отказывалъ ни въ чемъ; но я опять повторяю тебѣ тоже, что ужъ говаривалъ тысячу разъ: мнѣ стыдно брать у тебя деньги...

МАТИАСЪ. Опять? Это почему?

ТЬЕРИ. Потому-что я незнаю, откуда идутъ эти деньги.

МАТИАСЪ. Да я и не вижу для тебя нужды звать это.

ТЬЕРИ. Ты-ли мнѣ ихъ дашь собственно отъ себя...

МАТИАСЪ. Ну да! разумѣется! Насилу догадался? Кому-же, кромѣ меня?.. Можетъ быть, я и богатый капиталистъ? Можетъ быть, получая четыре су въ день, я сумѣлъ накопить нѣсколько сотенъ тысячъ франковъ... Все это дѣло очень быточное, я только дивлюсь, какъ это давно не пришло тебѣ въ голову, Тьерри?

ТЬЕРИ. Ахъ! у тебя все шутки въ головѣ, дядя Матиасъ, но поставь себя на мое мѣсто, что я долженъ думать обо-всемъ этомъ? Чья скрытая рука въ продолженіи двадцати лѣтъ снабжаетъ меня черезъ тебя всѣмъ необходимымъ для моего существованія? Кому я обязанъ моимъ воспитаніемъ? Кто исполняетъ всѣ мои требованія, иногда даже и не совсѣмъ справедливыя...

МАТИАСЪ. А! тебя это мучить, Тьерри?.. Значитъ, ты не хотѣлъ — бы мнѣ лично быть всѣмъ этимъ обязаннымъ? тебѣ не пріятно быть должникомъ дяди Матиаса?

ТЬЕРИ. Вотъ еще! и тебѣ не стыдно это думать и говорить?

МАТІАСЬ. Да, да! я знаю! ты иногда краснѣешь отъ знакомства съ старымъ солдатомъ—инвалидомъ, и это меня бѣситъ, мало бѣситъ—убиваетъ, просто!.. Вотъ оно что!

ТЬЕРИ. Ты несправедливъ въ отношеніи ко-мнѣ, можно-ли сердиться за то, что мнѣ хочется, наиримѣръ, узнать мою настоящую фамилію?..

МАТІАСЬ. У тебя нѣтъ никакой фамиліи....

ТЬЕРИ. Узнать, кто былъ мой отецъ?..

МАТІАСЬ. У тебя нѣтъ отца!

ТЬЕРИ. Однако.

МАТІАСЬ. Но однако... смирно сударь! слушать команду! Вѣдь ужъ ты мнѣ общался никогда не разспрашивать объ этихъ вещахъ? Ну, а обещанное, надобно умѣть слерживать, молодой человекъ! Будетъ-же объ этомъ. Здѣсь не мѣсто и не время. Лучше забудемъ все и примемся веселиться... вѣдь здѣсь свадебный пиръ! хочешь, я познакомлю тебя съ новобрачными — ты потанцуешь съ нею...

ТЬЕРИ. Благодарствуй, дядя Матіась.

МАТІАСЬ. А надобно тебѣ сказать, что она прехорошенькая, пресвѣженькая...

ТЬЕРИ. Мнѣ не до нея!

МАТІАСЬ. До кого-же сударь?.. Ба, ба, ба! да ужъ не влюбился ли ты, голубчикъ, въ кого-нибудь въ Парижъ... а?.. Прощу отвѣчать, какъ на-исповѣди.

ТЬЕРИ. Дядя Матіась!

МАТІАСЬ. Ну, что, племянничекъ Тьери; что-же ты такъ оробѣлъ? Тутъ еще нѣтъ большой бѣды?.. Въ твои лета это самая натуральная вещь... Я еще не успѣлъ забыть и себя... въ двадцать два года и я бывало... Ну, да это въ сторону пока. И такъ, ты влюбленъ въ госпожу... въ дѣвицу... да ну, говори же скорее, Тьери, какъ ее зовутъ?

ТЬЕРИ.

Кого люблю—неназываю,

То тайна сердца моего!

Что ни терплю, какъ ни страдаю,

Она не выйдетъ изъ него!

И пусть та тайна сердце гложетъ,

Я буду вѣкъ ее хранить!
Твоя мнѣ дружба не поможетъ,
Зачѣмъ же имя говорить!

МАТІАСЪ. Все-таки лучше-бы, какъ знать? Иногда и старый инвалидъ лучше молодаго война... Но куда-же ты, Тьерп? Постои, вотъ кажется и всѣ наши...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ, ЖИМБЛЕ, и потомъ СЕЛИНА, АРТУРЪ, ГУВЕРНАНТКА, РОЗА, МАТИНЕ, ЛОРЮЛЬ и ГОСТИ.

ЖИМБЛЕ. Приѣхали! приѣхали!

МАТИАСЪ. Что такое, кто приѣхалъ, Жимбле?

ЖИМБЛЕ. Какая для насъ честь! они ужъ у крыльца... народъ такъ около нихъ и толпится... Какая чудесная коляска... какая отличная пара лошадей... и они приѣхали танцовать на моей свадьбѣ!

МАТИАСЪ. Кто они? лошади что-ли?

ЖИМБЛЕ. Какія тебѣ лошади, дядя Матиасъ; нѣтъ, это барышня Селина, молочная сестра моей Розы...

ТЬЕРИ, *(въ сторону)*. Такъ и есть! что мнѣ дѣлать?.. *(освобождаетъ свою руку отъ Матиаса и уходитъ въ сторону)*.

ЖИМБЛЕ. Съ своей старой гувернанткой и двумя ливрейными лакеями и съ своимъ кузеномъ Артуромъ, первѣйшимъ Парижскимъ щеголемъ... Вотъ и знай нашихъ!

МАТИАСЪ. Хорошо! да что же намъ-то до этого Жимбле?

ЖИМБЛЕ. Вамъ-то ничего, разумѣется, дядя Матиасъ, за то мнѣ и Розѣ, да и самому здѣшнему трактиру, какая честь! Но вотъ, кажется, они идутъ сюда... Наши всѣ за ними...

ТЬЕРИ. Такъ точно! Вотъ и она!

МАТИАСЪ. Куда ты ушелъ, Тьерп? что съ тобой?

ТЬЕРИ. Ничего... совершенно ничего... оставь меня, дядя Матиасъ... займись лучше новыми гостями... *(Становится такъ, что его невидно за Матиасомъ. Въ это время всѣ входятъ)*.

ХОРЪ.

Какая честь! какой восторг!

Вотъ гости дорогіе!

Ну, кто-бы и подумать могъ...

Счастливы молодые!

РОЗА. Ахъ, сударыня! какъ я счастлива и довольна... какъ вы добры...

СЕЛИНА. Очень рада, что могла доставить тебѣ удовольствіе, милая Роза! (*гувернантка*). Будьте поближе ко-мнѣ, мадамъ Дюбревиль, а то мнѣ одной безъ маменьки здѣсь какъ-то не совсѣмъ ловко.

ЖИМБЛЕ, (*тихо гостямъ*). Это ея гувернантка.
АРТУРЪ. Здравствуйте, здравствуйте, добрые люди! Вы видите, что и знатные не всегда бываютъ горлы и неприступны...

ЖИМБЛЕ. Да-съ, такъ точно-съ, господинъ Артуръ, (*гостямъ*). Это г. Артуръ, кузень госпожи Селины.

РОЗА. Ваше посѣщеніе принесетъ и счастье намъ, а можетъ-быть и вамъ самимъ, сударыня, (*тихо*) Онъ здѣсь!

СЕЛИНА, (*увидя Тьеря*). Ахъ!

МАТИАСЪ. Какъ она на меня поглядѣла!
ТИЕРЯ. Она меня увидѣла!

МАТИАСЪ. А правду сказать, барышня очень хорошенькая!

АРТУРЪ. Вотъ видишь, Жамбле; я умѣю держать мое слово, также, какъ и кузина. Она хотѣла сама лично доставить своей подарокъ Розѣ, и вотъ она здѣсь! Я съ моей стороны, разсудилъ подарить тебѣ для свадебнаго пира корзиную шампанскаго, и вотъ ее сейчасъ внесутъ сюда. Я вальюсь, что пробки не замедлятъ полетѣть на воздухъ... Не такъ, друзья мои? Позетъ и

МАРТИНЕ. О! на этотъ счетъ будьте покойны! мы народъ не лѣнливый.

ЛОРИОЛЬ, (*тихо Мартине*). А посмотри-ка сюда, вѣдь это тотъ молодой человекъ, о которомъ мы давеча говорили.

МАРТИНЕ. Именно, это онъ самый!
СЕЛИНА, (*падвая на Розу часы*). Вотъ тебѣ мой подарокъ, милая Роза, я сама выбрала тебѣ его въ лучшемъ галантерейномъ магазинѣ.

РОЗА. Какъ, сударыня! Эти дорогіе часы...
СЕЛИНА, (*подастъ ей еще кошелекъ съ деньгами*). А вотъ по-

дарокъ и отъ мамы. Она очень сожалеть, что не могла сдержать своего обѣщанія: быть у васъ на свадьбѣ. Ей нужно было выѣхать по дѣламъ.

артуръ. Это удовольствіе уступила она мнѣ, я—было собирался сегодня въ Булонскій лѣсъ; но лучше рѣшился открыть здѣсь балъ съ новобрачною... Разумется, съ позволенія ея мужа?

жимбле. Съ превеличайшимъ удовольствіемъ... это такая честь для меня... я незнаю какъ благодарить...

артуръ. Не за-что... Бѣдный Жимбле! онъ такъ и смотритъ, чтобы попасть въ извѣстный классъ мужей.

жимбле. Помилуйте! какъ не за-что! будто это не великая честь видѣть на своей свадьбѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ въ Парижѣ молодыхъ людей, господина Артура де Сезанъ.

матіась. Сезанъ?... Лапьеръ де Сезанъ?

артуръ. Ну да, что-же изъ этого? Что тебя такъ удивляетъ, мой милый?

жимбле. Необращайте вниманія сударь... это дядя Матіась, инвалидъ... такъ себя старичекъ...

матіась (*вглядываясь въ Артура*). Да! это долженъ быть онъ... его взглядъ... его благородныя черты лица... Артуръ, сынъ моего бѣднаго Жака.

артуръ (*подходя къ нему*). Сынъ Жака Лапьера, имперскаго генерала.

матіась. Такъ, но этотъ имперскій генералъ былъ въ-когда простымъ солдатомъ... Ахъ, какъ у меня бьется сердце... вотъ извольте видѣть... это... это отъ того, что я зналъ очень коротко вашего отца... Славный, храбрый человекъ былъ онъ... и такой товарищъ... такой другъ, какихъ у меня больше и не было... Да! мы были съ нимъ вмѣстѣ ранены, и воспоминаніе объ этомъ дѣлѣ на-вѣкъ осталось тутъ (*указываетъ на сердце*.) И еще тутъ (*показываетъ лѣвую ногу*.)

(*Тѣри въ это время тихоенько удаляется и исчезаетъ*.)

артуръ. Какъ, онъ былъ твоимъ военнымъ товарищемъ?

матіась. Мало этого: мы были друзья... Несмотря на то, что у него уже были генеральскіе эполеты, а я все еще былъ простымъ солдатомъ, онъ всегда бралъ мою руку... крѣпко пожималъ ее... и эту-же руку я протягиваю теперь съ любовію къ его сыну.

АРТУРЪ (*хватая его руку*). И этотъ сынъ также крѣпко готовъ пожать ее, но...

МАТИАСЪ (*ища Тьера*). Но позвольте, это еще не все... Я долженъ... фу къ чоргу! да гдѣ-же онъ? куда онъ вдругъ дѣвался?

АРТУРЪ. Кто, добрый старичекъ?

МАТИАСЪ. Извините... никто... я такъ... это отъ того, что я слишкомъ тронуть такую печальную встрѣчу.

АРТУРЪ. Очень вѣрю. Тѣмъ болѣе, что я и самъ и моя кузина, вѣроятно также... И такъ, мой бравый инвалидъ, я надѣюсь, что ты не забудешь меня теперь... зайдешь иногда ко-мнѣ... И если я могу только быть чѣмъ-нибудь тебѣ полезнымъ... по здѣсь не мѣсто объ этомъ толковать... послѣ... а теперь насъ ожидаютъ веселье и танцы. Селина, пойдемте въ залу... какъ я радъ, что попалъ сюда нынѣшній день... Чу! кажется и музыканты начинаютъ уже... Друзья всѣ за мною.

МАТИАСЪ. Но Тьер! куда дѣвался Тьер! я непременно отыщу его! (*всѣ уходятъ, кромѣ Мартине и Лоріоля*).

Я В Л Е Н І Е VIII.

МАРТИНЕ И ЛОРИОЛЬ.

МАРТИНЕ (*Матиасу, который ищетъ Тьера*). А ты дядя Матиасъ?.. ты куда-же? а?.. Лоріоль!

(*Матиасъ уходитъ безъ ответа.*)

ЛОРИОЛЬ. Ну?

МАРТИНЕ. Вѣдь этотъ молодчикъ, что былъ здѣсь, дѣйствительно тотъ самый, который ходитъ къ Матиасу и съ которымъ онъ все шепчется.

ЛОРИОЛЬ. И которому даетъ ломбартные билеты изъ зеленого бумажника? Ну, да!

МАРТИНЕ. А кстати надобно тебѣ еще сказать, что давшшее

письмо, которое я ему доставилъ — было ни больше, ни меньше, какъ отъ министра финансовъ, по увѣренію Розы, которая читала это письмо.

Лорюль. Будто?

Мартине. Тутъ ему пишутъ о 60,000 франкахъ въ такомъ легкомъ тонѣ, какъ мы-бы съ тобою толковали о 60 сантимахъ, обѣщаютъ вскорости прислать огромныя суммы... Какъ ты объ этомъ думаешь?..

Лорюль. Да я думаю, также какъ и ты Мартине, что тутъ кроется непременно какаа-вибудь мудреная тайна..

Мартине. Которую недурно-бы узнать...

Лорюль. Узнать! легко говорить, да какъ създать?

Мартине. Знаешь, что мнѣ пришло на мысль?

Лорюль. Что такое?

Мартине. Что, если-бы мы порядкомъ подпоили теперь дядю Матіаса?

Лорюль. А что ты думаешь? Въ самомъ дѣлѣ!

Мартине. Шампанскаго у насъ теперь цѣлая корзина.

Лорюль. Безподобная мысль! Онъ-же не привыченъ къ этому вину.

Мартине. Ну, это еще Богъ зваегь! Ты думаешь, что дяля Матіасъ, какъ и всѣ мы, довольствуется однимъ казеннымъ столомъ?.. Какъ-бы не такъ! Съ такими огромными капиталами какъ у него, онъ, можетъ-быть, каждый день пируетъ такъ, что на, поди! Только все тихонько отъ своихъ товарщицъ.

Лорюль. И то можетъ статься; но все-таки мы его постараемся хорошенько подпоить.

Мартине. Да! и заставимъ разболтаться!

Я В Л Е Н І Е IX.

ЖИМБЛЕ, МАТІАСЪ И ЖИМБЛЕ.

ЖИМБЛЕ, *(входитъ съ бутылкою въ рукахъ.)* Эй вы! что-же вы здѣсь болтаегесь? ступайте въ залу... Корзинка г. Артура пошла въ дѣло... пробки такъ и скачутъ въ потолокъ... Вотъ я взялъ мою долю... Чудесное вино!

МАТІАСЪ, (*оглядываясь.*) Немогу понать до-сихъ-поръ, какъ и куда онъ скрылся отъ меня!

МАРТИНЕ. А! вотъ дядя Матіасъ! дядя Матіасъ! пойдемъ съ нами въ залу выпить пока за здоровье молодыхъ!

ЛОРИОЛЬ. Да еще какого винца-то... шампанскаго (*дѣлаютъ другъ другу знаки.*)

МАТІАСЪ. Ну вѣтъ, благодарствуйте! я небольшой питухъ, какъ вы знаете... особенно это шампанское... оно всегда бьетъ въ голову... Какъ разъ опьявѣешь и заврѣшься... выболтаешь то, чего-бы и не следовало... Знаете, пословица: у трезваго на умъ, у пьянаго на языкъ...

МАРТИНЕ. Тѣмъ лучше... чортъ возьми! Гдѣ — же и повеселиться и поболтать, какъ не на-свадьбѣ?

ЛОРИОЛЬ. Пойдемъ, пойдемъ, дядя Матіасъ!

МАТІАСЪ. Право не хочется... да я — же ищу кой-кого... мнѣ нужно видѣть одного челоуѣка... (*Въ это время Тьері показывается на сцену и прячется въ одну изъ бесѣдокъ.*)

МАРТИНЕ. Какъ, ты отказываешься... отъ рюмки водки съ друзьями, дядя Матіасъ!

МАТІАСЪ. Ну водки.. не што... это другое дѣло...

ЛОРИОЛЬ, (*въ сторону.*) Онъ въ нашихъ рукахъ!

МАРТИНЕ, (*въ сторону.*) И на этотъ разъ не увернется!

(*Берутъ оба подѣ-руки Матіаса и маршируютъ въ трактиръ, впереди ихъ Жимбле вертитъ бутылкою, какъ тамбуръ-мажоръ. Уходя, поютъ всѣ трое.*)

Добрая водка,

Солдату тетка!

Сердце согрѣетъ,

Кровь молодѣетъ...

Водки стаканъ,

На радость намъ данъ!

(*Уходятъ.*)

—

Я В Л Е Н І Е X.

ТЬЕРІ (*въ бесѣдкѣ*) РОЗА, СЕЛИНА И ГУВЕРНАНТКА.

СЕЛИНА. Милая мадамъ Дюбревилъ, прикажите, чтобъ подавали нашу коляску. (*Гувери: уходитъ.*) А ты Роза вызови

сюда тихонько Артура, скажи ему, что пора вѣхать.

роза. Слушаю, сударыня. (*уходитъ*)

селина. Я боюсь встрѣтиться опять съ Тьері, чтобы не измѣнить самой себя (*увидя его.*) Ахъ, Боже мой!

тьери. Какъ? вы убѣгаете меня, Селина?

селина. Ради Бога, оставьте меня!

тьери. О! не-бойтесь ничего. На этотъ разъ я не буду докучать вамъ моею любовію, потому-что вижу, какъ это чувство оскорбляетъ васъ!

селина. Тьері... это чувство любви... Зачѣмъ вы говорите о немъ мнѣ, а не...

тьери. А не вашей матушкѣ? Но думаете-ли вы Селина, что она приметъ это благосклонно!

селина. Въ томъ-то и дѣло, что я боюсь противнаго... Матушка давно имѣетъ на меня другіе виды... къ тому-же вчерашній разговоръ о васъ, Тьері... все это заставляетъ меня бояться... Говорили о вашемъ низкомъ происхожденіи (*быстро.*) Но вѣдь это не я, клянусь вамъ Богомъ! я совершенно чужда всѣхъ этихъ предразсудковъ! Прибавляли еще...

тьери. Что такое, Селина? говорите все!

селина. Это рассказывалъ одинъ изъ пріятелей Артура... Онъ говорилъ, что вы человекъ совершенно безъ состоянія, безъ имени, безъ фамиліи... и что вы зависите только отъ какого-то старика-солдата... Но опять повторяю вамъ, Тьері, что все это не мой образъ мыслей, я совершенно не-горда... но другіе смотрятъ иначе. — Артуръ хохоталъ, какъ безумный надъ вашимъ слѣпымъ повиновеніемъ этому солдату-старикку, можетъ быть, по словамъ его... отцу вашему, Тьері...

тьери. Все это чистая клевета! Не вѣрьте ничему Селина, тутъ нѣтъ ни одного слова правды.

селина. Какъ?

тьери. Да, я свободенъ, ни отъ кого не завишу — и у меня есть состояніе, которымъ я никому не обязанъ.

селина. Но кто-же этотъ таинственный старикъ, имѣющій, по словамъ ихъ, надъ вами такую неограниченную власть?

тьери. Сказки! все это сказки! Снова повторяю вамъ, меня болѣе всего удивляетъ то, что вашъ кузенъ Артуръ, имѣетъ духъ вѣрить всему этому и даже смѣяться надъ-мною! Впрочемъ, и это дѣло всѣмъ повѣстное — онъ ревнуетъ.

селина. Ахъ! не говорите этого, Тьері!

ТЬЕРИ. Значить, вы его любите?

СЕЛИНА. Да... какъ друга моего дѣтства!

ТЬЕРИ. Который впоследствии времени долженъ быть вашимъ мужемъ.

СЕЛИНА, (съ живостію.) Если матушка будетъ этого требовать....

ТЬЕРИ. Вы согласитесь?

СЕЛИНА. Никогда! Какъ мало вы меня знаете, Тьер!

ТЬЕРИ. О, моя Селина, скажите, повторите мнѣ еще разъ это милое — никогда! Подтвердите мое блаженство, обѣщайтесь, что вы никому въ жизни не будете принадлежать, кромѣ меня! Селина! Божество мое! увѣрьте меня въ этомъ для полного моего счастья.

СЕЛИНА. Да! Тьер!... Что я сказала однажды, того не перемѣню никогда... Я люблю васъ.

Я В Л Е Н І Е XI.

Т Ъ Ж Е И А Р Т У Р Ъ (выходятъ изъ дверей.)

АРТУРЪ. Bravo, bravo! друзья мои! Старикъ ужъ почти не стоитъ на ногахъ (увидя Тьер и Селину.) Ахъ!

СЕЛИНА. Артуръ!

ТЬЕРИ. Онъ все слышалъ!

АРТУРЪ, (подходя къ нимъ.) Виновать... я кажется помѣшалъ вамъ... Но пожалуйста, не женируйтесь для меня...

ТЬЕРИ, (насмѣшливо.) Мнѣ очень пріятно, г. Артуръ, встрѣтиться съ вами...

АРТУРЪ. Мнѣ также... Хоть, по-правдѣ сказать, я этого ожидалъ менѣе всего... (въ сторону) Можетъ быть теперь объяснится вся эта исторія!

ТЬЕРИ. Нечаянный случай... Я увидѣлъ ливрею вашу, коляску г-жи Селины... и зашелъ...

СЕЛИНА. Конечно, это было совершенно случайно.

АРТУРЪ. Помилуйте! да я совершенно и любопытствую

знать о томъ, какимъ образомъ вы сошлись здѣсь... я даже никакъ не предполагаю, чтобы г. Тьері съ умысломъ явился сюда, чтобы преслѣдовать особу, которой ни происхожденіе, ни положеніе въ свѣтъ, не подають къ этому повода... Г. Тьері вѣроятно приглашенъ на эту лакейскую свадьбу попить... Онъ, можетъ быть, родственникъ новобрачныхъ?

тьери, Милостивый государь!

селіяа. Артуръ! я спѣшу ѣхать!

артуръ. Сейчасъ, я готовъ! (Тьері) Или можетъ быть у васъ есть здѣсь родственники изъ этихъ бравыхъ инвалидовъ, которые такъ славно попиваютъ и поплясываютъ на свадебной пирушкѣ.

тьери. Еще разъ, милостивый государь: прошу сказать мнѣ, что вы разумете подъ этими оскорбительными словами?...

артуръ. Да гдѣ-же вы тутъ видите оскорбленіе? Я только говорю о вашихъ родственникахъ.

тьери. Мои родственники ни чѣмъ не хуже вашихъ, и я вамъ докажу....

артуръ. Сдѣлайте милость! и тогда всякой порядочный домъ будетъ очень радъ принять васъ къ себѣ!

(Слышны звуки оркестра и хохотъ приближающихся гостей.)

Я В Л Е Н І Е XII.

ТѢ ЖЕ, МАТІАСЬ (пьяный,) МАРТИНЕ, ЛОРИОЛЬ,

РОЗА, ЖИМБЛЕ, и всѣ гости.

всѣ, (хохочутъ). Ха, ха, ха! Bravo! bravo! дядя Матіась! жимбле. Поберегись, дядя Матіась! у тебя что-то подшибаются ноги.

матіась. Пошелъ прочь, щенокъ... (качаясь) Мои ноги все-таки умѣе твоей головы... Да! вотъ оно какъ!

тьери, (съ стороны) Боже! въ какомъ онъ состояніи! уйди скорѣе!

МАТІАСЬ. (*увидя его.*) А другъ Тьері! Наконецъ ты мнѣ попался! Сюда Тьері! сюда мой милый!

АРТУРЪ. Какъ? что такое? какая короткость! (*Оркестръ перестаетъ играть.*)

МАРТИНЕ. (*Лоріолу.*) Молодецъ-то здѣсь! тсъ, вниманіе!

ТЬЕРІ, (*порываясь уйти.*) Позвольте... мнѣ необходимо...

МАТІАСЬ. Какая къ чорту необходимость! Я хочу, чтобы ты былъ здѣсь, Тьері! Мнѣ нужно кой-что переговорить съ тобою, дитя мое!

АРТУРЪ. Старякъ не любитъ церемониться.

ТЬЕРІ. Но я повторяю, что мнѣ необходимо уйти по одному дѣлу. (*Въ сторону.*) Боже мой! какое униженіе!

МАТІАСЬ. А я повторяю, что я хочу, чтобы ты оставался здѣсь и ты останешься... Да! я хочу... я требую этого, понимаешь?

АРТУРЪ. Въ самомъ дѣлѣ, вы что-то торопитесь, г. Тьері оставить это веселое общество...

ТЬЕРІ. Я не обязанъ, милостивый государь, давать вамъ отчета, въ моихъ поступкахъ!

ЖИМБЛЕ. Да не горячись много-то, дядя Матіась... Ей-Богу, я того и смотрю, что ты бухнешься на-земь...

МАТІАСЬ. Смирно, дальше руки! г. Жимблѣ! (*хватаетъ за руку Тьері.*) А тебя молодецъ я приказываю осгаться здѣсь! Ни шагу больше, ни съ мѣста! Вотъ онъ самъ!

ТЬЕРІ, (*поблѣдильсь*). Прочь невѣжа пьяный! Кто ты такой? Я тебя совершенно незнаю!

МАТІАСЬ. Что, что, что? Ты меня совершенно незнаешь?

СЕЛИНА. Ради Бога, Артуръ... уйдемъ скорѣе!

АРТУРЪ. Погодите немножко, кузина... Это становится интересно!

МАТІАСЬ. Ты меня, говоришь, незнаешь?... Онъ меня... Ты меня... Такъ ты такое-же неблагоприятное животное, какъ и другіе прочіе? Ты отказываешься отъ меня... славно! Отъ меня... отъ дяди Матіаса?

ТЬЕРІ. Поди, лучше проспись мой другъ, ты теперь въ такомъ состояніи (*хочетъ уйти, но встръпцаетъ насмѣшливый взоръ Артура и остается*).

МАТІАСЬ. А въ какомъ я состояніи? а чѣмъ оно худо, это состояніе? Я никакъ не покраснѣю ни передъ кѣмъ отъ этого

состоянія... между тѣмъ, какъ ты... Вотъ это совершенно другая статья... для того, что вотъ видишь ты неблагодарный человекъ... а! Такъ ты меня не знаешь... совершенно, говоришь не знаешь? Хорошо! очень хорошо! (*обращаясь къ гостямъ*) Погодите! я сыграю надъ нимъ штуку. Да.. ну... ты меня не знаешь?.. а кто же сшилъ тебѣ это платье, которое у тебя на плечахъ? а кто купилъ тебѣ эти модныя бѣлыя перчатки съ пуговками?... а кто платилъ за тебя въ пенсіонъ, какъ ты учился еще мальчишкою? кто тебѣ навимаетъ квартиру, лошадей? кто тебя, однимъ словомъ, повтъ и кормитъ! а?.. кто? ну ктоже, говори?

ТЬЕРИ (*тихо*). Творецъ мой! пощади меня! и она все это слышать!

МАТІАСЪ (*гостямъ*). Постоите! я отпущу ему штучку еще позабористѣе! (*Тьери*). А кто ты такой, родомъ-то? гдѣ твое... то есть, родство? то есть, фамилія? а? Вѣдь это все я одишь, все дядя Матіасъ! Вотъ оно какъ! (*всѣ хохочутъ, Тьери закрываетъ лицо руками*) Чему-же вы хохочите, дураки? Ослы вы этакіе? Ты что больше всѣхъ горло дерешь, скотина Жимбле?... Что ты даешь праздникъ-то что-ли?.. да я плевать хочу на твой праздникъ! — Вотъ оно какъ! хочешь, я прогоню и самого-то тебя отсюда?.. хочешь, да? Вы всѣ у меня въ гостяхъ господа, съ этой минуты! Вы всѣ у дяди Матіаса, ѣшь, пей, веселись и пляши! а я плачу за все! Что, у меня денегъ што-ли нѣтъ? грибъ съѣли! сколько вамъ надо?... 200 т. франковъ? 300 т. франковъ? есть! мало этого? същемъ еще... Вотъ оно какъ.

МАРТИНЕ. Слышишь! Я говорилъ, что онъ миллионеръ!

МАТІАСЪ (*хохочетъ*). Ха, ха, ха! ко-мнѣ друзья мои! всѣ ко-мнѣ! къ дядѣ Матіасу... Такъ ты меня не знаешь... разбойникъ ты этакой! Нѣтъ-же тебѣ съ этихъ-поръ ничего... Все пропирую и пропью самъ! Вина! эй трактирщикъ! шампанскаго! Вотъ оно какъ!

ЖИМБЛЕ. Онъ помѣшался!

СЕЛЯНА. О! какъ я страдаю!

ТЬЕРИ. Но ради Бога, уведите, уложите его въ постель, друзья мои... Онъ не помнитъ себя... онъ самъ не знаетъ, что говорить.

ЖИМБЛЕ. (*оркестръ начинается тихо и продолжается до-конца акта*). Разумется!

МАТІАСЬ (*отмахивается тростью*). Смѣрно! слушать команду! Никто не смѣй подойти ко-мнѣ, пьяницы вы такіе!.. (*задѣваетъ палкой Жимбле, который убѣгаетъ*). Я хочу быть здѣсь.. Нехочу нигуда идти... у меня на сердцѣ тяжело! Да! давить, сосетъ тутъ... (*плачетъ*) Онъ отрекся отъ меня старика... онъ стыдится дяди Матіаса... онъ... любимое дитя моего сердца... онъ... кого я выростилъ, воспиталъ... лелѣялъ... берегъ...

ТЪЕРИ (*съ чувствомъ*). Дядя Матіасъ!

МАТІАСЬ. Вонъ! пошелъ вонъ! Да кто ты такой? Я тебя не знаю... вовсе незнаю.. Ха, ха, ха! Мнѣ весело! очень весело... Я хочу пить, плясать... тра! ля! ля! ля... тра ля ля ля!

Старый солдатъ....

Въ полѣмя радъ....

(*Хочетъ плясать и въ изнеможеніи падаетъ на-руки Лоріоля и Мартине.*)

СЕЛИВА. Боже! я не вынесу этого!

ТЪЕРИ. Я пропалъ совершенно!

АРТУРЪ (*Селивъ*). Теперь я къ вашимъ услугамъ, кузина! Подъемоте! (*Артуръ подаетъ руку Селивъ и оба уходятъ. Тъери въ отчаяніи, стоитъ, закрывъ лицо руками. Лоріоль и Мартине поддерживаютъ Матіаса, который шатается и дѣлаетъ ручкой повобрачной Розъ, гости рисуются различными группами. Занавѣсь опускается при тихой музыкѣ*).

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ залу въ замкѣ баронессы Селины. Окно и столъ съ правой стороны актеровъ. На лѣво диванъ. Въ глубинѣ сцены каминъ и двѣ двери, съ одной стороны стеклянная дверь и балконъ, выходящая въ садъ. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

БАРОНЕССА СЕЛИНЫ, СЕЛИНА, АРТУРЪ, ПОТОМЪ ЖИМБЛЕ И РОЗА. (Артуръ сидя на диванъ, читаетъ журналъ, баронесса входитъ съ Селиною.)

БАРОНЕССА. Я тебѣ говорю Селина, что желтый токъ съ красными перьями — это просто будетъ прелесть!

СЕЛИНА. Увѣряю тебя, мамаша...

БАРОНЕССА. Нечего тутъ увѣрять, я сама не-дура, я знаю, что ко-мнѣ идетъ... красныя перья! Это такъ благородно, да и видно пзъ-далека!

СЕЛИНЫ. Да это совершенно безъ вкуса, мамаша!

БАРОНЕССА. Поги ты съ своимъ вкусомъ! вкусъ! вкусъ! Вкусъ у всякаго свой! Ну, а мой таковъ, какъ я говорю.

АРТУРЪ. Что такое? о чемъ у васъ идетъ такой жаркой споръ?...

СЕЛИНА. Артуръ!

БАРОНЕССА. А! дорогой племянничекъ! ты здѣсь!

АРТУРЪ. Да; я сейчасъ только всталъ и занялся чтеніемъ журнала, да чуть-было и опять не заснулъ! О чемъ у васъ былъ такой жаркій споръ съ кузиною, моя прелестная тетушка.

БАРОНЕССА. Да вотъ, разсуди насъ: на будущей недѣль балъ у одной изъ моихъ знакомыхъ... я заказывала себѣ желтый

токъ съ красными перьями... не правда-ли, что это прелесть? А вотъ госпожа дочка изволить увѣрять меня, что это безъ вкуса!... Извольте идти сударыня, за ваши фортепьяны!...

Артуръ (*въ сторону*). Тетушка расхохоталась!... будетъ надъ чѣмъ посмѣяться! Ну, взъ чего-же тутъ сердиться, любезная тетушка, у всякаго свой вкусъ... желтое съ краснымъ — это вашъ вкусъ... и я съ своей стороны нахожу, что онъ ни чѣмъ не хуже другихъ!

Селлина. Надобно прибавить къ этому Артуръ, что на мамашѣ будетъ зеленое платье!

Артуръ. Зеленое?...
Баронесса. Да, светло-зеленое!

Артуръ. Bravo! желтое, красное и зеленое!.. чудесное слявіе цвѣтовъ (*въ сторону*.) Тетушка будетъ настоящая холячая радуга!

Роза (*въ дверяхъ говоритъ Жимбле*). Да входн-же... говорить тебѣ, болванъ!

Баронесса. Это кто еще?...

Селлина. Это вчерашніе молодые!

Роза. Точно такъ, г-жа баронесса, это мы... я пришла от-рекомендовать вамъ моего мужа...

Артуръ. Ахъ! это госпожа Жимбле!

Баронесса. Подойди сюда, мой другъ! какой славный мальчикъ!

Жимбле. Я не мальчикъ теперь, госпожа баронесса, потому что... то есть... я вчера женился!

Баронесса, (*въ сторону*). Кажется, его нельзя поклѣпать большимъ умомъ. Ну, Роза! любя тебя, я принимаю и мужа твоего къ себѣ въ услуженіе.

Артуръ. Кстати! а что вашъ старикъ инвалидъ? я было и забылъ о немъ. Что онъ проспался, или нѣтъ еще?

Жимбле. Отхрапываетъ такъ, что любо слушать!

Баронесса. Это что значить? Какой тамъ инвалидъ?

Артуръ. Славный старикъ, тетушка! это тотъ, Селлина, вчерашній... Вы помните?

Селлина, (*въ сторону*). Гадкій старичишка! Сколько онъ вчера надвѣлалъ горя бѣдному Тьеря!

Баронесса. Да что-же это такое, растолкуйте мнѣ!

АРТУРЪ. Сейчасъ расскажу все: вчера, возвращаясь въ моемъ карбюлетъ довольно поздно домой, я встрѣтился съ свалебнымъ поѣздомъ, который провожалъ молодыхъ сюда въ домъ. Этотъ старый инвалидъ такъ подгулялъ на свадьбѣ, что не могъ держаться на ногахъ — не только дойти до своей богодѣльни. Онъ былъ просто мертво пьянъ и принялъ вашъ замокъ за трактиръ, въ которомъ можно переночевать. Ну какъ же было отказать въ постель челоуѣку въ такомъ положеніи?

БАРОНЕССА. Какъ? и онъ ночевалъ здѣсь, у меня въ домъ?

РОЗА. Это не моя вина, сударыня!

ЖИМБЛЕ. Господинъ Артуръ приказалъ бережно уложить его...

АРТУРЪ. Не сердитесь, добрая тетушка! Неужели-же надобно было оставить бѣднаго старика ночевать на улицѣ... Къ тому же онъ старый военный товарищъ моего покойнаго отца, какъ говорить онъ...

БАРОНЕССА. Пьяница! Фи! сейчасъ разбудить его и вытолкать вонъ!

СЕЛИНА. Я согласна съ мамашей, его надо прогнать.

АРТУРЪ. Но я этимъ хотѣлъ услужить г. Тьері, которому онъ кажется, какой-то родственникъ...

БАРОНЕССА. Прекрасное родство! Я поздравляю съ этимъ господина Тьері! Еще разъ, прогнать сейчасъ этого челоуѣка отсюда.

АРТУРЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. прошу не тревожить его сна! это было-бы слишкомъ жестоко съ нашей стороны. Бѣдный старикъ... онъ заснулъ такимъ богачемъ вчера... такъ и кричитъ: У меня 200, 300, тысячь франковъ! я хочу пировать! Вина! шампанскаго!

Однимъ словомъ, милая тетушка, погодите по-крайней-мѣрѣ отсылать его до-тѣхъ-поръ, пока онъ путемъ проспится. Я васъ прошу за этого бѣдняка! онъ мнѣ очень нравится.

БАРОНЕССА. Ну, на этотъ разъ пусть будетъ по твоему. Селина, прикажи мнѣ готовить одѣваться... О чемъ такъ задумалась, сударыня?

СЕЛИНА. Такъ, маманъ, ничего... Сейчасъ иду! (въ сторону). Онъ его родственникъ? не можетъ быть. (Уходитъ).

БАРОНЕССА, (Розѣ). А ты прикажи мнѣ закладывать лошадей.
РОЗА, (уходя). Слушаю-сь.

АРТУРЪ. Кстати, Жимбле. Скажи, чтобы и мой кабріолетъ былъ готовъ—я поѣду куда-нибудь завтракать!

БАРОНЕССА. Что за вздоръ... Завтракай здѣсь... у меня славная дичь и сыръ... Жимбле! Вели подать сюда завтракать господину Артуру. *(Жимбле уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е II.

БАРОНЕССА, АРТУРЪ, и ПОТОМЪ ЖИМБЛЕ.

АРТУРЪ. Но тетушка, я далъ слово моимъ пріятелямъ.

БАРОНЕССА. Что такое? какимъ тамъ еще пріятелямъ?

АРТУРЪ. Они будутъ меня ждать...

БАРОНЕССА. Небольшая бѣда, ежели и прожлуть по пустому. Знаю я твоихъ пріятелей, Артуръ. Это все ветрогоны, мотышки... да и тебя втянули въ тѣ же глупости. Сколько ужъ я переплатила за тебя денегъ, племянничекъ?...

АРТУРЪ. Да какъ же иначе, любезная тетушка! Въ Парижѣ житье дьявольски дорого... вы сами это должны знать.

Портные, пово-
ра, кабріолетъ, кулисы,
Шѣвцы и вечера...

БАРОНЕССА.

Прибавь ужъ: и актрисы!

АРТУРЪ.

А деньги, какъ вода,
Вотъ такъ пзъ рукъ и льются...

БАРОНЕССА.

Особенно когда,
Отъ тетокъ достаются!

Да, да племянничекъ! я говорю тебѣ правду.—Пора подумать серьезно о себѣ: я дала слово твоей покойной матери, сестрѣ моего втораго мужа, что моя Селина будетъ твоею женою... Но подумай самъ: съ такимъ поведѣніемъ, какъ твое...

АРТУРЪ. Будьте покойны, тетушка. Все пройдетъ въ свое время! Нельзя-же, когда мы молоды и имѣемъ извѣстное значеніе въ свѣтъ... Женитьба переменитъ все.

БАРОНЕССА. Да! а до-тѣхъ-поръ, мы бѣсимся, пируемъ безъ отдыха цѣлые дни и ночи—и наконецъ, когда ужъ устанемъ, истощимся, какъ кляча въ омнибусѣ, тогда рѣшаемся жениться. Какъ это лестно для невѣсты!

АРТУРЪ. Ну, за чѣмъ-же дѣло стало? Обвѣнчайте насъ поскорѣе тетушка, да и дѣло съ концемъ! Я давно горю нетерпѣніемъ назваться вашимъ сыномъ...

БАРОНЕССА. И получить богатое приданое, плутишка! Знаю я васъ, мелодчиковъ нашего времени... Но шутки въ сторону. Въ-самомъ-дѣлѣ пора положить всему этому конецъ... я за этимъ сейчасъ и ѣду къ министру... Какъ только онъ выхлопочетъ тебѣ мѣсто при какомъ-нибудь посольствѣ...

АРТУРЪ. Какъ! вы все-таки не оставляете вашей мысли удалить меня изъ Парижа?

БАРОНЕССА. Разумѣется!.. Ты такъ легко досташь себѣ здѣсь денегъ въ займы...

АРТУРЪ. Но это ужъ кончено, тетушка! боюсь вамъ...

ЖИМБЛЕ, (*принюся застракъ*). Васъ спрашиваетъ, сударыня, какой-то по-видимому, ростовщикъ...

БАРОНЕССА. Ростовщикъ? это что значитъ? Какъ дорогой племянничекъ?.. Это опять одинъ изъ вашихъ кредиторовъ?

Артуръ. Не можетъ быть, тетушка... Развѣ по какимъ-нибудь еще старымъ долгамъ...

Баронесса. Пойдемте со-мною, сударь!

Артуръ. Немогу тетушка! я голодець, какъ собака! а вы сами взманяли меня вашею дичью и сыромъ.

Баронесса, *(уходит)*. Еще ростовщикъ! О! ты жепясь уѣдешь у меня, по-крайней-мѣрѣ, въ Швецію съ посольствомъ. Я тебя разлучу съ этимъ мерзкимъ народомъ, который въ Парижѣ такъ охотно изволятъ давать денежки въ займы, молодымъ людямъ, у которыхъ есть богатые тетки! *(уходитъ)*.

Артуръ, *(сидя за-завтракъ)*. Какъ-же, поѣду я тебѣ въ Швецію! мнѣ и здѣсь хорошо.

Жимбле. Какого сударь прикажете вина, простаго, ала бордо?.. или?..

Артуръ. Какого? Да что за выборъ, братецъ? Дай просто—шампанскаго!

Жимбле. Слушаю-съ.

Артуръ. А кстати: послушай-ка Жимбле! каковъ собою этотъ господинъ, который спрашивалъ тетушку, и какъ его зовутъ?

Жимбле. Такой длинный, какъ верста, сударь! рабой, а носъ красный съ зелеными очками. Зовутъ его... какъ бившь, Дар... дар...

Артуръ. Дюрвиль?

Жимбле. Дюрвиль, Дюрвиль, такъ точно, сударь. *(Уходитъ)*.

Артуръ. Дюрвиль! такъ, я и зналъ! экая каналья! а вѣдь обѣщаль подождать еще три мѣсяца... Ну, теперь тетушка опять подниметъ шумъ! Рѣшено! я не завтракаю здѣсь! я лучше убѣгу... Къ тому-же меня ожидаютъ пріятели у Тортони... Ворочусь, когда первая гроза немножко по-уляжется... Добрая моя тетушка! *(слышенъ колольчикъ)*. Ну такъ и есть! это она зазвонила! Вѣрно посылаетъ за-мною. Убѣжимъ поскорѣе. *(Бѣжитъ въ глубину сцены за шляпою, тростью и перчатками, которыя лежатъ на креслѣ)*.

Я В Л Е Н І Е Ш.

МАТІАСЬ И АРТУРЪ.

МАТІАСЬ (*полуотворяя дверь и высовывая голову.*) Ась? Неужели здѣсь нѣтъ никого? (*сходитъ, не видя Артура.*) Ба! ба! ба! Куда это зашелъ ты мой другъ, дядя Матіась? Вѣдь ты ни у себя въ Инвалидномъ Домѣ... нѣтъ, нѣтъ! Не тѣмъ пахнетъ! Въ такихъ хоромахъ, впору жить какому нибудь перу Франціи! Какъ и какимъ случаемъ очутился я здѣсь... Хоть убей, ничего непомню!

АРТУРЪ. Наконецъ онъ проснулся!

МАТІАСЬ. Такъ значитъ ты несчастный не почевалъ и дома-то? Будетъ же тебѣ на орѣхи! да, да! голубчикъ, аресту не митновать... да и за-дѣло! Дѣвушка гуляй, а дѣльцо помни!.. Ба! что это такое? Завтракъ!.. да, да, завтракъ! да еще какой... а постеля-то, постеля-то, на которой я спалъ! пуховники - то! Уфъ! такъ и утонешь! Мягко, тепло... а тутъ еще тебѣ завтракъ.... Ну ужъ это просто, мое почтеніе! А что въ самомъ дѣль... еслибъ это для меня?..

АРТУРЪ (*бьетъ его по-плечу.*) А почему - же нѣтъ?..

МАТІАСЬ. Ахъ! Да здѣсь есть кто - то... (*снимаетъ шапку.*) Ба! Да это господинъ Артуръ.

АРТУРЪ. Доброе утро, старина!

МАТІАСЬ. Господинъ Артуръ Лапьеръ... Отчасу не легче! Да гдѣ-же я въ самомъ дѣль?..

АРТУРЪ. Въ замкѣ Селины.

МАТІАСЬ. Вотъ тебѣ разъ! Неужли - же я его вчера съ пьяну счелъ за трактиръ? Чего добраго! Такъ вотъ гдѣ я изволилъ нѣжиться на мягкой постелькѣ.... Да еще съ-дуру чуть-было сейчасъ не усѣлся и завтракать, ай дядя Матіась! молодецъ братъ! Вотъ оно какъ!

АРТУРЪ. И очень хорошо. Не церемонься. Будь, какъ дома. Ты почти все равно, что у меня въ гостяхъ.

МАТІАСЬ. У васъ въ гостяхъ? я?.. старый солдатъ, инвалидъ?.. Да ужъ полно проснулся - ли я?.. Не во снѣ-ли я еще все брежу?..

АРТУРЪ. Нѣтъ, ты не спишь, мой бравый старинишка, (*опять слышитъ звонокъ.*) Ахъ! чортъ возьми! медлить нельзя больше. -

Мнѣ должно уйти... А мнѣ-бы таки нужно было переговорить съ тобою.

МАТІАСЬ. Переговорить? со-мною?..

АРТУРЪ. Да, да! но послѣ, послѣ мы еще увидимся... Я бѣгу чрезъ садовую террасу. (*бѣжитъ къ стеклянной двери.*)

МАТІАСЬ. Кой чортъ!.. Ну, а этотъ завтракъ — то господи въ Артуръ?

АРТУРЪ. Это для тебя, для тебя, дядя Матіасъ (*ублѣаетъ.*)

МАТІАСЬ. Для меня?.. тѣмъ лучше! Сядемъ! Я чертовски проголодался за-ночь...

Я В Л Е Н І Е IV.

МАТІАСЬ и ЖИМБЛЕ (*съ корзиною, въ которой четыре бутылки шампанскаго.*)

ЖИМБЛЕ. Вотъ сударь вамъ и шампанское!

МАТІАСЬ. Шампанское? Bravo!

ЖИМБЛЕ. Что за чортъ.... Ба! да это старикъ Матіасъ.

МАТІАСЬ. Это дурачина вчерашній новобрачный.

ЖИМБЛЕ. Ну, да, да, вчерашній! А ты, несчастный, какимъ образомъ забрался сюда, и что ты тутъ дѣлаешь?

МАТІАСЬ. Ну, не совсѣмъ несчастный! Ты видишь, я завтракаю.

ЖИМБЛЕ (*отнимая у него блюдо съ дичью, которую тотъ собрался рѣзать.*) Прошу не трогать эту холодную дичину!

МАТІАСЬ (*тянетъ къ себѣ.*) Да я до холодной-то охотникъ!

ЖИМБЛЕ. Я тебѣ говорю—подай!

МАТІАСЬ. А я тебѣ говорю, не тронь!

ЖИМБЛЕ. Я тебѣ говорю...

МАТІАСЬ (*перестаетъ тянуть къ себѣ блюдо и схватываетъ тетерку за-ногу, Жимбле падаетъ.*) Пошелъ ты къ чорту!.. Вотъ такъ — то! Отдохни себѣ пока на досугъ!

ЖИМБЛЕ. Въдь ты меня чуть не убилъ до смерти, дядя Матіасъ.—

МАТИАСЬ. Кто виноватъ? Зачѣмъ тебѣ вздумалось отнимать у меня мою личину... да, мою! Ну что ты на меня выпучилъ глаза-то?.. Мнѣ сказано: завтракай, дядя Матиасъ! Ну вотъ я слушаюсь команды и вступилъ въ отправленіе моей должности!

ЖИМБЛЕ, *(опять хочетъ отнять у него дичь, Матиасъ колеблетъ его вилкой.)* Отдашь ли ты мнѣ наконецъ эту личину? Аи! чортъ побори! Да онъ меня чуть не прокололъ насквозь... А, такъ ты такъ-то, дядя Матиасъ! Погоди-же!—я сейчасъ побѣгу и расскажу все госпожѣ Баронессѣ. —

МАТИАСЬ. Бѣги хоть въ Римъ, коли охота есть!

ЖИМБЛЕ, *(кричитъ въ садъ.)* Эй! кто тамъ? Пьеръ! Жанъ! войдите сюда, пособиите мнѣ вытолкать вонъ этого стараго нахала. *(Входитъ лакей.)*

МАТИАСЬ *(вскакивая.)* Вытолкать? меня?.. Первый, кто осмѣлится притронуться ко мнѣ, вылетитъ въ окошко, *(открываетъ окно!)*

ЖИМБЛЕ, *(толкая впередъ лакея.)* Смѣлье! Смѣлье! Вытолкаемъ его отсюда! Насъ двое, а онъ одинъ...

ЛАКЕЙ. Господинъ Артуръ запретилъ его трогать!

ЖИМБЛЕ. Г. Артуръ?

МАТИАСЬ. Онъ приказалъ мнѣ садиться за завтракъ!

ЖИМБЛЕ. Но г-жа баронесса.

МАТИАСЬ, *(смотря въ окно.)* Ба! не обманываюсь-ли я?.. Тамъ внизу... облокотясь о столбъ... и смотреть на этотъ домъ... Нѣтъ! такъ и есть!.. Это онъ!.. *(машетъ въ окно салфеткою.)* Эй! прошу покорно! вѣдь глазеть-же на окно, только не на это!

ЖИМБЛЕ. Это еще что за новости? Кого это онъ манитъ?

МАТИАСЬ, *(идя къ Жимбле.)* Послушай, Жимбле!

ЖИМБЛЕ, *(кричитъ.)* Господинъ инвалидъ! Не подходите ко мнѣ! Не трогайте меня!

МАТИАСЬ, *(лакею.)* Но хоть ты, дружокъ... Вонъ тамъ внизу... напротивъ этого окна... молодой человекъ... позови его, пожалуйста, сюда... Скажи, что его жлуть съ ветеривніемъ... Сдѣлай одолженіе, да поскорѣе. *(лакей уходитъ!)*

ЖИМБЛЕ. Славно! Онъ еще сзываетъ гостей сюда!

МАТИАСЬ. Разумѣется! а можетъ быть и онъ еще не завтракалъ.—

ЖИМБЛЕ. Но, несчастный! знаешь ли ты, какимъ образомъ самъ-то очутился здѣсь?

МАТІАСЬ. Нѣтъ! Я объ этомъ допрашивался цѣлый часъ.

ЖИМБЛЕ. Такъ ты не помнишь, что вчера у меня на свадьбѣ ты былъ въ такомъ состояніи....

МАТІАСЬ. Ну да! я подпилъ немножко.... Это я знаю!

ЖИМБЛЕ. Неможко! ай для Матіасъ! Неможко! Да ты былъ мертвецки пьянъ, и если-бы г. Артуръ не поднялъ тебя на улицѣ и не приказалъ принести сюда въ домъ своей тетки.

МАТІАСЬ. Своей тетки?..

ЖИМБЛЕ. Ну да! и я сейчасъ побѣгу ей все рассказать.

МАТІАСЬ, *(удерживая его.)* Но послушай, дружище Жимбле...
(Жимбле убѣгаетъ.)

ТЪЕРИ, *(за сценой)* Меня зовутъ! Это вѣрно она, Селнна!

МАТІАСЬ. Ахъ! Тъери!

Я В Л Е Н І Е V.

МАТІАСЬ И ТЪЕРИ.

ТЪЕРИ. Какъ? опять онъ... и вездѣ онъ?..

МАТІАСЬ. Какъ видишь. Я сейчасъ посылаю за тобою.

ТЪЕРИ. А я безумный думалъ, что это Селнна! Но какимъ образомъ ты находишься въ здѣшнемъ замкѣ?

МАТІАСЬ. Да такъ-себѣ... Завтракалъ-ли ты, сынъ мой?

ТЪЕРИ. Но ты шутишь надо мною!

МАТІАСЬ. Ни мало!

ТЪЕРИ. Такъ ты пришелъ сюда для того, чтобы опять меня увнзять, слѣлать смѣшнымъ передъ всеми, какъ вчера на этой проклятой свадьбѣ!

МАТІАСЪ. Какъ? вчера? На свадьбѣ?
 ТЬЕРИ. Ахъ! дядя Матіасъ! ты вчера жестоко отомстилъ за себя.

МАТІАСЪ. Я отомстилъ? тебѣ? да за что-же, Тьері?

ТЬЕРИ. За то, что я былъ неблагодаренъ въ отношеніи къ тебѣ! За то, что любовь моя совершенно вскружила мнѣ голову! за то, что я отрекся отъ тебя, моего всегдашняго благодѣтеля! За то, что я оттолкнулъ тебя при всѣхъ!

МАТІАСЪ. Ну, такъ и есть, теперь я все понимаю.... Я напился пьянъ.... началъ завираться, дурачиться.... Тебѣ было стыдно за стараго дурака.... и ты сказалъ, что незнаешь меня... Ну, что-же?... Ты, правъ Тьері! я стоялъ этого! я былъ просто, скотина....

ТЬЕРИ. Нѣтъ, нѣтъ! во всемъ виноватъ одинъ я!

МАТІАСЪ. Напротивъ, я! или лучше сказать тотъ, кто довелъ меня вчера до такого состоянія.... О варвары! кабы они попались мнѣ въ руки... Но расскажи мнѣ, что такое я накуралесилъ вчера? Много я болталъ? и что именно?...

ТЬЕРИ. Ты только говорилъ противъ меня, дядя Матіасъ; напоминалъ мнѣ, что я тебѣ всѣмъ обязанъ.

МАТІАСЪ. Проклятое вино!

ТЬЕРИ. Говорилъ, что я всѣмъ обязанъ одному твоему страданію, ко-мнѣ брошенному ребенку.

МАТІАСЪ. Мерзавецъ я этакой!

ТЬЕРИ. Напоминалъ мнѣ, что всѣ деньги, которыя есть у тебя, принадлежать собственно тебѣ, и что ты даешь ихъ мнѣ изъ милости, потому, что я нищій!

МАТІАСЪ. И не нашлось человѣка, который-бы хорошенько поколотилъ меня! и я все это говорилъ? Но вѣдь ты безъ сомнѣнія не вѣрилъ этому, мой крошка Тьері, мое милое дитя! Да? Вѣдь ты не вѣрилъ этому? ты видѣлъ, что это говорить во мнѣ проклятое шампанское! ты не сердился, и теперь не сердись на глупаго старичишку Матіаса, а? Неправда-ли?

ТЬЕРИ. Напротивъ, я чувствую, что заслужилъ всѣ эти упреки!

МАТІАСЪ. И это было при всѣхъ гостяхъ!

ТЬЕРИ. Что мнѣ до другихъ? Но тутъ была она.... Селвна... и Артуръ.

МАТІАСЬ. И Артуръ? Ну, а ему я ничего не говорилъ, Тьері?

ТЬЕРІ. Я такъ былъ уничтоженъ, что ничего непомню.... Знаю только, что онъ смѣялся надъ моимъ униженіемъ!

МАТІАСЬ. Смѣялся? онъ? сынъ Жака Лапьера?

ТЬЕРІ. А Селина? Каково было ей,.. я самъ видѣлъ слезы въ ея глазахъ... Да! для меня теперь все кончено!

МАТІАСЬ. Такъ значитъ, ты былъ влюбленъ въ нее, Тьері? а! Теперь я все понимаю!... и я передъ ея глазами рѣшился говорить тебѣ такія ужасныя вещи?... О! прогони меня съ глазъ твоихъ! Прибей меня... да по-больше!.. я мерзкой, подлой старичишка!... Никуда негодная тварь! О! мой бѣдный Тьері! прости меня! я-бы упалъ передъ тобою на колѣна, еслибъ только лѣвая нога моя сгибалась... О! я воображаю, какъ тяжело было душѣ твоей?

ТЬЕРІ. Да! Я въ отчаяніи почти готовъ былъ посягнуть на мою жизнь?

МАТІАСЬ. Ты? ты хотѣлъ убить себя, мой бѣденскій Тьері? прошу не говорить такихъ глупостей, сударь! Убить себя? Ну, да вѣдь слѣдомъ за тобою отправился-бы и дядя Матіась... Нѣтъ, нѣтъ, я хочу, чтобы ты жилъ и былъ счастливъ!

ТЬЕРІ. Какое счастье безъ Селины? А послѣ всего случившагося, мнѣ нечего уже надѣяться...

МАТІАСЬ. Надѣяться надобно всегда, дитя мое! Какъ знать! что можетъ случиться... Да, да, мой добрый бѣдняжка Тьері! Но какъ я вчера надѣлалъ всѣ эти проказы, мнѣ слѣдуетъ и поправить ихъ... Да, я увижусь съ этой дѣвочкой, твоей Селиной. Она показалась мнѣ вчера очень недурна и добра... Я переговорю съ нею... я скажу ей...

ТЬЕРІ. Тихе, ради Бога тихе, дядя Матіась! Развѣ ты забылъ, что находишься близъ ея, что этотъ замокъ ея матери.

МАТІАСЬ. Тѣмъ лучше, чортъ возьми! Недалеко ходить, а кстаті я увижусь и со старухой... Что она тамъ... графиня, или баронесса какая?... Мнѣ не-зачѣмъ бояться ея, я старый солдатъ!

ТЬЕРІ. Ради Бога... Лучше уйди отсюда.

МАТІАСЬ. А вотъ нѣтъ — же, не пойду, говорю я тебѣ!.. На-

добно сдѣлать всему этому одинъ конецъ. *(наливаетъ себѣ вина.)*

ТЪЕРИ. Тсъ! кто — то плеть!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТЪЖЕ, РОЗА, *(потомъ)* ЖИМЕЛЕ, БАРОНЕССА,

и нѣсколько ЛАКЕЕВЪ ВЪ ДВЕРЯХЪ.

РОЗА, *(вбѣгая.)* Спасайся скорѣе! бѣги отсюда, дядя Матіасъ...
За мною плеть баронесса.... Ахъ! г. Тьері! и вы здѣсь?..

МАТІАСЪ. Очень кстати! а мнѣ пужно переговорить съ нею!

РОЗА. Господинъ Тьері! уведите его, ради Бога! Баронесса ужасно разсердилась, узнавъ....

ТЪЕРИ. Въ самомъ дѣлѣ, дядя Матіасъ, уйдемъ отсюда.

МАТІАСЪ. Этому не бывать! говорю я вамъ! Непроглотить же она меня цѣликомъ—ваша баронесса: вѣдь я не миндаликъ въ сахаръ... можно и поперхнуться...

ЖИМЕЛЕ, *(входл.)* Вотъ и она! Вотъ и она!

БАРОНЕССА, *(входл.)* Что здѣсь такое?.. что это значитъ? Кто смѣлъ быть наглымъ въ моемъ домъ?..

ЖИМЕЛЕ. И еще разсѣется за чужимъ завтракомъ!..

МАТІАСЪ, *(въ смущеніи ставитъ бутылку и рюмку на столъ.)*

Ахъ! чортъ побери... Въ самомъ дѣлѣ это знатная дама.—

ТЪЕРИ. Баронесса, сдѣлайте одолженіе.....

БАРОНЕССА. Ахъ! это вы, г. Тьері? Сейчасъ выгнать этого старичишку... А вначе...

МАТІАСЪ, *(сквозь зубы.)* Вотъ они... эти знатные! выгнать! Какъ будто я собаченка какая...

БАРОНЕССА, *(людмъ.)* Развѣ вы не слышали, что я приказала?

МАТІАСЬ, *(подходя къ ней.)* Извините... г-жа баронесса... Я... вотъ изволите видѣть... мнѣ бы нужно было... переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ... то есть... на счетъ... Ахъ! Да это Дуиза!!

БАРОНЕССА. Что такое? Что ты сейчасъ сказалъ? Вонъ его! говорю я вамъ!

ЖИМБЛЕ, *(подходя.)* Ну, ну, дядя Матіась... Неудобно-ли тебѣ по-доброу по-здорову отправиться отсюда...

ТЬЕРИ. Ступай, дядя Матіась, ступай...

МАТІАСЬ. Полно, Тьері! Оставь меня... ты знаешь, что я не слишкомъ пугливаго десятка *(пристально глядя на Баронессу.)* Дядя Матіась не пойдетъ отсюда.

БАРОНЕССА. Какъ?

МАТІАСЬ. Да такъ, просто, Матіась... Старый гвардеецъ... первой гренадерской роты, не привыкъ къ ретирадѣ.

ЖИМБЛЕ. Какъ прикажете г-жа Баронесса?

БАРОНЕССА. Погоди, Жимбле... Чего — же ты отъ меня хочешь, старикъ? О чемъ ты хочешь говорить со-мною? Ну... я слушаю тебя *(людямъ.)* Ступайте отсюда, если будетъ нужно, я позвоню.

ТЬЕРИ *(тихо.)* Что ты хочешь дѣлать, дядя Матіась!

МАТІАСЬ *(тихо.)* Выди пока отсюда... въ садъ... тамъ по-дожди *(Тьері уходитъ.)*

БАРОНЕССА. *(дѣлаетъ знакъ рукою, всѣ уходитъ.)*

МАТІАСЬ *(въ сторону.)* Она богатая баронесса! Знатная дама! Уфъ! такъ морозъ по-кожъ и подираетъ!

Я В Л Е Н І Е VII!

МАТІАСЬ И БАРОНЕССА.

БАРОНЕССА *(успѣрся, что всѣ вышли.)* Матіась!

МАТІАСЬ. Сударыня...

баронесса (ласково.) Неужели это ты, мой старый военный товарищ и другъ?

матіасъ. Какъ? ты... Вы... узнаете меня?

баронесса. Развѣ можно забывать своихъ старыхъ, искреннихъ друзей и сослуживцевъ.

матіасъ. Bravo! Моя Луиза! г-жа баронесса... такъ это ты?.. это вы?.. извините! я право незнаю, какъ мнѣ и говорить теперь.

баронесса. Вотъ это что-то новое! онъ не знаетъ, какъ говорить со-мною? Да ну, чтоже ты такъ вытаращилъ на меня оловянные глаза свои? Маршъ! сюда! ко-мнѣ! (протлииваетъ ему руку, онъ бьетъ по ней.)

матіасъ. Луиза! мой милый, старый другъ! Теперь я узнаю тебя вполнѣ! А то я-было вѣдь совсѣмъ потерялся! не зналъ съ чего начать... Твой величественный видъ совершенно смутилъ меня, сбилъ съ толку (хохочетъ.) Г-жа баронесса!

баронесса. Ну да! Нельзя же мнѣ было привсѣхъ этихъ людяхъ броситься прямо къ тебѣ на шею... Надобно умѣть поддерживать полъ-часъ свое достоинство...

матіасъ. Такъ они не знаютъ, что ты Луиза, что ты нѣкогда въ полку...

баронесса. Это между нами двоими! Луизу и прежде не легко было оплести, а теперь ужъ и подавно! Посмотри-ка на меня! (прохаживается гордо.) Какова?.. Всякій язычекъ прикусить... Только, какъ скучно въ этомъ большомъ и значномъ свѣтѣ, Матіасъ! Такъ - бы подъ - часъ и схватилъ свою старую походную тележку съ водкой и колбасами... Вѣдь вотъ и теперь... Какъ только я тебя увидѣла... сердце такъ и забило тревогу, больше всякаго роднаго обрадовалась я тебѣ, мой старый другъ Матіасъ!

матіасъ. Такъ ты меня забыла, Луиза?

баронесса. Тебя? Никогда! какъ, будто это можно?

матіасъ. Луиза! Тысячу бомбъ! Если-бы ты знала, какъ это пріятно сердцу.

баронесса. А моему - то? Да мнѣ кажется, что я вдругъ помолодѣла двадцатью годами!.. Поцѣлуемся, Матіасъ!

(цѣлуются.)

матіасъ. Ходить! поцѣлуемся! bravo! вотъ это такъ!... по-старому...

БАРОНЕССА. Посмотри, другъ Матіась... какъ это глупо... вѣдь я плачу...

МАТІАСЬ. А я — то? и у меня что — то застилаетъ глаза... (долго смотрятъ другъ на друга молча; потомъ громко хрюхочутъ.) Г — жа баронесса!

БАРОНЕССА. Инвалидъ!

МАТІАСЬ.

Черезъ 20 лѣтъ...

БАРОНЕССА.

Опять съ тобой!

МАТІАСЬ.

Ужъ многихъ нѣтъ?

БАРОНЕССА.

Да! Боже мой!

МАТІАСЬ.

А жизнь была!

БАРОНЕССА.

Не вспоминай!

МАТІАСЬ.

Какъ весела!

БАРОНЕССА.

Душа гуляй!

МАТІАСЬ. И можно-ли себя представить, что это была лучшая изъ всехъ красивыхъ маркитантокъ нашей арміи!

БАРОНЕССА. Кто повѣритъ, что это красавецъ Матіась, лучший изъ гренадеровъ первой дивизіи!

МАТІАСЬ. А что-же? Я еще и теперь...

Т. IX. Отд. I.

БАРОНЕССА. Да вѣдь и я еще не такъ что-бы...

МАТІАСЪ. Эй Луиза!

БАРОНЕССА. Что угодно?

МАТІАСЪ. Рюмку анисовой покрѣпче!

БАРОНЕССА. Сю минуту! *(беретъ со-стола бутылку и наливаетъ.)*

МАТІАСЪ. Да чуръ не обмѣривать! *(пьетъ.)*

БАРОНЕССА. А два су, за водку, служивый.

МАТІАСЪ. До-слѣдующаго жалованья, моя красотка! *(цѣлуетъ ее въ плечо.)* А вотъ покуда въ задатокъ! Прощай! нѣкогда, чу барабаны транъ! транъ! транъ!

БАРОНЕССА, *(выхватываетъ у него палку и маршируетъ съ ней, какъ съ ружьемъ.)* А вотъ и нашъ взводъ маршируетъ *(оба)* транъ! тараранъ! транъ! транъ!

МАТІАСЪ. Стой! ровняйся! *(она останавливается.)* Отъ ногъ! На плечо! Вольно теперь!

ОБА.

О время золотое,
Зачѣмъ оно прошло?
И счастье молодое
Съ собою унесло?

БАРОНЕССА.

Какой ты былъ повѣса!

МАТІАСЪ.

Все время холодить!

БАРОНЕССА.

Зачѣмъ я баронесса?

МАТІАСЪ.

Зачѣмъ я инвалидъ?

А кстати! Луиза... Да расскажи мнѣ, гдѣ ты подыла себя барона? Вѣдь я ничего объ этомъ незнаю?

БАРОНЕССА, *(сидясь на диванъ.)* Ахъ, да! баронъ! Онъ мнѣ

не дешево обошелся. Ты помнишь, сначала я убижала съ Дюраномъ.

МАТІАСЪ, (*сидясь подлѣ нея.*) Ну да! который въ разсыянности захватилъ съ собою и полковую кассу съ солдатскимъ жалованьемъ.

БАРОНЕССА. Этого я не знала — честное слово, Матіасъ, не знала! Послѣ нашей свадьбы Дюранъ пустился въ разныя спекуляціи и скоро умеръ; оставя мнѣ дочь и около сотни тысячъ франковъ.

МАТІАСЪ. Не-дурно!

БАРОНЕССА. Въ это время я была въ Португаліи. Тутъ было очень много пльняныхъ, нашихъ соотечественниковъ, деньги мнѣ были очень кстати... Иначе, что я могла бы сдѣлать для нихъ?

МАТІАСЪ. Bravo! Вотъ тутъ я узнаю мою добрую Луизу (*бьетъ ее по-плечу.*) Ахъ! извините, г-жа баронесса:

БАРОНЕССА. Въ это-то время я и познакомилась съ однимъ соотечественникомъ, генераломъ имперскимъ, барономъ..... Я помогла ему бѣжать... Мы вмѣстѣ воротились во-Францію и....

МАТІАСЪ. Ну да, да. Вещь понятная! онъ произвелъ тебя изъ благодарности въ баронессы... и ты...

БАРОНЕССА. И я опять овдовѣла чрезъ полгода послѣ свадьбы. Мой баронъ заплатилъ жизнью отчизнѣ за ея благодѣянія и я снова осталась вдовою съ нѣсколькими сотнями тысячъ франковъ, богатымъ замкомъ, который ты видишь, и премиленькой дочерью.

МАТІАСЪ. Которую я также видѣлъ!

БАРОНЕССА. Право? Когда-же?

МАТІАСЪ. И которую я собираюсь просить у тебя въ замужство.

БАРОНЕССА, (*встаетъ съ дивана.*) Ты, Матіасъ? ха, ха, ха!

МАТІАСЪ, (*передразниваетъ ее.*) Ха, ха, ха! А почемужь бы и не такъ? Ты прежде выслушай все, а потомъ уже и смѣйся... Надобно тебѣ сказать вотъ что, Луиза..

Я В Л Е Н І Е VIII.

ТЪ ЖЕ И ЖИМБЛЕ, (высовывается въ дверь).

ЖИМБЛЕ. Извините, г-жа баронесса... мнѣ нужно.

БАРОНЕССА, (Матіасу.) Тсъ!

МАТІАСЪ, (тихо.) Не беспокойся! При постороннихъ я ни полслова... Мы незнакомы... Дружба дружбой, а служба службой.

БАРОНЕССА. Что тебѣ надобно, Жимбле?

ЖИМБЛЕ. Да вонъ тамъ, въ переднюю, пришли какіе-то два инвалида съ обнаженными саблями, говорятъ, что имъ велѣно взять подъ-арестъ дядю Матіаса за что-то!

МАТІАСЪ. Я здѣсь! Я здѣсь!

ЖИМБЛЕ. Онѣ очень торопятся и говорятъ...

МАТІАСЪ. Положатъ! Бѣда не-большая. Скажи имъ, что я скоро выду, а въ ожиданіи, на, отдай имъ эти двѣ бутылки вина.

ЖИМБЛЕ. Прошу покорно! Какъ хозяйничаетъ! Г-жа баронесса, я полагаю, что вы...

БАРОНЕССА. Дѣлай то, что приказываетъ этотъ бравой инвалидъ!

ЖИМБЛЕ. Часъ отъ-часу не легче! Каковъ-же дядя Матіасъ (Уходитъ.)

БАРОНЕССА. Тебя хотятъ посадить подъ-арестъ, мой добрый Матіасъ.

МАТІАСЪ. Ну да! За то, что не ночевалъ дома! Ужъ у насъ это такъ заведено! Съ палкой на плечъ вмѣсто ружья — и съ вывороченнымъ чулкомъ на головъ, вмѣсто каски.

БАРОНЕССА. Ха, ха, ха! Ты долженъ быть очень красивъ въ такомъ нарядѣ. Но не беспокойся! Вашъ начальникъ мнѣ короткій знакомый, почти другъ.

МАТІАСЪ. Это очень кстати! Но мы не кончили нашего разговора. Знаешь-ли что, Луиза, вѣдь я говорю серьезно: я до-тѣхъ-поръ не выду отсюда, пока ты не обьщашь руки своей дочери для одного молодчика, въ которомъ я принимаю большое участіе — или лучше сказать — для моего воспитанника.

БАРОНЕССА. То есть—для Тьері! Ты съ-ума сошелъ.

МАТІАСЬ. Ни крошечки!

БАРОНЕССА. За безроднаго чудака, у котораго нѣтъ и отца!

МАТІАСЬ. Что за вздоръ! Кто-же безъ отца на свѣтъ родит-ся, Луиза? Ты сама знаешь, что это невозможно.

БАРОНЕССА. У котораго нѣтъ гроша за-душою.

МАТІАСЬ. И это неправда.

БАРОНЕССА. Къ тому-же я дала слово другому.

МАТІАСЬ. Возьми его назадъ.

БАРОНЕССА. Невозможно! тѣмъ болѣе, что этотъ человѣкъ я кузенъ, Артуръ де Лапьеръ.

МАТІАСЬ. Де Лапьеръ? молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ вчера на-свадьбѣ?

БАРОНЕССА. Сынъ сестры моего покойнаго мужа.

МАТІАСЬ. И сынъ моего полковаго товарища Жака! Славный молодецъ, нечего сказать.

БАРОНЕССА. Только мотовать достаточно! ужъ я за-него-таки переплатила денегъ!

МАТІАСЬ. Бѣда небольшая! Кто молодъ небывалъ. А такъ-какъ онъ не совсѣмъ тебѣ нравится, то я сейчасъ пойду за моимъ женихомъ, этотъ булегъ почище, Луиза.

БАРОНЕССА. Но... я нехочу!

МАТІАСЬ. А я... хочу!

БАРОНЕССА. Нѣтъ, говорю я тебѣ, Матіась.

МАТІАСЬ. Да, говорю я тебѣ, Луиза. Смирно! Слушать команду! Онъ въ саду... я сейчасъ приведу его сюда. *(Уходитъ)*

БАРОНЕССА. *(вслѣдъ ему.)* Этому небывать! говорю я тебѣ Матіась! Ушелъ! Такой-же упрямый; какъ и прежде.— Но во всякомъ случаѣ, я очень рада, что увидѣлась съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

БАРОНЕССА И АРТУРЪ.

АРТУРЪ, *(входитъ съ хохотомъ.)* Ха, ха, ха! Это безподобно! чудесно! Скажите, пожалуйста, тетушка! да вы не отдавали вашъ замокъ въ наймы подъ инвалидную команду? Ха, ха, ха!..

БАРОНЕССА. Что это значить, Артуръ?

Артуръ, Здѣсь инвалиды за-завтракомъ, тамъ въ передней цѣлая пара за-бутылками вина, и такъ, знаете, совершенно не жеваруются... какъ у себя дома! А гдѣ-же старикъ, дядя Матиасъ... я оставилъ его здѣсь..

Баронесса. Ты-бы лучше спросилъ племянничекъ, а гдѣ-же твой кредиторъ, который явился ко-мнѣ съ твоими векселями и который обѣщается посадить тебя на двѣхъ въ тюрьму за неплатежъ денегъ... А вотъ ты вдругъ сдѣлался очень серьезень.. Что-же ты не продолжаешь хотѣть?..

АРТУРЪ,

Я не опомнюсь о сю пору...
Такъ скромно кажется живу!

БАРОНЕССА.

Во-сиѣ, быть можетъ, вѣтъ и спору;
А вѣрно ужъ не на-яву?

АРТУРЪ,

Ужъ тутъ не плутня-ли какія?
Я справлюсь... такъ... издадека...

БАРОНЕССА, (показываетъ вексель.)

Да справки очень тутъ простые...
Твоя вѣдь кажется рука?

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, МАТИАСЪ, ТЬЕРИ, ПОТОМЪ СЕЛИНА, (Матиасъ и Тьерри входятъ, не-видя Артура, который отходитъ къ окну и разсматриваетъ вексель.),

МАТИАСЪ, (таща за-руку Тьерри.) Ступай, говорю я тебѣ!... не-бойся ничего... Г-жа баронесса очень добрая дама, которая не желаетъ зла никому на свѣтъ.

БАРОНЕССА. Ахъ! г-нъ Тьері! Я совершенно не ожидала васъ видѣть!

АРТУРЪ, (въ сторону.) Это еще что значить?

МАТІАСЪ. Напротивъ, вы ожидали его, г-жа баронесса, и я опять вамъ повторяю, что г. Тьері любить вашу дочь, а она его, слѣдственно ихъ надо обвинчать.—Вотъ и все!

АРТУРЪ, (подходитъ со-смыломъ.) Въ самомъ дѣлѣ, тетушка! Что-жъ? Это будетъ прекрасная партія!

ТЬЕРІ (съ изумленіемъ.) Г. Артуръ!

МАТІАСЪ. Ну вотъ и другой!

БАРОНЕССА. Но этотъ добрый старикъ совершенно помѣшался, онъ самъ не знаетъ, что говоритъ!

ТЬЕРІ. О! уйдемъ отсюда, дядя Матіасъ!

МАТІАСЪ. Смирно! ни шагу! откупорилъ бутылку, такъ пей... Я остаюсь здѣсь и ты также!

АРТУРЪ. А! кажется, эти господа ужъ помирились послѣ вчерашней размолвки? Ну что-же?... Дядя Матіасъ говоритъ дѣло, нужно объясниться, особливо, если г. Тьері имѣетъ виды на Селиву, несмотря на то, что она дочь баронессы...

ТЬЕРІ. Государь мой!

МАТІАСЪ (удерживая его.) Баронессы, баронессы! наладили себя одно и то-же. Что-жъ за-бѣда такая влюбиться въ ея дочь?... Вѣдь это еще не-Богъ знаетъ какое преступленіе, и я полагаю...

БАРОНЕССА. Пожалуйста, безъ лишнихъ разсужденій г. инвалідъ!

МАТІАСЪ. А почему-же и не такъ, г-жа баронесса? Дѣло очень простое: онъ у васъ проситъ руку вашей дочери. Тутъ нѣтъ ничего обиднаго для вашей чести. — Онъ бравый молодецъ, сынъ храбраго солдата...

АРТУРЪ. Недливая родословная!

МАТІАСЪ. Право? Такъ этого мало для дочери какой-нибудь марк...

БАРОНЕССА. Что, что такое?..

МАТІАСЪ (опомнясь.) Маркизы, хотѣлъ я сказать, графини или баронессы какой-нибудь. Я не мастеръ разбирать ваши титулы... и къ тому-же происхожденіе моего Тьері... Если-бъ я только не поклялся хранить эту тайну... право, многіе бы покраснѣли передъ нимъ, потому-что и у него есть также и имя,

и богатство, только онъ не мотъ, не шеголь, какъ иные прочіе.
 АРТУРЪ. Что ты хочешь этимъ сказать?

МАТИАСЪ. Онъ также со-временемъ будетъ офицеромъ, какъ и его отецъ... (*Артуру.*) Какъ и вашъ г. Артуръ... Да, какъ и вашъ... потому-что вы, что тамъ себя не пойте объ вашемъ благородствѣ, а все-таки вы сынъ выслужившагося простого солдата, моего товарища, бѣднаго Жака Лашьера.

АРТУРЪ. Генерала де Лашьера, хотѣлъ ты сказать.

МАТИАСЪ. Вовсе не хотѣлъ, сударь! Оставьте меня въ покоѣ съ этими вашими де! Я нехочу ихъ знать! Ну-что такое это де?.. Нуль впереди единицы, следовательно, ровно ничего не значить.

АРТУРЪ. Дерзскій старичишка!

ТЬЕРИ (*становясь между ими.*) Г. Артуръ? Ни шагу больше!
 БАРОНЕССА. Племянникъ!

СЕЛЯНКА (*съ испугъ входитъ.*) Что здѣсь такое, маманъ? Что за шумъ... Я до смерти перепугалась... Ахъ, Тьерь!

АРТУРЪ. Ничего кузина, совершенно ничего, вотъ только маленькая странность!.. Г. Тьерь вчера говорилъ, что онъ совершенно незнакомъ съ старымъ инвалидомъ Матиасомъ, а сегодня они большіе друзья... Если не больше что-нибудь....

ТЬЕРИ (*съ живостью.*) Вчера! да! На этотъ разъ вы правы, г. Артуръ! Вчера я не имѣлъ духу призваться предъ всѣми, что я ничто иное, какъ бѣдный сирота, воспитанный старымъ солдатомъ... а теперь я это говорю, и говорю почти съ гордостью! Да! этотъ человекъ до сей минуты, замѣнялъ мнѣ родного отца! Ему я обязанъ всѣмъ! Увлечшись вчера минутною гордостью, я имѣлъ безстыдство отречься отъ него... я былъ глупъ... я былъ неблагодаренъ... но онъ простилъ меня (*беретъ Матиаса за-руку.*) И я говорю теперь торжественно предъ всѣми: Дядя Матиасъ мой другъ, мой отецъ! я горжусь имъ, и никому не позволю сказать ему оскорбительнаго слова!

БАРОНЕССА. Бѣдный молодой человекъ! какъ я его мало знала.

СЕЛЯНКА. Неправда-ли, матушка, что это самое благороднѣйшее сердце?

АРТУРЪ. Въ добрый часъ! Это такъ похоже на-дѣло... и правду сказать... это... это очень не дурная чета!

МАТИАСЪ. И такъ намъ остается....

БАРОНЕССА. Намъ остается распротиться теперь... У всякаго есть свои дѣла... прощайте господа! Что касается до тебя, старикъ, ты можешь иногда приходить сюда, я буду очень рада тебя видѣть... Племянникъ мой надѣюсь также, потому-что ты знавалъ его покойнаго отца! Прощай; пойдемъ Селина!.. Артуръ, мнѣ нужно переговорить съ тобою теперь — же.

АРТУРЪ. Сейчасъ, тетушка!.. *(проходя мимо Тьеры тихо.)* Вы должны объясниться со-мною, милостивый государь, я ожидаю васъ!

ТЬЕРИ *(также тихо.)* Я также! гдѣ и когда?

АРТУРЪ. Сейчасъ, въ здѣшнемъ саду.

ТЬЕРИ. Я плу.

АРТУРЪ. И я незамѣлю!

МАТІАСЪ *(проводя баронессу, ворочается и вслушавшись въ послѣднія слова, становится между молодыми людьми.)* Что такое вы говорите, господа?

ТЬЕРИ. Ничего, дядя Матіасъ! Прощай пока, мнѣ пора! *(уходитъ.)*

МАТІАСЪ *(идя за Артуромъ.)* А мнѣ-бы вамъ господня Артуръ нужно сказать словечка два, три... Если — бѣ вы знали...

АРТУРЪ. Послѣ, послѣ, когда нибудь. Теперь мнѣ некогда. Прощай *(уходитъ въ комнаты тетки.)*

МАТІАСЪ. Ну послѣ, такъ послѣ! Тьеры послушай-ко! Ба; да и его ужъ нѣтъ. Я думалъ, что онъ не уйдетъ такъ скоро. Надобно дѣйствовать теперь. Куй желѣзо, пока горячо. Отправлюсь слѣдомъ за-нимъ! *(хочетъ выдти и встрѣчается съ Жимбле и двумя инвалидами.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАТІАСЪ, МАРТИНЕ, ЛОРІОЛЬ, ЖИМБЛЕ.

МАРТИНЕ *(Матіасу въ поляна.)* Стой!

ЛОРІОЛЬ. Ни съ мѣста!

МАРТИНЕ. По приказанію вышшаго начальства, ты нашъ арестантъ, дядя Матіасъ... Понимаешь?

ЛОРІОЛЬ. То есть живаго или мертваго вѣдьно тебя отыскать и доставить въ богодѣльню.

ЖИМБЛЕ. Мой обычай—руки—бы ему назадъ—да и все тутъ, оно — бы и вървѣе...

МАТИАСЪ. Молчать! (*всторону.*) Какъ-бы мнѣ у нихъ выиграть нѣсколько времени, чтобы успѣть переговорить съ Артуромъ и Тьеры? Повремените немножко здѣсь, друзья мои, я сейчасъ вернусь.

МАРТИНЕ. Нишкни! Арестантъ! Ни съ мѣста! Понимаешь! Обязанность службы... воинская подчиненность прежде всего...

ЛОРИОЛЬ. Да, да! Маршъ за нами!

МАТИАСЪ. Кой чортъ! Да ужъ одна — то минута не съдѣлаетъ вамъ большой разницы! Вѣдь вамъ и непротивятся, слава Богу! Знаютъ службу!.. Но развѣ такъ поступаютъ съ старыми друзьями? Имъ дають хоть столько времени, что-бы успѣть промочить глотку стаканомъ добраго вина!..

МАРТИНЕ, (*выпуская его.*) Противъ этого нѣтъ слова... Но будто здѣсь, въ такой богатой комнатѣ и можно.

МАТИАСЪ. Разумѣется можно... а безъ этого я — бы не сталъ васъ и задерживать.

ЖИМБЛЕ. Что, что такое? Опять пить? Да развѣ здѣсь трактиръ, что-ли какой?

МАТИАСЪ. А тебѣ что за дѣло? Развѣ ты забылъ, что баронесса сама мнѣ все это позволила.

ЖИМБЛЕ. Но...

МАТИАСЪ. Но! но! но! Не угодно-ли вонъ отсюда! Оселъ козлу не товарищъ! Маршъ въ переднюю! Знай сверчокъ свой шестокъ — мы и безъ тебя обойдемся! (*выталкиваетъ его.*) За столъ, старые друзья! Я васъ угощу славнымъ виномъ!

МАРТИНЕ. Въ этомъ нѣтъ отказа!

ЛОРИОЛЬ. И я здѣсь! (*садятся.*)

МАРТИНЕ. Какія смѣшныя рюмки! Ну, что тутъ выпьешь?

МАТИАСЪ. Выпьемъ по три, по четыре, такъ дѣло и поправится. А посмотрите—ка какое вино, старые друзья мои! такъ и пьются! За ваше здоровье, товарищъ.

МАРТИНЕ. И за твое также, дядя Матиасъ!

ХОРЪ.

Какое раздолье!

Какое вино!

За ваше здоровье!

Мы выпьемъ его!

МАРТИНЕ.

Чудесная вещь — бокальчикъ вина.

ЛОРИОЛЬ.

Согласенъ вполнѣ, и выпью до дна!

МАТИАСЪ.

Съ виномъ и арестъ.

Не такъ надоѣсть!

Какое раздолье и проч.

МАРТИНЕ. Но ты, кажется, пьешь только насъ, а самъ все не пьешь, дядя Матиасъ?..

МАТИАСЪ. Я не пью?.. Съ чего ты это взялъ, Мартине? (*пьетъ и притворяется пьянымъ.*) Славное вино! Оно, кажется, не моложе насъ товарищи!

ЛОРИОЛЬ. Ну — ка еще по одной — по-последней, дядя Матиасъ.

МАТИАСЪ. Отчего по-последней? гулять такъ гулять, не правда-ли?

МАРТИНЕ. А твой арестъ — то, дядя Матиасъ?

МАТИАСЪ. Еще успѣю насладиться!

ХОРЪ (*повторяетъ.*)

Какое раздолье

Какое вино и проч.

Я В Л Е Н І Е XII.

ТѢЖЕ И СЕЛИНА.

СЕЛИНА (*въ отчаяніи.*) Что мнѣ дѣлать? — Къ кому обратиться?.. Ахъ, Матиасъ!

МАТИАСЪ. Что съ вами? Что такое случилось?..

СЕЛИНА. Ахъ! ради самого Бога... бѣги къ нимъ поскорѣе... оставови ихъ... Они хотять драться...

МАТИАСЪ. Драться? Кто? съ кѣмъ? Ужели Тьерри?

СЕЛИНА. Да... они хотять стрѣляться съ Артуромъ! Изъ моего

окна, которое выходитъ въ садъ, я слышала, какъ они сговаривались... Артуръ ужъ отправился за пистолетами.

МАТІАСЪ. Ну! теперь уже не время скрывать мою тайну... я долженъ говорить... Не безпокойтесь сударыня, пока я живъ, этой дуэли не бывать (*во все это время оркестръ тихо играетъ.*)

МАРТИВЕ (*пьяный.*) Матіасъ! дядя Матіасъ! гдѣ — же ты? За твоё здоровье, камрадъ!

МАТІАСЪ. Я здѣсь, я здѣсь! (*въ сторону.*) Какъ бы ихъ выпроводить отсюда? (*громко.*) Ай! ай! ай! Друзья мои! скорѣе, скорѣе, Вонъ отсюда! Баронесса плеть! Это презлая женщана!

ЛОРИОЛЬ (*хватаетъ бутылку.*) Спасайся, кто можетъ! и уноси, что можешь!

МАРТИВЕ. А твой арестъ—то?..

МАТІАСЪ. Ступайте! Ступайте! Я за вами? (*выталкиваетъ ихъ въ боковую садовую дверь и запираетъ ее.*) Вотъ такъ — то! Прогуляйтесь пока (*слышенъ шумъ.*) Тра! Никакъ оба свалились съ лѣстницы? а вотъ еще кто — то...

А В Л Е Н І Е XIII.

МАТІАСЪ, БАРОНЕССА, СЕЛИНА И ПОТОМЪ АРТУРЪ.

БАРОНЕССА, (*одѣтая пышно, но безъ вкуса, въ зеленое платье, желтомъ токъ и красныхъ перьяхъ, въ сопровожденіи Селины.*) Ну да я вду... карета уже подана... но что съ тобою Селина?.. На тебѣ лица нѣтъ, такая блѣдная.. вся дрожишь..

СЕЛИНА. Ничего, мамаша, вамъ такъ кажется....

МАТІАСЪ. Фу! что за пышныя перья!

БАРОНЕССА. Матіасъ? ты еще здѣсь?

МАТІАСЪ, (*Тихо.*) Да, Луиза, (*вслухъ.*) Да, г-жа баронесса... есть одно обстоятельство, которое удерживаетъ меня здѣсь...

БАРОНЕССА. Какое обстоятельство?

СЕЛИНА (*тихо Матіасу.*) Ради Бога, молчи! Боже мой, если она узнаетъ объ этой несчастной дуэли!

МАТІАСЪ (*тихо.*) Хорошо... Надобно постараться, чтобы она поскорѣе уехала! (*вслухъ.*) Да вотъ видите что, г-жа баронесса, за-мною пришли... какъ вы уже знаете... меня хотятъ взять подъ арестъ. А вы говорили, что вамъ знакомъ началь-

никъ нашего заведенія.. И я дожидался васъ. хотѣлъ попросить, чтобы вы ему написали хоть пару строкъ.

баронесса. Чтобы я написала? Я никогда и ни къ кому не пишу, мой бравый инвалидъ.

матіасъ *(тихо.)* Ну да! и на это у васъ есть очень достаточныя причины... мы незнаемъ грамоты! *(вслухъ.)* Но вы теперь ѣдете со двора, г-жа баронесса... Если бы вы были такъ добры, и захвали, замолвить за-меня словцо!

баронесса. Это другое дѣло — я общаю *(тихо.)* Я къ нему и собралась, будь покоенъ!

жимбле, *(входя.)* Карета г-жи баронессы!

селива *(Матіасу тихо.)* Ахъ! вотъ и Артуръ съ пистолетами!

артуръ *(изъ боковой двери съ ящикомъ, тихо.)* Чортъ побери! Здѣсь опять народъ!

баронесса. Артуръ! ты очень кстати... Проводи меня до кареты.

артуръ *(пряча ящикъ.)* Съ удовольствіемъ, тетушка! *(провождаетъ ее за дверь и возвращается, Селива уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МАТІАСЪ, АРТУРЪ, ПОТОМЪ ТЬЕРИ.

матіасъ *(съ живостію, встрѣчая Артура.)* Я уже знаю, господинъ Артуръ! вы хотите стрѣляться?

артуръ. Какой вздоръ, стрѣляться! Съ кѣмъ — же это?

матіасъ. А что это у васъ въ рукахъ, молодой человекъ, пистолеты. Вы хотите стрѣляться съ Тьери... Но этого не будетъ... это невозможно!

тьери *(входя изъ садовой двери.)* Я жду васъ, господинъ Артуръ. Ахъ! дядя Матіасъ еще здѣсь!

матіасъ. Да, здѣсь! Именно для того, чтобы воспрепятствовать этой несчастной дуэли!

тьери. Но это невозможно, мой добрый благодѣтель, я оскорбилъ этого человека... и правла чести...

матіасъ. Замолчи ты съ своими правилами чести! Я знаю что говорю.... Дуэль эта невозможна.

артуръ. Но почему это? Вѣрно тутъ есть стачка... Старый грусъ боится за своего горяченькаго питомца...

тьери. Государь мой! Не прибавляйте еще новыхъ оскорблений.. и прежнихъ очень довольно для того, чтобы одному изъ насъ остаться на мѣстѣ.

артуръ. Въ такомъ случаѣ, безъ отговорокъ, пойдемте!

матіасъ (*хватая изъ за-руку.*) Но вы оба потеряли разсудокъ! Когда я вамъ говорю, что эта дуэль совершенно невозможна! а! Вы не хотите меня слушать... ну, въ такомъ случаѣ нечего дѣлать... Старикъ Матіасъ поклялся—было, что его тайна умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но теперь онъ долженъ говорить.. Вы меня вынудили на это, молодые люди.

тьери. Дядя Матіасъ!

артуръ. Говори! что такое?

матіасъ (*съ чувствомъ.*) Но вы оба благородные люди и я надѣюсь, что будете умѣть сохранить мою тайну... Не такъ ли?.. Вы мнѣ поклянетесь въ этомъ... Именемъ отца твоего Тьери....

тьери. Моего отца!

матіасъ. И именемъ вашего, г. Артуръ.. Онъ былъ славный человекъ и храбрый солдатъ. Самъ государь зналъ его, умѣлъ отличить и даже награждать генеральскими эполетами.. Но тутъ... (*ударяя себя по-грудѣ*) Ничего не перемѣнилось! Мой добрый Жакъ всегда остался Жакомъ. Онъ не гнушался жать руку старому своему товарищу, простому солдату Матіасу... Да! онъ всегда называлъ и считалъ его своимъ первымъ другомъ! И этому—то другу повѣрилъ онъ предъ смертію тайну, которая до-сихъ-поръ была крѣпко и свято сберегаема въ моемъ сердцѣ... (*послѣ небольшого молчанія.*) Мой храбрый Жакъ по фамильнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ жениться противъ своего желанія на богатой и знатной невѣстѣ, тогда, какъ любилъ другую и имѣлъ уже отъ нея сына, словшаго жизни бѣдной матери.. Вскорѣ родились вы Артуръ, законный наследникъ его тигловъ и имени... Бѣдный Жакъ былъ счастливъ, сколько могъ въ своемъ семействѣ, но въ душѣ всегда носилъ язву о потерѣ первой любви своей и заботу о бѣдномъ дитятѣ—залогъ этой любви! Въ сраженіи при Монтеро, когда мы оба были ранены и лежали въ лазаретѣ, чувствуя приближеніе своей послѣдней минуты, онъ собрался съ силами, крѣпко сжалъ мою руку и сказалъ: другъ Матіасъ! чувствую, что намъ должно скоро разстаться.. Ты равнѣ легко... скоро

выздоровѣешь, слушай — же внимательно, что я скажу тебѣ и исполни послѣднюю мою волю... Тутъ онъ вынулъ бумажникъ изъ своего мундира... Эти деньги, сказалъ онъ, плодъ моей бережливости и военныхъ добычъ, принадлежатъ собственно мнѣ... Я не похищаю ихъ у моего семейства, которое и безъ того богато... Эти деньги, назначенныя на воспитаніе и образованіе моего несчастнаго сына... Спрячь ихъ... сбереги... и будь втайнѣ отцемъ моему осиротѣлому, безъимянному дитяти, и пусть его рожденіе останется для него вѣчною тайною... равно какъ и для моего семейства... Сдѣлай изъ него честнаго человѣка, и со временемъ храбраго солдата (*плачетъ*). Тутъ потухающіе глаза его наполнились слезами.. Я также рыдалъ, какъ ребенокъ.. Онъ еще разъ, но уже слабо пожалъ мою руку... Въ эту минуту прискакавшій курьеръ подалъ ему крестъ, присланный императоромъ, онъ улыбнулся, поцѣловалъ его, прошепталъ что-то — и все было кончено!

Артуръ (*въ слезахъ*). Мой добрый и храбрый батюшка. Тьери. А этотъ ребенокъ, дядя Матіасъ.

МАТІАСЪ.

Солдатъ ребенка отыскалъ,
И предался ему душою...
Его лелѣлъ, воспиталъ,
И замѣнилъ отца собою!
И тайну онъ умѣлъ хранить...
Уста молчаньемъ цѣпеныли...
Теперь онъ долженъ говорить...
Чтобы спасти васъ отъ дуэли!

Артуръ. Тьери! мой братъ! сюда къ моему сердцу, тьери. Артуръ! О! ты также великодушень, какъ отецъ нашъ! (*бросаются въ объятія другъ другу*).

Матіасъ. Жакъ! посмотри на насъ съ неба... и улыбнись! Ты вѣрно простишь своего стараго друга, за то, что солдатская грудь его не сдержала твоей тайны...

Я В Л Е Н І Е XV.

ТЪ ЖЕ, СЕЛИНА, ПОТОМЪ БАРОНЕССА.

Селина (*вбѣгала*). Ну-что, добрый Матіасъ... Ахъ! они оба здѣсь!

Артуръ. Ахъ, милая кузина! подите скорѣе сюда къ намъ!

МАТІАСЬ. Но молодые люди...

АРТУРЪ. Ничего. Вы совершенно правы, кузина, люблю душою Тьерри... Это благороднѣйшій и достойнѣйшій молодой человекъ. Еслибъ вы знали... но я немогу и нехочу таиться... я скажу это цѣлому свѣту... Тьерри братъ мой! Да, кузина, родной мой братъ!

МАТІАСЬ. Ну! вотъ моя тайна и пошла гулять по-свѣту.

СЕЛИНА. Какъ, неужели?... но какимъ образомъ? Ахъ! вотъ и мамаша!

БАРОНЕССА. Ну, Матіасъ... я видѣлась съ вашимъ начальникомъ. Арестъ твой отмененъ. Г. Тьерри, вы опять здѣсь?...

АРТУРЪ. Да, тетушка, здѣсь! Но не зовите его болѣе господиномъ Тьерри, а зовите также, какъ и меня, вашимъ племянникомъ! Онъ братъ мой!

БАРОНЕССА. Твой братъ? что это значитъ?

АРТУРЪ. Да, мой родной братъ, милая тетушка, сынъ покойнаго отца моего, генерала Лапьера... Но я вамъ послѣ все расскажу... а теперь, теперь тетушка... исполните мою, да и общую просьбу къ вамъ: братъ любитъ Селину, она его также... я отказываюсь отъ правъ моихъ, я възрѣвъ, мнѣ еще прежде нужно выучиться жить одному, потому уже завестись женою...

БАРОНЕССА. Но какъ это можно!... и такъ скоро?

СЕЛИНА. Матушка!

МАТІАСЬ *(тихо)*. Луиза! *(вслухъ)* Г-жа баронесса!

БАРОНЕССА. Дѣлать нечего... Когда все просятъ... Видно на это есть воля Божія! Дѣти мои, сюда: къ моему сердцу!

МАТІАСЬ. *(подходит къ аван-сценѣ и сложивъ руки крестомъ)*

Мой Жакъ старый другъ!

Вѣдь это случайно,

Что выпилась вдругъ,

Солдатская тайна!

Я могъ ли молчать,

Какъ дуло у груди?

Ужель обвинять

Меня добрые люди?

ТРИ ОШИБКИ
РОМАНА АУГСТА СТОСЭ

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

ТРИ СЕСТРЫ.

РОМАНЪ АРСЕНІЯ ГУССЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

І.

ЗАКЛАДЪ.

Кто изъ Парижанъ въ послѣдніе годы не знавалъ Мориса д'Орбессака? Одни видѣли въ немъ блуднаго сына, другіе иска-теля приключеній—но все единогласно превозносили его изящ-ные приемы, великодушное сердце, пылкій умъ и ловкіе пара-доксы. Вся свѣтская молодежь подражала ему, однодневные друзья его перенимали его манеры, хотя нельзя перенять ни остро-умія, ни любезности. Во всей современной пѣхотѣ и конницѣ нельзя было найти лучшаго курильщика. Миѣ кажется, что я еще и теперь его вижу у Тортона. Довѣренность къ его сло-вамъ простиралась до того, что если бы онъ, выходя изъ своего отеля, или квартиры послѣдней любовницы, вздумалъ рассказы-вать, о чемъ происходило послѣднее совѣщаніе у Меттерниха, въ Тюльери или Виндзорѣ—все повѣрили бы ему на-слово. Нель-

зя позабыть и того, какъ онъ въ Елисейскихъ Поляхъ катался и курилъ съ наслажденіемъ правовѣрнаго. Тѣ дамы, которыя замѣчали его верхомъ въ одной изъ аллей, говорили своимъ мужьямъ и любовникамъ: посмотрите, какая прекрасная лошадь!

До-сихъ-поръ не забыто его прекрасное, глубокомысленное лицо, несмотря на то, что онъ всегда запрягивалъ мысль подъ личину беззаботной веселости. Онъ изумлялъ живописцевъ, еще болѣе скульпторовъ, правильностью своихъ чертъ.

Но Мориць былъ замѣчательнъ не только по физиономіи и уму; его всѣ знали также по благороднымъ манерамъ и рачительности.

Онъ и въ этомъ перещеголялъ всѣхъ, не исключая даже и повѣсь времени Регенства; которые, какъ извѣстно, только одни умѣли по-царски проводить жизнь.

Въ концѣ апрѣля 1844 г., четверо молодыхъ аристократовъ спѣли въ Елисейскихъ Поляхъ, чтобы присмотрѣться къ этой восхитительной картинѣ, гдѣ весь Парижъ, въ этотъ разъ болѣе, чѣмъ когда-либо, распространялъ свой блескъ и скуку. Одинъ изъ нихъ, Мориць д'Орбессакъ, самый дерзкій, нахальный искатель приключеній, вскричалъ:

—Мы живемъ въ самое печальное время; смѣшно подумать, что никто изъ насъ не можетъ мимоходомъ завоевать дамское сердце.

—И притомъ, отвѣчалъ ему одинъ изъ товарищей, бросая на шоссе окурокъ своей сигары: найдется ли между всѣми этими женщинами хоть одна, которая своими прелестями во-всѣхъ отношеніяхъ могла бы приковать кого-либо изъ насъ къ своей колесницѣ.

—Вотъ еще, сказалъ Мориць, конечно найдется. Что касается до меня, то я признаюсь, что въ продолженіе пяти минутъ, которыя мы сидимъ подъ этимъ деревомъ, я уже видѣлъ столько хорошенькихъ женщинъ, сколько нужно, чтобы пресытить двѣсти такихъ сердецъ, какъ ваши.

—Ты всегда говоришь такъ, сказалъ одинъ изъ четверыхъ, свистя въ набалдашникъ своего хлыста, ты смѣешься надъ опасностями войны, потому что тебѣ никогда не случалось видѣть сраженій.

—Что за вздоръ! Кажется ужъ моя-то храбрость извѣстна!

—Какое хвастовство! какой героизмъ! въ одинъ голосъ сказали товарищи..

—Послушайте, господа, сказалъ молодой человекъ рѣшительнымъ тономъ: я ставлю 100 лундоровъ противъ васъ троихъ, что тотчасъ же, какъ увижу даму—одну въ коляскѣ, я сяду подлѣ нея, и поцѣлую ея ручку съ ея позволенія прежде, чѣмъ мы дойдемъ до Триумфальныхъ воротъ.

—Я принимаю закладъ, сказалъ одинъ изъ друзей, и увѣренъ, что ты насъ не обманешь..

—Подумай хорошенько—дѣло идетъ о ста лундорахъ..

—Я уже подумалъ.

—Это нѣчто въ родѣ партій въ ландскнехтѣ, и я удивляюсь, что игроки не придумаютъ какого нибудь болѣе занимательнаго средства тратить деньги. Я тебя увѣряю, любезный Морицъ, что не буду жаловаться на судьбу, если ты выиграешь у меня сто лундоровъ, и клянусь, что въ этой партіи—не взгляну даже на твою прикуку. Надо только выбрать хорошенькую коляску, чтобы въ этой коляскѣ сидѣла хорошенькая женщина и чтобы у женщины была хорошенькая ручка.

—Знаешь ли, сказалъ одинъ изъ веселыхъ юношей, я не слишкомъ уважаю женщинъ, которыя разъѣзжаютъ одиѣ въ экипажахъ, если бы онѣ были хороши, то вѣрно небыли бы одиѣ.

—Ты самъ не знаешь, что говоришь!—есть женщины, которыя бываютъ одиѣ изъ разсчитаннаго кокетства: онѣ знаютъ, что когда мѣсто подлѣ нихъ не занято, всякой мысленно желаетъ занять его.

Въ это время, Морицъ замѣтилъ взящную коляску на лежащихъ рессорахъ, работы Домона, въ которой, казалось, мечтала хорошенькая женщина, вполонину закрытая волнистою дымкой шляпки.

Коляска была такъ низка, что дама походила на спящую султаншу. Морицъ живо поднялся:

—Господа! романъ начинается! Онъ подошелъ къ кучеру, безъ сомнѣнія, чтобы приказать ему остановиться, и по стеченію обстоятельствъ, ѣхавшій на встрѣчу берлинъ, принудилъ кучера удержать неугомонныхъ лошадей..

Морицъ не потерялъ ни мгновенія, быстрый, какъ серна, онъ очутился въ коляскѣ—Богъ знаетъ какъ.

Онъ поклонился дамѣ самымъ свѣтскимъ, почтительнымъ.

образомъ. Это была графиня, одно изъ свѣтилъ предмѣстья Сентъ-Оноре; ослѣпленная лучами солнца, графиня де Фаріэль старалась узнать дерзкаго посѣтителя. Мориць между тѣмъ, бросилъ взглядъ на гербы.

— Графиня, сказалъ онъ, садясь напротивъ, вамъ угодно знать, кто я, откуда и зачѣмъ. Будьте такъ снисходительны, потрудитесь меня выслушать.

— Но милостивый государь, я васъ вовсе незнаю; такая дерзость.....

— О сударыня, если-бы вы знали, для чего я пришелъ сюда!

— Милостивый государь, извольте выдти, или я кликну людей.....

— Боже мой! сударыня.— войти — еще пожалуй, но выходить! — Подумайте, чего я избѣгъ....

— Какое мнѣ дѣло, сударь?..... Андре, я тебѣ приказываю.....

— Подумайте сударыня, что двѣсти, триста глазъ смотрятъ на насъ, подумайте о позорѣ, если меня отсюда выведутъ, потому-что я клянусь, добровольно не выйду....

И говоря эти слова, онъ посмотрѣлъ нѣжно на графиню.

Она не могла не замѣтить, что ея непрощенный товарищъ, имѣлъ нѣжныя руки, принадлежность знати, зубы бѣлые, какъ перлы и прекрасные русые бакенбарды. Любопытство графини перешло на сторону Морица.

Въ это время прекрасное ландо, подобное корзинкѣ цвѣтовъ, до того женщины, сидѣвшія въ немъ, были свѣжи, хороши, и одѣты со вкусомъ и блескомъ, проѣхалъ мимо коляски, звучный голосъ привлекъ вниманіе Морица. Онъ раскланялся съ дамами съ отличною любезностію. Ему отвѣчали съ улыбкой привѣтливой и почти дружеской. Это снова возбудило любопытство графини, съ этихъ поръ она уже болѣе не пыталась выпроводить силою таинственнаго незнакомца.

— Что-же, сударь, объяснитесь....

— Графиня, я не буду говорить вамъ, что я ошибся дверцами, какъ это иногда случается въ комедіяхъ, я имѣю честь быть подлѣ васъ, потому-что хотѣлъ имѣть эту честь. Человѣкъ, съ ограниченными способностями, сталъ-бы увѣрять васъ, для

своего извиненія, что онъ почелъ васъ за знакомую, что онъ видалъ васъ тамъ и тамъ (гдѣ по-правдѣ онъ и не бываетъ): на водахъ, на скачкѣ, въ итальянской оперѣ, на балу у посланника; я же, я не видалъ васъ нигдѣ, никогда, но я хотѣлъ васъ видѣть, и потому-то можетъ быть и выбралъ опасную дорогу — я привыкъ къ опасностямъ.

— Знаете-ли, сударь, что слова вашы очень дерзки. Счастіе ваше, что вѣтеръ уноситъ ихъ прежде, чѣмъ я ихъ слышу.

— Я въ отчаяніи, сударыня, что мой приходъ васъ такъ разстроилъ. Прикажите, я выйду изъ коляски, но предупреждаю, что позоръ будетъ такъ-же великъ, какъ если-бы я вылезъ изъ окошка вашего отеля, потому-что я не буду дожидаться, пока кучеръ вашъ отворитъ дверцы и опуститъ подножку.

— Я не обязана отвѣчать за безумство повѣсы, пусть будетъ, что Богу угодно, но, по-крайней-мѣрѣ, когда черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ лѣсу, то я надѣюсь, что вы выйдете, не компрометируя себя.

До-сихъ-поръ лицо графини было закрыто большимъ зонтикомъ, какъ опухомъ, но произнеся это, она опустила зонтикъ и съ улыбкою посмотрѣла на Морица.

— О Боже мой! вскричалъ онъ съ движеніемъ, до-сихъ-поръ я хотѣлъ только видѣть васъ, когда-же зонтикъ вашъ упалъ на колѣна, я удивленъ, пораженъ, уничтоженъ блескомъ вашей красоты. Сердце мое начинаетъ биться. За минуту, это была — шалость, небольшое, теперь, это безумство — отъ любви! Любовь переходитъ отъ неожиданности къ неожиданности, мы хотимъ играть ею, но вмѣсто того, она играетъ нами. Платонъ справедливо сказалъ, что...

— Графиня, сказалъ Морицъ слабымъ голосомъ, до-сихъ-поръ я хотѣлъ только видѣть васъ, когда-же зонтикъ вашъ упалъ на колѣна, я удивленъ, пораженъ, уничтоженъ блескомъ вашей красоты. Сердце мое начинаетъ биться. За минуту, это была — шалость, небольшое, теперь, это безумство — отъ любви! Любовь переходитъ отъ неожиданности къ неожиданности, мы хотимъ играть ею, но вмѣсто того, она играетъ нами. Платонъ справедливо сказалъ, что...

— Я вовсе не интересуюсь знать, что сказалъ Платонъ; оставьте его и меня въ покоѣ.

— Размыслите, графиня....

— Опять! кто сказалъ вамъ, что я графиня, откуда вы знаете мое имя?

— Ваши гербы не скромнѣе васъ, до вашего имени итъ

ми́ никакого дѣла. Постарайтесь представить себѣ, что мы въ маскерадѣ.

— Въ маскерадѣ?... .

— Да, въ маскерадѣ, но назалъ тому сто лѣтъ, въ блаженныя времена вѣжливости. И такъ, я продолжаю—предположите, что вамъ васкучило счастье; счастье—какъ и добродѣтель, какъ и все, не терпять излишка. *Nihil nimis*. Я вижу, вы идете мимо. Я вижу, что вы прекрасны. Это не трудно отгадать по вашей граціозности. Романъ нашъ начинается: идутъ догадки: видались-ли мы прежде? не графъ ли это К.? не маркиза ли С.? — мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что я нахожу васъ прелестною, вы меня не находите скучнымъ. Мы говоримъ обо-всемъ, исключая насъ самихъ, но не думаемъ ни объ чемъ, исключая нашего сердца, которое начинаетъ безпокойно биться. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ прощаетъ два сердца, которыя сошлись на 2 часа, когда они оба мечтаютъ объ одномъ, когда одинъ лучъ согреваетъ ихъ. — Это еще начало. — Извините меня графиня, мы еще въ маскерадѣ: въ эту самую минуту, графъ, супругъ вашъ, раззоряется на какую нибудь актрису. — Толпа вокругъ насъ такъ разнообразна и шумна, что мы можемъ полагать, что мы одни, гдѣ нибудь въ дѣвственныхъ лѣсахъ.

Графиня казалось и сама мечтала, она разсѣянно опустила голову и вздохнула. Между-тѣмъ Морицъ думалъ: вдали рисуется триумфальная арка — ми́ нѣкогда терять времени въ пустыхъ фразахъ.

— И такъ сударыня, мы подъ масками, тотчасъ мы разстанемся, чтобы уже никогда больше невидаться. Никогда — это долго: — но жизнь уже такъ устроена, розы не цвѣтутъ долѣе дня. — Эта ручка, достойная Фидія....

Морицъ схватилъ руку графини, которая глядѣла на него съ удивленіемъ и сурово, но которая сдѣлала только легкое движеніе, когда Морицъ дотронулся до руки, достойной Фидія и безъ сомнѣнія Морица д'Орбессака.

— Еслибъ я былъ краснорѣчивъ, сударыня, то сталъ бы говорить напыщенныя фразы о вашей красотѣ, столь благородной, столь гордой, нѣжной и граціозной, но Баконъ говорить, что истинное краснорѣчіе смѣется надъ краснорѣчіемъ. Для чего не сказать просто того, что шепчетъ

мнѣ сердце. Вы хороши и я васъ люблю... Простите меня, сударыня... я говорю это вашей ручкѣ...

Говоря это, Морицъ склонилъ голову, поднявъ руку графини и приложился къ ней горячими устами.

Все это произошло такъ естественно, зонтикъ такъ ксати закрывалъ лицо Морица, что никто изъ самыхъ нескромныхъ гулякъ не могъ замѣтить этого маневра.

— Послушайте сударь — я незнаю, чѣмъ вы все это кончите? — Вы должны понимать сами....

— Я понимаю очень хорошо, графиня, что это дерзость, въ которой я раскаиваюсь съ грустью. Но что вы хотите? Между вашей браслеткой и перчатками было мѣстечко для моихъ губъ.

Графиня, казалось, развлекалась, глядя на амазонку, скакавшую легко и граціозно. Коляска проѣхала чрезъ Триумфальныя ворота, уже лошади ржали отъ удовольствія, вдыхая весенній аромать лѣса. Морицъ былъ въ восхищеніи, не потому только, что онъ выигралъ пари, но потому, что еще разъ испыталъ, что онъ предназначенъ къ любовнымъ приключеніямъ. Онъ не имѣлъ времени, сидя въ коляскѣ, спросить себя: любить ли онъ точно графиню? — Для искателей приключеній это не важная вещь.

Какъ человѣкъ умный, онъ не имѣлъ нужды молчать, а потому говорилъ безъ умолку, не желая, чтобы графиня на-досугъ могла размыслить. Онъ говорилъ, что завидуетъ поэтамъ, которые, благодаря тому, что скоро находять рифму, имѣютъ право воспѣвать густые волосы, подобные тѣмъ, которымъ онъ удивлялся, онъ завидовалъ живонисцамъ, которые влюбленной кистью могли воспроизвести эти влажные взгляды, гордые и сладкіе, которые ослѣпляли его, какъ лучи солнца.

— Но, продолжалъ онъ одушевляясь, гораздо счастливѣе тотъ, кто не имѣя талантовъ, имѣетъ право любить васъ!

— Это право я предоставляю всѣмъ и каждому, сказала насмѣшливо графиня, но съ условіемъ, чтобы мнѣ объ этомъ ничего не говорили. Вотъ, напримѣръ, чрезъ минуту мы разстанемся: кто же запретитъ вамъ меня любить?

— И кто мнѣ помѣшаетъ васъ видѣть?

— Я — сказала графиня величественно.

— Но издали, какъ мы смотримъ на звѣзды, не думающіе объ насъ.

— Графиня закрылась зонтикомъ. Ну, вотъ мы и на границѣ лѣса: прощайте сударь!

— Уже.

— Да!

— Увы!

— Вы принимаете свою шутку за серьезное... Для чего же это? Для того, чтобы она потеряла всю свою прелесть, если это только шутка.

— Послушайте, и у меня тоже есть маленькая философія—сердца. Случалось ли вамъ, проѣзжая лѣсомъ, встрѣтить нѣсколько свѣжихъ вѣтвей, запахъ которыхъ идетъ вамъ прямо къ сердцу. Вы не останавливаетесь и скачите далѣе — но по выѣздѣ изъ лѣсу, вы все еще дышите, воспоминаніемъ, этимъ ароматомъ. Вамъ случается услышать среди музыки, наскучившей вамъ, мелодическую ноту, созвучіе неземное — отголосокъ музыки ангеловъ. Какъ благоуханіе лѣса, этотъ звукъ просится прямо въ ваше сердце; на вашихъ глазахъ блеститъ радостная слеза; если бы вы могли, вы бы распростерли объятія, чтобы обнять неизвѣстную фею — вы ждете слѣдующіе дни—той же ноты, еще сильнѣе плѣвляющей васъ. Любовь—вотъ благоуханіе лѣса, вотъ мелодическая нота, мгновенный лучъ, горизонтъ, который васъ дивитъ, цвѣтокъ завялый, но все еще благоуханный. Воспоминаніе болѣе печально, чѣмъ сладко, но самая печаль въ немъ имѣетъ безконечную прелесть. Повѣрьте женщинѣ, любите мимоходомъ и постарайтесь никогда не возвращаться по своимъ слѣдамъ; ищите воспоминаній, но не сожалѣній. И такъ прощайте и постарайтесь невидаться никогда со мною.

Графиня произнесла послѣднія слова съ движеніемъ, она протянула руку Морицу и приказала кучеру остановиться.

Молодой человекъ сжалъ руку и въ этотъ разъ приложился губами съ порывомъ почти безумнымъ.

Лакей отперъ дверцы и спросилъ, куда надо ѣхать?

— Все равно, сказала графиня, поѣзжай все прямо.

Морицъ соскочилъ на траву, оборотился и долго смотрѣлъ на графиню съ восхищеніемъ и покорностью.

— Прощайте, сударь, продолжала графиня со взглядомъ

ангелскимъ или демонскимъ, если вы сегодня увидите герцогиню, скажите ей, что я не перестаю ее любить отъ всей души.

Сначала Морицъ не понялъ послѣднихъ словъ.

— Что хотѣла она этимъ сказать? Я незнаю никакой герцогини.

Но потомъ понялъ, что графиня сказала это только для того, чтобы скрыть его безразсудный поступокъ отъ глазъ своихъ слугъ. Коляска исчезла въ вѣтвяхъ аллей.

— Нѣтъ, сказалъ Морицъ, я ее увижу. Эта женщина вѣрно прогуливается всякій день. Да ужъ изъ одного любопытства она приѣдетъ. Кромѣ того я выигралъ пари — если все похождение ни къ чему не поведетъ, то ужъ и это довольно важная вещь. Но по правдѣ сказать, никогда на пять минутъ я не бывалъ счастливѣе.

Онъ возвратился къ товарищамъ съ самымъ торжествующимъ видомъ.

Когда онъ сѣлся въ коляску, весь преданный размышленіямъ объ опасности своего положенія, онъ замѣтилъ, что одинъ изъ друзей очень близко подошелъ къ каретѣ и имѣлъ время разглядѣть слугъ и гербы.

— Что мнѣ сказать имъ? спрашивалъ онъ самъ себя, приближаясь къ площадкѣ. Они могутъ съ ней встрѣтиться. Я остановился еще не на послѣднемъ словѣ моего похождения, какъ она говорила; неужли же все испортить за одну минуту торжества передъ ними? Не лучше ли будетъ немного дальше зайти въ эту интригу.

Онъ встрѣтилъ своихъ нетерпѣливыхъ спутниковъ.

— Ну что? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Что? отвѣчалъ онъ медленно, думая о графинѣ, я проигралъ закладъ.

Друзья приняли эту новость съ удовольствіемъ, но и съ удивленіемъ.

— Кто знаетъ? думалъ онъ въ тоже время самъ съ собою, припоминая глубокій взглядъ графини — можетъ быть ей и поправится, что я такъ проигралъ 100 лундоровъ.

II.

КАРМЕЛИТСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

На утро, Морицъ д'Орбессакъ. долженъ былъ имѣть свиданіе съ женщиной, знаменитой во всемъ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи, въ маленькой Кармелитской церкви, въ улицѣ Vauginard.

Онъ остановилъ карету передъ Люксамбургскими воротами. День клонился къ вечеру, былъ часъ, когда церкви, уже опустѣвшія, получаютъ какой-то мрачный видъ. Морицъ бросилъ свою сигару, и вошелъ на дворъ Кармелитскій точно также, какъ онъ перешелъ-бы чрезъ порогъ опернаго фойе..

Между-тѣмъ это незначило, что онъ вошелъ безъ нѣкотораго религіознаго чувства въ эту маленькую церковь, знаменитую по возстаніямъ 1792 года. Онъ дошелъ почти до алтаря, не встрѣтивъ ни души. Когда онъ сталъ прислушиваться къ своимъ шагамъ, то услышалъ неясный шумъ, глухой шопоть, голосъ, который молился..

Онъ осмотрѣлся кругомъ, но никого не видалъ, а голосъ становился все болѣе и болѣе явственнымъ. Наконецъ, онъ замѣтилъ черную рѣшетку, вдѣланную въ стѣну вблизи алтаря, но, когда онъ къ ней подошелъ, голосъ, слышанный имъ, стихъ, подобно шуму вѣтра.

Тогда онъ вспомнилъ, что Кармелитскій монастырь принадлежалъ къ этой церкви. И такъ, за рѣшеткой была молившаяся кармелитка, онъ захотѣлъ ее видѣть, но могила не могла быть мрачнѣе мѣста, гдѣ она молилась. Ему показалось сначала, что пространство между двумя рѣшетками, было завѣшено чернымъ, чтобы совершенно отбѣлить бѣдныхъ сестеръ отъ живыхъ, какъ мертвыхъ отдѣляютъ могильною плитою. Но мало-по-малу онъ различилъ форму, сначала неясную, потомъ болѣе и болѣе опредѣленную: и конецъ профиль колѣнопреклоненной женщины. Никогда на молитвѣ не склонялась женщина съ большею граціею, она казалась потерянною на этомъ свѣтѣ, куда иногда Господь является дѣвамъ, которыя полагаютъ свою славу въ ношеніи терновыхъ вѣнцовъ.

Въ пылкомъ воображеніи Морица развивался цѣлый романъ.

Онъ могъ замѣтить, что молящаяся женщина была молода и печальна, стало быть была и хороша.

Наконецъ она перекрестилась, медленно поднялась, еще разъ склонилась предъ алтаремъ и скрылась во мракѣ. Морицъ забылъ, что ему должно быть на свиданіи; онъ уже не хотѣлъ видѣть своей любовницы, которую никогда слишкомъ не любилъ: — это была одна изъ тѣхъ интригъ, которыя рождаются и умираютъ отъ тщеславія.

Онъ вышелъ изъ церкви, рѣшившись преслѣдовать кармелитку во внутренность монастыря.

Онъ пришелъ на дворъ; его глаза остановились на двухъ маленькихъ, смежныхъ дверяхъ, очень искусно убранныхъ виноградными лозами. Надъ одною изъ этихъ дверей, Морицъ прочелъ: *Святая Тереза*, надъ другою: *Святая Магдалина*.

Морицъ почувствовалъ живое любопытство.

— Нужно, сказалъ онъ рѣшительно, чтобы я вошелъ въ пріемную и узналъ, какъ живутъ здѣсь эти бѣдныя сестры.

Поднявъ глаза между церковью и виноградниками, онъ увидѣлъ надъ полуоткрытою дверью образъ св. Дѣвы и надпись:

Sancta Carmeli.

Поручивъ себя случаю, Морицъ перешелъ черезъ порогъ этой двери, но въ концѣ мрачнаго корридора со сводами онъ остановился предъ каменной башнею, которая казалось говорила ему: Ты не пойдешь далѣе.

Вотъ уже онъ дышалъ спертымъ, могильнымъ воздухомъ монастыря, онъ возвратился назадъ стараясь проникнуть далѣе черезъ маленькія, имъ уже примѣченныя двери. Когда онъ возвратился во дворъ, сторожъ шелъ по лѣстницѣ въ церковь. Онъ думалъ сначала обратиться къ нему, но разсудилъ, что при неудачѣ, всегда успѣетъ это сдѣлать.

Когда сторожъ вошелъ въ церковь, Морицъ пошелъ прямо къ маленькимъ дверямъ и крѣпко пожалъ ихъ — однако онъ не мало удивился, когда одна изъ нихъ уступила его натиску; торопливо вошелъ онъ въ нее, какъ воръ, заперъ за собою и пустился наудачу.

Онъ очутился въ пріемной. Едва сдѣлавъ онъ пять или шесть шаговъ, какъ снова представилось препятствіе; тутъ опять

была рѣшетка, потому—что въ монастыряхъ это главнѣйшая мебель; но онъ отворилъ ее однимъ толчкомъ.

Хотя онъ былъ храбръ и предприимчивъ, всегда безъ страха, но не безъ раскаянiя, однако здѣсь вслѣдъ за каждымъ шагомъ, онъ прислушивался съ нѣкоторою боязнью. Мы уже сказали, что былъ вечеръ, всѣ предметы получали какой-то мрачный оттѣнокъ, онъ воображалъ, что тотчасъ увидитъ что-нибудь сверхъ-естественное, что заставитъ его закричать отъ ужаса.

Но онъ не слышалъ ничего—кромѣ бiенiя своего сердца; онъ пошелъ далѣе, и очутился въ небольшой монастырской галлерей, то есть, вѣрнѣе—на маленькомъ дворѣ строжайшихъ затворницъ, окруженномъ корридорами съ арками, сырыми и холодными, куда никогда не проникали лучи солнца. Ни цвѣтка, ни кустарника, ни травки, ни завялаго растенiя—ничего оживленнаго не было на этомъ дворѣ, на этихъ стѣнахъ. Поднявъ глаза, Морицъ замѣтилъ семь или восемь крошечныхъ окошекъ, неправильно разбросанныхъ—самого печальнаго вида. Оттуда онъ живо перешелъ на большой дворъ; здѣсь еще выказывалось немного природы. Нѣсколько захирѣвшихъ кустарниковъ, лилiй и бузины, которымъ не суждено было никогда цвѣсти; высокая трава, какая бываетъ на кладбищахъ, которой не дано благоухать весеннимъ ароматомъ—вотъ все, что Морицъ увидѣлъ на большомъ дворѣ.

—Да, сказалъ онъ—этотъ дворъ все-таки меньше пустыненъ, нежели первый; монахини, имѣющiя здѣсь окна, не такъ отчуждены отъ свѣта, какъ другiя.

Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ замѣтилъ на голой стѣнѣ большой крестъ, грубо намалеваннiй и окруженный кровавою драпировкой.

Онъ сдѣлалъ движенiе ужаса.

—Какая безумная настоятельница наказываетъ своихъ сестеръ такую картиною?

Онъ прошелъ въ заглохлiй садикъ, какiе бываютъ у сельскихъ священниковъ. Между нѣсколькими липами, безъ соку и силы, разбросаны были тамъ и сямъ виноградныя лозы, которыя никогда не блистали подъ сентябрьскимъ солнцемъ—золотомъ и пурпуромъ.

Въ концѣ садика Морицъ остановился въ маленькомъ гро-

тѣ. гдѣ онъ нашелъ двѣ могилы, безъ надписей. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему оставлять имена этихъ мертвыхъ, когда они и на землѣ — не жили?

Между двумя могилами на скромномъ пьедесталѣ была каменная статуя. Морицъ узналъ Луизу, сестру Людовика XV, умершую подъ рясой кармелитки.

Онъ удивлялся и не безъ причины, не видя до-сихъ-поръ ничего, кромѣ смерти: онъ заглядывалъ въ окна, прислушивался: никакой шумъ, никакое существо не увѣрило его, что тамъ живутъ люди. Онъ рѣшился вернуться и выдти, по лѣстницѣ во внутренность монастыря. Онъ пошелъ по корридолу, мысленно задавая себѣ вопросъ, что скажетъ онъ первой кармалиткѣ, которую увидитъ.

Полуоткрытая дверь дала ему мысль пройти въ нее, онъ очутился въ кельѣ девятнадцатаго вѣка: убранство комнаты отъ семи до восьми шаговъ, освѣщенной рѣшетчатымъ окномъ, завѣшеннымъ черною пеленою внутри, состояло изъ четырехъ досокъ, пучки соломы и шерстянаго одѣяла — и эта-то постель составляла единственную мебель кельи.

Но не должно забывать, что келья была украшена образомъ Спасителя, оловянной кадилницы и связкою четокъ, потому-что для этихъ святыхъ женщинъ не довольно одной власницы, чтобы побѣдить искушенія свѣта.

Когда Морицъ достигъ до желтыхъ стѣнъ этой кельи, онъ съ религиознымъ негодованіемъ сорвалъ черное сукно, скрывающее ее отъ солнца; онъ полагалъ, что въ это окно по крайней-мѣрѣ онъ увидитъ небо, деревья и крыши города, но онъ увидѣлъ только кровавую драпировку креста, написаннаго на стѣнѣ двора.

О Боже! прошепталъ Морицъ, падая на колѣна, Ты, который создалъ свѣтъ, небо и солнце, землю и цвѣты, Ты, который позволилъ нашимъ сердцамъ привязываться къ лучшимъ твоимъ созданіямъ, неужели Ты терпишь такія истязанія?

—Что это? сказалъ Морицъ, когда восторгъ его прошелъ — я пустился въ богословіе. Нынѣ, при мрачной поэзіи нашего столѣтія, не должно уничтожать этихъ безвыходныхъ темницъ, которыя такъ сказать — предисловіе къ смерти.

Онъ вошелъ въ корридоръ, который все больше и больше темнѣлъ, онъ полагалъ, что всѣ кармалитки вѣроятно сое-

динились на хорахъ для вечерней молитвы. Какъ онъ полагалъ, что хоры эти недалеко, то тихо шелъ впередъ, думая присутствовать незамѣтно при этомъ святомъ уираженіи. Но на углу корридора, онъ очутился прямо противъ кармелитки.

На ней была монастырская одежда во всей ея печальной суровости. Когда она увидѣла Морица, то опустила покрывало и сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ.

—Суларыня, сказалъ почтительно Морицъ, простите меня, что я зашелъ сюда.

Монахиня не отвѣчала.

—Развѣ запрещено, продолжалъ Морицъ, развѣ не позволено сердцу, которое еще чувствуетъ, проникать туда, гдѣ любовь къ Богу внушаетъ такія высокія жертвы?

—Государь мой, сказала монахиня слабымъ голосомъ, уходя, вы можете продолжать свое поклоненіе святынь.

—Но позвольте мнѣ васъ задержать на одну минуту — я здѣсь совершенно заблудился, я ничего не понимаю въ этомъ молчаніи и ушнненіи; мнѣ—говорили, что число кармелитокъ было всегда такъ велико.

—Это правда; но съ сегодняшняго утра монастырь уже необитаемъ.

—Но что-же случилось съ вашими сестрами.

—Кармелитки выстроили другой монастырь, немного подале, въ этой же улицѣ. Сегодня въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, онѣ оставили это убѣжище.

—Но вы?

—Я?—ахъ! двери монастыря за мною еще незаперлись навсегда; вы вѣроятно знаете, что послѣ четырехъ-лѣтняго послушничества можно возвратиться въ свѣтъ и не произносить обѣта.

—Но вы, вы вѣрно не употребите во-зло своей свободы: если вы проводите послушничество въ такихъ моленіяхъ, то вамъ нечего опасаться искушеній свѣта.

—Нѣтъ, сегодня я вошла сюда только для того, чтобы проститься съ этими стѣнами, хотя и мрачными, но гостепріемными.

Монахиня, до-сихъ-поръ покушавшаяся уйти, мгновенно вздрогнула:—она осмѣлилась посмотреть на Морица и, можетъ быть, узнала его.

Она оперлась объ дверь кельи.

— Кто знаетъ? сказала она съ нѣкоторымъ волненіемъ, — можетъ быть, я вошла сюда только для того, чтобы полюбить свѣтъ!

Она закусила губы, раскаиваясь, что произнесла эти слова. Морицъ въ восхитительной надеждѣ услышать дальнѣйшія признанія, приблизился къ ней съ братскимъ участіемъ.

— Ваша правда: свѣтъ отсюда принимаетъ обворожительныя формы, признаюсь, несмотря на мою философію и любовь къ уединенію, я бы не рѣшился провести сутки въ какой нибудь жалкой кельи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ недовольно человѣку одной могилы, вѣрно свѣтъ былъ очень жестокъ къ сердцамъ, которыя приходятъ сюда отдыхать.

Монахиня молчала.

— Однако, я понимаю, что сюда можно вступить, вымаливая прощеніе за прежнюю любовь, какъ на примѣръ Марія Магдалина.

Монахиня все молчала, Морицъ все ждалъ, что наконецъ поднимется покрывало.

— Но вы, сударыня, вы молоды и прекрасны, сердце ваше никогда еще не предавалось обольщеніямъ этого міра—для чего хотите вы начинать тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ?

Морицъ видѣлъ трепеть и волненіе послушницы.

— Для чего? это знаетъ Богъ, Божь одинъ и будетъ знать. Вы говорите объ обольщеніяхъ и удовольствіяхъ свѣта—но они созданы не для всѣхъ, кто живетъ и умираетъ подъ солнцемъ.

— О, подумалъ Морицъ, я ошибся, эта монахиня, которую я представлялъ себѣ очаровательною, вѣрно старая дѣва безъ приданого.

Между тѣмъ и монахиня чуть внятно шептала.

— Онъ говоритъ, что я молода и хороша, развѣ грѣшно будетъ доказать ему, что онъ не ошибся? Для чего мнѣ не поднять покрывала?

— Да, продолжала она уже вслухъ, надо, чтобы свѣтъ много наскучилъ намъ, когда мы удаляемся сюда, хотя такъ сладко любить Бога и молиться ему въ полной свободѣ ума и сердца. Сказать ли вамъ? Никто больше меня не былъ преданъ свѣту, но я всегда была втайнѣ склонна къ мистицизму.

Что же? я до-сихъ-поръ незнаю, буду ли я имѣть силу произнести объѣтъ при постриженіи. Посмотрите, въ какую мрачную темницу вы пришли.

Она пошла впередъ, Морицъ за ней, полагая, что она совершенный уродъ, не могшій заинтересовать ни одного человѣка.

Она показывала ему хоры, и въ пылу разсказа, какъ бы не думая о томъ, что дѣлаетъ, подняла покрывало, и Морицъ не могъ оторвать глазъ отъ прелестнаго личика, которое послѣ дѣвицы де ла-Вальеръ едва ли когда встрѣчалось у кармелитокъ.

— Сударыня! позвольте мнѣ замѣтить, что Богъ не создалъ васъ такою прелестною для монастыря.

Монахиня покраснѣла и отвернула голову.

Они вошли въ корридоръ.

Въ эту минуту голосъ сторожа спросилъ, гдѣ сестра Маргарита?

— Я здѣсь, сказала монастырка, дѣлая прощальный знакъ Морицу.

— Сударыня, сказалъ онъ, кланяясь; я приду сюда опять, но... увижу ли я васъ снова?...

— Господинъ Морицъ д'Орбессакъ, я надѣюсь васъ увидѣть, но не здѣсь, проговорила она и сбѣжала съ хоровъ, почти съ баснословною легкостью.

— Она знаетъ мое имя! сказалъ удивленный Морицъ.

Онъ хотѣлъ слѣдовать за нею, но дошедши до нижняго жилья, она скрылась въ мрачныхъ башняхъ большаго двора... Онъ блуждалъ тамъ нѣсколько времени, а когда нашелъ дверь, то привратникъ сказалъ ему, что дѣвица де Бетизи, т. е. сестра Маргарита, теперь уже въ церкви св. Сульбици.

III.

БЕАТРИСА.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ двухъ описанныхъ нами походовъ Морица д'Орбессака, въ Шантильйскомъ лѣсу была королевская охота. Несмотря на сомнительную погоду, боль-

шое число Парижанъ, желавшихъ видѣть это зрѣлище, которое въ наше время едва ли не одно напоминаетъ еще счастливую эпоху царскаго великолѣпія, толпилось на берегахъ Комельскихъ прудовъ.

Морицъ д'Орбессакъ былъ тамъ, какъ бывалъ вездѣ, гдѣ только что нибудь обѣщало его сердцу или уму малѣйшее развлеченіе. И здѣсь, какъ всегда, онъ очаровывалъ всѣхъ осанкою и граціею, съ какою управлялъ своей лошадыю, чистой арабской крови, которая перегоняла Версальскіе и Сент-Жерменскіе паровозы. На этотъ разъ охотники заставили себя дожидаться, олень уже былъ приготовленъ къ жертвѣ; время отъ времени раздавались звуки роговъ, заглушаемые лаемъ гончихъ, — но гости павильона Бѣлой-Дамы едва приближались.

Черезъ часъ это молчаливое и поэтическое спокойствіе, плескъ воды и шорохъ листьевъ, были замѣнены шумомъ, блескомъ и радостью. Каждую минуту появлялись новые, прелестные экипажи. Но вдругъ толпа посторонилась, чтобы дать дорогу закрытой коляскѣ, везомой съ истинно царскимъ величіемъ четвернею англійскихъ, горячихъ лошадокъ; эта коляска работы Дамоне, могла принадлежать только императрицѣ австрійской (конституціонныя королевы не вынесутъ такого блеску), какой нибудь дюшессѣ, или избалованному свѣтилу современной сцены.

Эта коляска, сзади которой ѣхали два жокея, одѣтые съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ, была окрашена зеленою краскою, съ золотомъ. Въмѣсто гербовъ была одна только буква. Напудренные жокеи были въ зеленыхъ бархатныхъ курткахъ, шитыхъ золотомъ. Сзади коляски держался съ истинно британскою важностью гайдукъ, такого роста, что Наполеонъ непременно завербовалъ бы его тамбуръ-мажоромъ въ свою гвардію.

Въ этомъ экипажѣ, напоминавшемъ собою роскошь волшебныхъ сказокъ, сидѣла женщина.

Всѣ удивлялись граціи и красотѣ этой женщины, можетъ быть, только она одна могла бы почестъся королевою этого разнообразнаго и одушевленнаго праздника, но на головѣ ея не было другой короны, кромѣ той, какую носятъ всѣ двадцатилѣтнія женщины, любимыя и прекрасныя, короны моло-

дости. Она была одѣта въ платьи изъ темноглубаго крепа, почти совершенно закрытомъ мантильею изъ черныхъ кружевъ. На волоса ея была наброшена, съ истинно волшебною легкостью, розовая крѣповая шляпка съ царскими кружевами. Я не скажу, чтобы красота ея была необыкновенная, но лицо ея, не имѣвшее никакого опредѣленнаго выраженія, было ослѣпительно своею свѣжестью; роса, при восхожденіи солнца, не имѣетъ больше блеску.

Съ перваго взгляда можно было безъ труда замѣтить, что эта женщина была создана только для того, чтобы встрѣчать въ жизни радость, великолѣпіе, безопасность и любовь; видя всегда одно счастье, она никогда не блѣднѣла отъ печали, глаза ея не потеряли своего блеску отъ слезъ. Въ одной персидской сказкѣ говорится: «есть женщины—розы, и есть женщины—тернія, одиѣ — улыбка Создателя, другія его гнѣвъ!» Но та, о которой мы говоримъ, не могла быть сравнена ни съ улыбкой, ни съ гнѣвомъ—напротивъ полнота ея переходила даже границы ея корсажа, вообще, это было созданье, могшее вдохновить Тиціана и Рубенса. Эти великіе художники не разъ съ жаромъ передавали намъ жизнь и прелесть такой богатой и роскошной природы. Вотъ какова была женщина, пріѣхавшая одна, какъ бы въ триумфѣ, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ оленьей охоты на Комельскихъ прудахъ!

Никто ее тамъ не ожидалъ; при ея появленіи всѣ глаза обратились на нее, всѣ языки сказали нѣсколько словъ *за* или *противъ* нея, но никто не отдѣлился отъ группъ, уже сформировавшихся по берегу, чтобы ее встрѣтить.

Едва лошади, всѣ въ мылѣ и пѣнѣ — остановились, какъ принцессы скромно появились на готическомъ балконѣ навильона Бѣлой-Дамы.

Новоприбывшая поклонилась имъ, едва-ли не прежде всѣхъ.

По легкости, благородству и граціозности поклона, можно было заключить, что это была одна изъ дамъ, имѣющихъ вѣздъ ко двору. Догадывались объ ея имени, сосѣдъ говорилъ сосѣду, что это такая-то герцогиня, или графиня, известная болѣе своею красотою и приключеніями, нежели именемъ своего мужа.

Морицъ приблизился къ коляскѣ.

— Это удивительно! сказалъ онъ, заглядывая въ лицо дамѣ.

Гайдукъ сошелъ съ запятокъ, чтобы опустить подножку, но великій человекъ этотъ, заглядѣвшись на королевскій балконъ, былъ опереженъ Морицомъ, который въ двѣ секунды прыгнулъ на землю и бросилъ возжи своему жокею.

— Развѣ ты хочешь выйти? спросилъ онъ дружески ново-прибывшую.

И потомъ поправившись, сказалъ:

— Сударыня: я къ вашимъ услугамъ...

— Да, да, сказала она, протягивая ему руку — я не сержусь, что ты меня встрѣтилъ Морицъ, хотя вы и не занимательнѣе принца, но...

— Но ваше высочество изволили меня найти менѣе скучнымъ. — Кой чертъ, что ты здѣсь дѣлаешь?

— Ничего, меньше чѣмъ ничего.

И поправившись, она сказала съ достоинствомъ:

— Я пріѣхала удивляться этимъ старымъ, лѣвивымъ дубамъ, на которыхъ нѣтъ еще ни одного зеленого листка.

Морицъ всталъ на подножку.

За то, сказалъ онъ въ томъ же духѣ, я вижу весну во всей красѣ расцвѣта и свѣжести въ тебѣ, о божественная... Кстати, какъ ваше имя сегодня?

— Право не знаю; какъ хочешь, такъ и зови.

— Беатриса?

— Пожалуй—если тебѣ это нравится.

— Благодарю. Беатриса, ты знаешь, что я тебя всегда обожаю....

— Значитъ: вы умѣете употреблять свое время съ пользою.

— Ты мнѣ напоминаешь стихъ поэта:

«La passion fleurit sur sa gorge orgueilleuse.

— Скажите пожалуйста Морицъ, развѣ вы не можете говорить со мною попочтительнѣе? Что объ насъ скажутъ, когда послушаютъ васъ?

— Сударыня, я забылъ....

— Подумайте — сколько любопытныхъ насъ окружаютъ.

— Сударыня! ваши лошади внушаютъ почтеніе.

— А мои глаза?
 — Любовь.
 — Дерзкій.
 — Скажи же, Беатриса, развѣ мы всегда останемся въ этомъ положеніи. Право, я не привыкъ сидѣть на подножкѣ— она очень хороша, но я бы хотѣлъ отдохнуть на полушкѣ.

— Но если принцъ здѣсь?
 — Развѣ за твои лошади не заплачено?
 — Какое-же мнѣ до этого дѣло? Развѣ ты принимаешь меня за праведницу — для кого же, какъ не для насъ съ тобой и изобрѣтены кредиторы?

Между тѣмъ Морицъ сѣлъ напротивъ Беатрисы, и это дало поводъ посплетничать ближайшимъ группамъ.

— Какъ ты проводишь время, другъ мой Морицъ?
 — Сударыня, прошу не называть меня такимъ словомъ, которое меня всегда располагаетъ къ чувствительности; я никогда не хочу быть другомъ женщины; ея врагомъ, еще пожалуй....

— Ты человѣкъ умный...
 — Ты женщина чувствительная — соединимъ эти прекрасныя качества до-завтра.
 — Это немного долго.

Въ это время послышался громкій галопъ лошади, которая неслась изъ лѣсу, не разбирая ни кустарниковъ, ни кочекъ, ни вѣтвей. Можно было узнать лошадь выдресированную для охоты; ея управлялъ молодой человѣкъ съ замѣчательною ловкостью и граціею. Онъ раскланивался на всѣ стороны, какъ человѣкъ, который находится у себя, на семейномъ праздникѣ.

Онъ ѣхалъ прямо къ коляскѣ Беатрисы; увидѣвъ посторонняго человѣка, который сидѣлъ съ небрежностью противъ дамы, его лицо открытое и радостное, какъ веселый день, въ минуту приняло недовольное выраженіе. Однако, онъ поклонился Беатрисѣ съ обыкновенною своею вѣжливостью.

— «Ахъ, здравствуйте принцъ. Берегитесь, не испугайте моихъ лошадей, вы знаете, какъ они горячи.»

Принцъ бросилъ на Морица громовый взглядъ. Беатриса граціозно протянула къ нему свою ручку.

— Любезный принцъ, я ждала васъ.

— А! сказалъ онъ, съ худо скрытою досадою: вы меня ждали?

— Да, но не долго: вы знаете, что я не имѣю привычки дожидаться, я вамъ посвятила цѣлую минуту.

— Въ самомъ дѣлѣ? какъ вы добры — я вамъ очень благодаренъ.

Беатриса стала болтать съ Морицомъ. Взбѣшенный принцъ далъ шпоры своей лошади и поспѣшилъ поклониться дамамъ, стоявшимъ на балконѣ.

— И такъ, любезный Морицъ, сказала Беатриса, удерживаясь отъ смѣху, теперь вы видите, что вамъ должно будетъ пиагою защищать ваше мѣсто. Помните, что бѣдный принцъ уже шесть мѣсяцевъ былъ моимъ любовникомъ... Завтра утромъ объяснитея, почему онъ такъ любезенъ.

— Но можно-ли не быть любезнымъ, вспоминая объ васъ, или надѣясь на васъ?

— Это вашъ парадоксъ... Я должна наконецъ сказать вамъ, что эта коляска и лошади присланы мнѣ сегодня по приказанію принца, посмотрите эту записку:

«Сударыня! сегодня почью, играя въ ландскнехтъ я думалъ только объ васъ, это принесло мнѣ счастье: я выигралъ карету, которую и отсылаю къ вамъ съ моими лошадьми, жокеями и гайдуками. Я на королевской охотѣ: жду васъ въ два часа на Комельскихъ прудахъ, передъ павильономъ Бѣлой-Дамы.»

— Нельзя быть вѣжливѣе и благороднѣе, сказалъ Морицъ, складывая письмо. Въ самомъ дѣлѣ, Беатриса, я нахожу, что вы поступили съ принцемъ жестоко. Королева не сдѣлала бы такъ. Конечно для королевы театральныя.....

— Еще одно слово д'Орбессакъ, и... если вы такъ неблагодарны, и не чувствуете себя достойнымъ вашего положенія, я тотчасъ сдѣлаю знакъ и принцъ явится.

Но принцъ уже былъ смѣненъ своимъ грумомъ, онъ соскочилъ на траву и отдалъ ему лошадь. Морицъ не упустилъ его изъ вида.

— Видите-ли, сказалъ онъ своей дамѣ, онъ кажется хочетъ осадить *свой* экипажъ, или лучше сказать, *нашъ* экипажъ. Въ самомъ дѣлѣ, принцъ подошелъ къ коляскѣ.

— Сударыня, сказалъ онъ съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ: мнѣ надо сказать вамъ пару словъ!

— Говорите: мы васъ слушаемъ.— Принцъ поблѣднѣлъ отъ злобы, но продолжалъ съ такимъ же видимымъ хладнокровіемъ.

— Но сударыня, то, что я буду говорить, касается только до васъ; когда же я буду говорить то, что намѣренъ сообщить вашему спутнику, то повѣрьте, не стѣснюсь вашимъ присутствіемъ.

— Вы, я полагаю, хорошо понимаете, сказалъ Морицъ съ живостью, что для того, чтобы оставить васъ вдвоемъ съ ними — я долженъ выйти изъ коляски, это будетъ дикая фантазія, тѣмъ болѣе, что я еще незнаю, будетъ ли имъ пріятно слушать васъ. Изъ этой коляски выходитъ непріятно — вы я думаю постигаете это положеніе, лучше чѣмъ я....

— Перестаньте ребячиться, сказала Беатриса: не принимайте этого за серьезное.

— Не бойтесь сударыня, отвѣчалъ принцъ, я ничего не приму за серьезное, находясь въ такомъ прекрасномъ обществѣ; однако, продолжалъ онъ съ достоинствомъ, я долженъ сказать вамъ два слова, вамъ однимъ и... сегодня или завтра вы ихъ услышите!

Принцъ удалился и кликнувъ своего грума, разговаривавшаго съ кучеромъ коляски, онъ отдалъ кой-какія приказанія, вскочилъ на лошадь и скрылся въ лѣсу...

— Онъ помѣшался! сказала Беатриса.

— Мы виноваты въ этомъ только тѣмъ, что сидимъ въ его экипажѣ.

— Какъ, въ его экипажѣ? — развѣ онъ не мой?

— Вашъ.... до извѣстнаго времени: онъ написалъ, что подарилъ его вамъ, но вы не засвидѣтельствовали, что его получили.

Между тѣмъ грумъ удалился и кучеръ сѣлъ на свои козлы.

— Что ты дѣлаешь? вскричала Беатриса, видя, что онъ ударилъ лошадей бичемъ.

Кучеръ не отвѣчалъ ни слова; лошади, продравшись чрезъ толпу, пустились галопомъ по одной изъ глухихъ дорогъ къ лѣсу. Морицъ кричалъ гайдуку, чтобы остановиться, но

тотъ казался не желать его слушаться. Онъ былъ нечувствителенъ ко всему, кромѣ вѣтвѣй, которыя то и дѣло заставляли его наклонять голову.

Морицъ и Беатриса стали безпоковаться; однако, они не могли удержаться отъ смѣху при этой неожиданной прогулкѣ, которая очень походила на скачку.

—Однако, — намъ нельзя ни на что пожаловаться; дорога славная, мы вдыхаемъ благоуханіе молодыхъ растений, деревья насъ защищаютъ отъ солнца, солнце согрѣваетъ насъ и подъ деревьями, самая жизнь не такое ли же путешествіе? и такъ впередъ!

—Въ-самомъ-дѣлѣ, мы никогда не знаемъ сами, куда стремимся — для чего же безпоковаться намъ и о сегодняшней дорогѣ.

—Надо отдать справедливость лошадямъ принца, онѣ хорошей породы, онѣ не побоятся соперничества съ любимъ паровозомъ. Если же все такъ пойдетъ, то ужинать намъ вѣрно придется въ Кале.

—Вы меня ужасаете. Я сегодня вечеромъ назначила rendez vous и мнѣ необходимо ѣхать...

—Ко мнѣ или къ себѣ, не иначе.

—Пожалуйста, не перебивайте меня на половинѣ фразы, мнѣ необходимо ѣхать сегодня къ моей сестрѣ.

—Къ вашей сестрѣ? значить у васъ есть сестра?

—Можетъ-быть и двѣ, если хотите—даже и три, но мы не имѣемъ права говорить про мою сестру, которая живетъ не по моему...

Беатриса слегка опечалилась.

—Ба! только этого неоставало—конецъ вѣнчаетъ дѣло—посмотрите Морицъ—лошади насъ понесли!

Морицъ приподнялся и обращался поочередно то къ гайдуку, то къ кучеру; но они не стѣснялись тѣмъ, что происходило въ коляскѣ.

—О! вскричалъ Морицъ — если бы дорога имѣла, хотя небольшія окраины, я соскочилъ бы на землю и избилъ бы этихъ мерзавцевъ, но я рискую запутаться въ проклятыхъ сучьяхъ, какъ блаженной памяти — Авессаломъ, который повисъ на своей прическѣ.

—Я совѣтую вамъ, сказала Беатриса, продолжать ваше объ-

ясненіе въ любви. Наше уединеніе прелестно, трудно вообразить дороги, болѣе таинственной. Садитесь, пожалуйста, ко мнѣ поближе и расскажите мнѣ, что въ настоящую минуту происходитъ у васъ не сердцѣ. Вы знаете, что я очень люблю... признанія.

—Боже мой, если бы я былъ въ духѣ, если бы я не любилъ васъ страстно, то въ теченіе этого часу я рассказалъ бы вамъ, что эта насильная прогулка напоминаетъ мнѣ, что назадъ тому три или четыре дня, я находился въ подобномъ же положеніи.

—Гдѣ же это?

—Въ Елсейскихъ поляхъ.

—Расскажите мнѣ это?

—Ничего не можетъ быть проще или лучше, ничего не можетъ быть сложнѣе. Мы желали знать, можно ли прогуливаться въ лѣсу, съ женщиною хорошей жизни и нравовъ, съ какой-нибудь прекрасной обитательницей предмѣстья Сентъ-Оноре, вовсе не зная ее.

—И что-же?

—Что-же! я сѣлъ въ открытую коляску, напротивъ хорошенькой женщины, которая безъ сомнѣнія мечтала о своей исчезнувшей веси, потому что ей было около тридцати лѣтъ.

—Какой вы повѣса! Что-же сказали вы прекрасной незнакомкѣ?

—Это цѣлая Одиссея. Вы читали *Чувствительное путешествіе* и *Путешествіе вокругъ моей комнаты*?

—Я схожу съ ума отъ этихъ книгъ, хотя равно ничего въ нихъ не понимаю.

—Чтобы рассказать вамъ наше путешествіе со всѣми подробностями, надо быть Стерномъ или Ксавье де Метромъ.

Это одна изъ лучшихъ страницъ моей жизни, если память меня не обманываетъ, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ...

—А наше путешествіе вдвоемъ среди пустынного лѣсу, ты забылъ записать на этой страницѣ?

Морицъ, который держалъ руку Беатрисы—страстно поднесъ ее къ губамъ.

—Знаешь ли, милый Морицъ, мы никогда не приѣдемъ...

—Развѣ можно въ жизни приѣхать куда-нибудь, кромѣ кладбища?

—О! вамъ не мѣшаетъ по-философствовать. Богъ знаетъ, что-то ждетъ насъ въ концѣ пути.

—Я готовъ на все.

—Я хорошо изучила принца—я воображаю, что онъ непременно появится въ слѣдующей аллеѣ, вооруженный до невозможности.

—Да, съ его пылкимъ воображеніемъ, станется,—что онъ придумаетъ такую сцену къ нашей комедіи. Мнѣ кажется, что онъ хочетъ, чтобы вы видѣли, какъ мы будемъ драться или стрѣляться. Морицъ продолжалъ величественно:

—Онъ хочетъ упиться твоими слезами и насладиться твоею блѣдностью.

—Неудастся!—онъ меня не знаетъ, развѣ я когда-нибудь плачу? развѣ я блѣднѣю? Пусть будетъ, что будетъ—но я нисколько печалиться не стану—тѣмъ болѣе, что я расчитываю и на судьбу, которая меня всегда избавляла отъ плаксивыхъ сценъ. Вы сами знаете: даже воздухъ вокругъ меня пропитанъ весельемъ и радостью. За мою жизнь было много дуэлей, но не пролито ни одной капли крови.

—А я глубокий-фаталистъ; съ вами, я ничего не боюсь: ни даже вашихъ калризовъ.

—Замѣчаете ли вы, что эта дорога все плетъ дальше въ лѣсъ? Мнѣ все кажется, что лошади взбѣшены. Посмотрите, пожалуйста. Вся моя прическа испорчена, сучья рвутъ кружева.

Морицъ бѣшено поднялся и снова обратился къ гайдуку.

—Негодяй! скажи же мнѣ, наконецъ, куда мы ѣдемъ, или я тебя сброшу въ эти тернія.

Гайдукъ преспокойно отвѣчалъ, что онъ незнаетъ.

—Между-тѣмъ, сказала Беатриса, я должна сегодня вечеромъ исполнять роль въ новой пьесѣ.

Послѣ безчисленныхъ извилинъ и поворотовъ, четыре лошади, везшіе Морица д'Орбессаза и Беатрису — насилу удерживаемыя лѣсничными и охотниками, остановились на Шелейской площадкѣ.

—Наконецъ, сказала Беатриса, мы можемъ свободно вздохнуть.

Едва успѣла она произнести нѣсколько словъ, какъ молодой

принцъ де Вальдсталь, повернувъ изъ аллеи, явился верхомъ, передъ нею, съ притворною улыбкою. —

—И такъ, сударыня, что скажете вы о прогулкѣ? — Я очень рада, что васъ встрѣтилъ. Неправда ли, какъ удивительно, что охота навела меня на ваши слѣды?

Морицъ всталъ, чтобы выпрыгнуть изъ коляски.

—Одну минуту, если вамъ угодно.

—Мнѣ не угодно ждаль ея, произнесъ Морицъ. Объясните мнѣ ваши намѣренія, не теряя ни минуты. — Вамъ извѣстно, что эта дама должна сегодня играть въ комедіи.

—Я знаю, что эта дама не только не будетъ сегодня играть въ комедіи, но даже не будетъ въ театрѣ.

—Позвольте узнать, почему это? насмѣшливо спросила Беатриса.

—Причина очень простая, отвѣчалъ принцъ: я вамъ подарилъ эту коляску, сударыня, это замѣьте, но не дарилъ ни лошадей, ни людей. — Теперь не угодно ли вамъ видѣть слѣдствія...

Кучеръ и гайдукъ живо отпрягли лошадей, прежде, нежели Морицъ и Беатриса могли это замѣтить; по знаку принца, они поскакали назадъ, по направленію къ Комельскимъ прудамъ.

—На этотъ разъ, сказалъ Морицъ, съ худо сдерживаемымъ гнѣвомъ и прыгнувъ на траву, мы поговоримъ одни, увидимъ принцъ, кому изъ насъ придется ночевать здѣсь; я полагаю, что вы человекъ деликатный, а потому не считаю нужнымъ напоминать вамъ объ оружіи, въ надеждѣ, что вы его не забыли.

—Мы увидимся въ другой разъ, теперь же я вамъ скажу только слѣдующее: вы въ разстояніи трехъ часовъ отъ Шантильи, и не больше трехъ часовъ отъ Люзарха. — Конечно, съ прекрасной спутницей путь вашъ усыпанъ розами, но я советую вамъ не медлить, потому что, вы видите, солнце заходитъ. Наконецъ, я оставляю вамъ моего гайдука, ввидѣ проводника.

Морицъ былъ взбѣшенъ, онъ топталъ ногами и старался поймать за-узду лошадь принца; но увидѣвъ гайдука, онъ не могъ удержаться отъ смѣху, глядя на плаксивую физиономію бѣдняка, который все еще держался за коляска, вѣрный своему посту—между двухъ огней—гнѣвомъ принца и бѣшенствомъ Морица.

—Что-же, великой мужъ, сказала шутливо Беатриса, не ты ли повезешь экипажъ, потому-что не хочешь открыть подножку.

—Прощайте, суларыня, сказалъ принцъ кланяясь, позвольте пожелать вамъ счастья и спокойной ночи.... Если я встрѣчу вашего жокея и кабриолетъ, продолжалъ онъ, кланяясь Морицу, я скажу имъ, гдѣ вы.

Проговоривъ эти слова, онъ полетѣлъ, какъ стрѣла.

—Беатриса вышла изъ коляски и нѣжно подала свою руку Морицу.

—Что-же другъ мой, куда пойдѣмъ мы?

—Вся дороги ведутъ въ Римъ, но вы нехотите туда.

—Избави Боже! Я бы желала попасть теперь въ какой нибудь волшебный замокъ, гдѣ мелькаетъ веселый огонекъ, гдѣ невидимыя руки прислуживаютъ усталымъ путешественникамъ и приносятъ имъ лучшія кушавья и пѣвнстое шампанское.

—Это очень легко можетъ случиться: въ этомъ уголкѣ Франціи мы встрѣтимъ скорѣе замокъ, чѣмъ хижину. Вы знаете, что Департаментъ Сены и Оазы наполненъ замками: ихъ было около 50 — ти на границѣ лѣса.

—Путеводный обелискъ, сказала Беатриса гайдуку, или впереди насъ, и какъ тебѣ приказано принцемъ, открой что нибудь.—Послушай, Морицъ, эта тропинка довольно плавнительна.

—Это правда, но прежде пяти минутъ ты разорвешь свои бархатныя ботинки.—Беатриса отвѣчала храбро этимъ стихомъ:

A vaincre sans péril, on triomphe sans gloire.

—Хорошо сказано и хотя намъ остается мало времени думать и пройти три мили, но я все-таки хочу почтительною рукою поднести вамъ нѣсколько веселыхъ цвѣтовъ. А вы идите.

Морицъ остановился и нагнулся, чтобы нарвать нѣсколько цвѣтовъ, фіалокъ и бѣлыхъ буквицъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ. Потомъ догналъ Беатрису и пришилъ ей букетъ къ груди, хотя она хотѣла его держать въ рукахъ. Тогда они принялись идти серьезно, не говоря больше ни слова, кромѣ жалобъ на солнце, которое слишкомъ быстро уходило съ горизонта, на сучья

птернія, которые цѣпались за шарфъ и раздирали ботинки Беатрисы.

IV.

ИГРА СУДЬБЫ.

Черезъ нѣсколько времени, они встрѣтили на небольшой отлогости, ручеекъ, который, то терялся въ травѣ и цвѣтахъ, то катилъ свои волны къ лѣсу. Тамъ нашли они гайдука, который съ печальной миной глядѣлъ на ручей.

—Что ты дѣлаешь здѣсь?—Такъ-то ты показываешь намъ дорогу?

—Ахъ! Боже мой! да развѣ вы не видите, сударь, что если вамъ не будетъ угодно ворочаться назадъ, то намъ придется оставаться здѣсь?

—Какъ, негодяй! ты не съумѣешь перескочить черезъ эту каплю воды?

—Я, кто говорить обо мнѣ; я-то перескочу какъ-нибудь, но вы, но барышня?

—Въ-самомъ-дѣлѣ—сказала Беатриса, что-же мы будемъ дѣлать?

Морицъ вмѣсто отвѣта, подошелъ къ Беатрисѣ, осторожно поднялъ ее на плечо и чрезъ минуту онъ былъ уже на другомъ берегу.

Онъ замѣтилъ, что Беатриса блѣдна и растрогана. — Ты боялась?

Она положила къ Морицу обвила его шею руками и сказала, склонивъ голову съ нѣжнымъ трепетомъ.

—Я боялась тебя полюбить!

—Беатриса! ты никогда не была такъ хороша.. по-крайней-мѣрѣ для меня...

—Ты смѣешься, Морицъ, когда я говорю тебѣ серьезно, что люблю тебя. Клянусь, что этого прежде никогда со мною не случилось. Ты понимаешь, что я любила для препровожденія времени; я позволяла себѣ влюбляться въ того, кто имѣлъ хоть немного ума, хорошаго тона или вѣтренности. Всякій человекъ,

который показывалъ мнѣ деньги, всякій мотъ, всякій насмѣшникъ, смѣявшійся надъ всѣмъ свѣтомъ, и въ томъ числѣ и надо-мною, умѣвшій укротить лошадь или нанести врагу ловкій ударъ—могъ надѣяться, что онъ мнѣ вскружитъ голову — на день, на два—но дѣло этимъ и кончилось; это было пламя зажженной соломѣ, всегда яркое и веселое, но легко уносимое вѣтромъ. Тебя, Морицъ, видала я тысячу разъ, никогда о томъ не думая; ты казался мнѣ только повѣсой первой величины—не болѣе; мнѣ много говорили о твоихъ лошадяхъ и доходахъ, о твоихъ дуэляхъ и любовницахъ. Когда я не видала тебя въ театрѣ или въ лѣсу, мнѣ всегда говорили, что ты въ Лондонѣ, или въ Стокгольмѣ. Мнѣ никогда не приходило на мысль увидать тебя или повхаты съ тобою куда нибудь. И надо сказать, что ты и теперь пришелъ ко мнѣ не съ глубокимъ чувствомъ. Ты говоришь: я тебя обожаю, но не говоришь: я тебя люблю.

— Видишь ли, сколько два часа уединенія могутъ принести хорошаго сердцамъ добрымъ отъ природы. Признаюсь, что до-сихъ-поръ въ вихряхъ шумнаго свѣта мнѣ некогда было тебя любить. Я находилъ тебя хорошенькою и обворожительною, какъ женщину Тиціана, или статую Пралле, но я останавливался только на удивленіи твоей свѣжести и правильности. Но теперь, когда я тебя держалъ на рукахъ и слышалъ, какъ мое сердце билось подлѣ твоего, я тебя люблю съ....

Беатриса прервала Морица, зажавъ ему ротъ своей блѣзнькой ручкой.

— Не нужно... Морицъ, люби меня просто съ любовью. Не забывай, пожалуйста, нашей романической прогулки среди лѣса. Ты увидишь, я ее не забуду. Послушай Морицъ, ты будешь смѣяться надо-мною, но все равно, выслушай всѣ мои фантазіи, занимающія меня въ настоящую минуту: мнѣ кажется, что я потерялась въ какомъ-то безграничномъ Океанѣ; мой бѣдный челнокъ носится всюду — во въ ту минуту, какъ я сжимаю тебѣ руку, я могу закричать, какъ Колумбъ: берегъ, берегъ!

— Берегъ, берегъ! вскричалъ и Морицъ, впрочемъ не видя ничего серьезнаго въ словахъ актрисы. Послушай: этотъ столбъ объявляетъ намъ, что мы на границѣ лѣса.

— Какъ хорошо заходящее солнце, тамъ, между этими от-

прысками! Въ первый разъ еще я понимаю, отчего такъ хвалить захожденіе солнца.

— Перестань, милая Беатриса, начнешь хвалить солнце, какъ разъ сведешь на эклогу.

Они дошли до конца одной аллеи.

Гайдукъ сказалъ имъ, что узналъ отъ одного солдата, что меньше, нежели въ часть, они будутъ въ Лузархъ.

— Но, сказала Беатриса, не жаловавшаяся до-тѣхъ-поръ, я не имѣю силъ идти дальше, тѣмъ болѣе, что ночь настала.

— Такъ не угодно-ли будетъ вамъ сударыня, сказалъ гайдукъ, попросить гостепрѣимства въ здѣшнемъ замкѣ.

Морицъ увидѣлъ въ каштановой чащѣ острую кровлю и кирпичные флигели по бокамъ, во вкусъ XVI вѣка.

— Я увѣренъ, сказалъ Морицъ, что насъ тамъ не ждуть— и это побуждаетъ меня идти туда.

— Чтожъ? пойдемъ, сказала Беатриса, рѣшимся, надобно же, чтобы романъ нашъ продолжался со всеми странностями, надобно, чтобы наше сантиментальное путешествіе раздѣлялось на нѣсколько главъ. Кто знаетъ? можетъ быть тамъ насъ ждетъ какой нибудь любопытный эпизодъ. Можетъ быть, мы попадемъ врасплохъ на какую нибудь тайну департамента Севы и Оазы.

Говоря такимъ образомъ, Морицъ и Беатриса шли прямо къ воротамъ замка.

— Послушай Морицъ, какъ ты болязливъ, ты не рѣшаешься.

— Я размышляю, какъ мы поступимъ.

— Хорошо или дурно — я полагаю.

— Наконецъ, какъ мнѣ представить тебя честнымъ обитателемъ замка, какъ сестру, какъ жену, или какъ любовницу?

— Какъ сестру, намъ не повѣрятъ, какъ жену — это скучно! Отчего-же не какъ любовницу?

— Я хотѣлъ только предохранить тебя...

— Отъ оскорбленій? — только женщина безъ сердца можетъ оскорбляться. Пошли гайдука въ Лузархъ, онъ достанетъ почтовыхъ лошадей и отыскавъ коляску, привезетъ ее сюда. Только на два часа нуждаемся мы въ гостепрѣимствѣ.

Они вошли на дворъ замка, не встрѣтивъ ни души.

— Вильямсъ! сказалъ Морицъ, обращаясь къ гайдуку, кото-

рый все шелъ сзади, доложи о непрошеномъ визитѣ графа и графини д'Орбессакъ, а потомъ ты пойдешь въ Лузархъ — какъ тебѣ приказано.

Гайдукъ повиновался. Но едва онъ отошелъ, какъ съ крыльца показался толстый, низенькій, совершенно круглый человечекъ, съ пльшивою головою.

— Это, конечно Маркизь Карабагъ, сказала Беатриса. Посмотри, онъ кажется порядочный человекъ, для чего это онъ бѣжитъ къ намъ на встрѣчу съ такимъ проворствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, совершенно круглый человечекъ, запыхавшись, подбѣжалъ къ Морицу; видя это, Вильямъ повернулъ въ Лузархъ. Человекъ изъ замка поклонился Морицу и несколько не стѣняясь присутствіемъ его спутницы, началъ говорить ему:

— Милостивый государь, какъ вы кетати пришли!

— Право? А я былъ далекъ отъ мысли, что мое посѣщеніе кетати.

— Намъ нѣкогда терять ни минуты, сударь.

— Вѣроятно, чтобы съѣсть за ужинъ?

— Я рассчитывалъ на г. де Лишьера — но я не ждалъ его супруга.

Круглый человечекъ заемьлся и поклонился Беатрисѣ.

— Это бываетъ часто, сказала она съ улыбкою, — рассчитываешь на одно, а случается другое. Вотъ и я, это еще неприятели: я рассчитывала на моихъ лошадей и поэтому-то...

— Но, милостивый государь, пожалуйста взойдемте на верхъ, потому что одинъ Богъ знаетъ, много-ли остается намъ времени, чтобы засвидѣтельствовать...

— Чтобы засвидѣтельствовать?...

— Да, послѣ чтенія, по законамъ и обычаямъ.

— Но сударь...

Они дошли до крыльца.

— Потрудитесь войти, супруга ваша можетъ между тѣмъ прогуляться въ паркъ.

— Но, сударь, сказалъ Морицъ, я ничего не дѣлаю безъ нея.

— Ужъ на этотъ разъ потрудитесь отступать отъ своихъ правилъ, не возможно, чтобы онъ были допущены туда.

— Въ такомъ случаѣ, и я не пойду.

— Но я вас умоляю следовать за мною, или вы будете отвѣчать.

— Но наконецъ, подобно же объясниться, нетерпѣливо сказала Морицъ.

— Это очень просто — вы уже совершеннолѣтній.

— Полагаю, что такъ.

— Вы умѣете писать?

— Немножко.

— Вы Французъ?

— Не совсѣмъ, потому что я счастливъ.

— Вы не родня, не знакомый графа?

— А! наконецъ-то я начинаю догадываться, кто вы такой?

— Я думалъ, что вы давно уже замѣтили это!

— Королевскій нотаріусъ, сказалъ Морицъ, ударяя на каждое слово.

— Господинъ Албоазъ, изъ Полтавы, произнесъ нотаріусъ, кланаясь.

— Департамента Сены и Оазы, сказала Беатриса подъ рифму.

— И такъ вы понимаете сударь, что я имѣю право звать васъ на-верхъ, какъ свидѣтеля.

— Но что-же надо засвидѣтельствовать?

— Духовное завѣщаніе.

— Это вещь довольно важная, и я вообще не люблю духовныхъ завѣщаній, надобно, чтобы капиталы шли той дорогой, какъ назначено Богомъ. Можетъ-быть, этотъ старикъ лишаетъ наслѣдства бѣдное семейство безъ куска хлѣба, чтобы обогатить какого нибудь богача....

— Милостивый государь, сказалъ нотаріусъ: это до васъ не касается, больной еще въ полной памяти: мы въ этомъ случаѣ только машины, законъ повелѣваетъ намъ слушаться.

— Пожалуй, я пойду, если случай привелъ меня быть свидѣтелемъ. Пойдемъ, Беатриса....

— Размыслите сударь, что дамы не могутъ присутствовать при чтеніи....

— Размыслите сударь, что, если я вздумаю не идти за вами...

— Такъ и быть, пусть супруга ваша побудетъ съ графиней.

Они прошли переднюю и вошли въ бильярдную залу. — Лив-

рейный лакей спросилъ у Морица имя, которое надо было ему доложить.

— Доложи просто о свидѣтель! сказалъ Морицъ.

Вошли въ богатую спальню.

Завѣщатель лежалъ на кровати, подъ балдахинномъ, покрытомъ пунцовыми шелковыми съ золотыми разводами занавѣсами. Нотариусъ приблизился къ столику, заваленному бумагами, гдѣ горѣли двѣ свѣчи, въ подсвѣчникъ изъ чистаго серебра; три свидѣтеля важно сидѣли около этого стола. Это были два поселянина и сыщикъ. Веселый огонь, какъ въ лучшій зимній день, мелькалъ въ каминъ; на большахъ аллегорическихкихъ часахъ, напоминавшихъ картину Прюдона: *Амуръ пресльдующій Музу*, стрѣлка показывала половину восьмого. Морицъ поклонился умиравшему старику, котораго сѣдые волосы придавали ему величественный видъ.

— Гдѣ дочь моя? спросилъ онъ, кивнувъ головою Морицу.

Дочь его была у окна. Когда Морицъ явился у подъезда она-то и выслала имъ на встрѣчу нотариуса, болѣе часу уже ждавшего свидѣтеля. Потомъ, увидя, что вновь прибывшіе, дама и кавалеръ, принадлежали къ высшему кругу, она прошла въ свою комнату, чтобы поправить прическу. Но едва позвалъ ее отецъ, какъ она снова вошла въ комнату.

Она поклонилась Беатрисѣ съ холодною важною. Увидѣвъ Морица, она задрожала и напрасно старалась скрыть краску, выступившую у ней на лицѣ. Морицъ тоже вздрогнулъ: онъ узналъ графиню де Фаріэль, эту хорошенькую, немного романтическую жевщиву, съ которой онъ прогуливался назадъ тому пять дней въ Елисейскихъ поляхъ.

Беатриса, замѣтивъ это, посмотрѣла на обоихъ съ безпокойнымъ трепетомъ. Она приблизилась къ Морицу.

— Морицъ, сказала она ему, какое-то смутное предчувствіе говорить мнѣ, что намъ бы лучше не остававливаться здѣсь; здѣсь происходитъ что-то страшное.

ДЪВЦА БЕТЗИ И ПЬЕРЪ МАРБОЛЬТЪ.

По поводу сцены завѣщанія, гдѣ Морницъ д'Орбессакъ, и особливо Беатриса, играли роли такъ неожиданно, вы должны рассказать читателямъ исторію, которую если угодно, можно считать введеніемъ или прологомъ въ романъ.

Въ первыхъ годахъ Реставраціи, графъ де Парфондаль — тотъ самый, который диктовалъ завѣщаніе — желая послѣ бурной юности и нѣсколькихъ неудачныхъ дипломатическихъ попытокъ, удалиться отъ свѣта, купилъ помѣстье въ Бурбоне, и разсудилъ поселиться тамъ почти въ совершенномъ уединеніи, разделяя свое время между занятіями и охотой.

Въ числѣ его деревенскихъ сосѣдей, былъ нѣкто, кавалеръ Бетизи, бѣдный дворянинъ, разстроенный революціею, который жилъ, какъ простой поселянинъ, довольно непостояннымъ доходомъ съ маленькой фермы, расположенной на пятидесяти десятнахъ, съ которыхъ добывалъ больше ячменя, нежели пшеницы, больше плевелъ, нежели годной гречи.

Одно только помогало кавалеру переносить его несчастія: это дочь, которая была хороша, молода, примѣрной любезности, добродѣтели и покорности.

Графъ Парфондаль, увидѣвъ ее не болѣе трехъ разъ, не могъ не влюбиться; онъ почувствовалъ почти братскую привязанность къ этой красавицѣ, которая блистала и въ грязи. Онъ сблизился съ кавалеромъ, пригласилъ его съ собою на охоту, и несмотря на то, что поклялся, во время оно, никогда не жениться, сталъ просить руки дѣвцы Амаліи Бетизи.

— Руку моей дочери! радостно вскричалъ кавалеръ: графъ, располагайте всѣмъ моимъ, какъ угодно.

Это происходило на охотѣ. Вечеромъ кавалеръ радостно возвратился къ своему полуразвалившемуся жилищу, въ которомъ не оставалось никакихъ слѣдовъ роскоши, кромѣ голубятни, устроенной на одной изъ башенъ замка Бетизи.

— Какое счастье! сказалъ онъ, раздвигая траву заглохшей старой аллеи, которая сдѣлалась дорогою для коровъ фермы. Графъ Парфондаль человекъ знатный, онъ имѣетъ 50 т. годового дохода — наконецъ-то дочь моя займетъ свое мѣсто

въ свѣтъ. Кто знаетъ? она такъ добра и хороша, что, любя своего стараго отца, можетъ быть, захочетъ возстановить изъ разваливъ этотъ замокъ, обсадить деревьями эту аллею, которая сдѣлалась лугомъ, возобновить изгородь парка, который заросъ свеклой.

Съ этими словами, кавалеръ перешагнулъ черезъ порогъ фермы, но онъ былъ остановленъ на пути кучеромъ, который сказалъ ему, что лошади хотятъ ѣсть.

— Такъ чтожь! задать имъ овса и сѣна....

— Но кавалеръ вѣроятно знаетъ, что въ житницахъ нѣтъ ни зерна.

— Что такое, каналья! во всѣхъ житницахъ моихъ помѣстій?

Но въ ту же минуту кавалеръ упалъ съ высотъ своихъ мечтаній.

— Завтра, завтра, сказалъ онъ слугѣ, сегодня мнѣ нѣкогда отвѣчать тебѣ.

Онъ бросилъ дружеской взглядъ на развалины замка, приблизился къ лѣстницѣ, утвержденной въ срединѣ части зданія, болѣе, чѣмъ скромной наружности, гдѣ въ лучшее время обитали владѣльцы замка Бетизи. Не имѣя денегъ, чтобы возобновить замокъ, бѣдный кавалеръ, готовый на все, согласился занять мѣсто своего фермера. Онъ перешагнулъ чрезъ порогъ низенькой двери съ сильно бившимся сердцемъ. Бросивъ бѣглый взглядъ на переднюю комнату, которая была вмѣстѣ и кухня и столовая, онъ уже хотѣлъ войти въ сосѣдную комнату своей дочери, когда замѣтилъ, что Амалія сидѣла въ углу передъ огнемъ, какъ новая Сандрильона, въ обществѣ жирной Бурбонки, здоровой и прекрасной, съ растрепанными волосами и голыми руками, которая, сидя на корточкахъ предъ очагомъ, безостановочно раздувала небольшой огонь, чтобы ускорить чашъ ужива.

Кавалеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ своей дочери. Она сидѣла въ углу, у очага, чуждая всего, что происходило у нея передъ глазами, такъ, что она даже не замѣтила прихода своего отца.

— Амалія, здорова ли ты?

— Ахъ! сказала она вставая, я забылась, здравствуйте папаша!

— Ты вѣрно грезила о томъ, что я увидѣлъ на яву; справедливо, что счастье приходитъ во-снѣ.

— А, такъ охота была хороша? но что-же ваша сумка пуста?

— Сумка пуста, но за то какъ бьется мое сердце....

— Батюшка, что съ вами? вы такъ взволнованы! Урсула, зажгите лампу.

Служанка подняла головню и подвесла ее къ желѣзной лампѣ, висѣвшей на крюкъ. Мало-по-малу можно было различить на темномъ грунтѣ залы Амалию Бетизи, которая была блѣдура, блѣдна и высока, какъ дѣва стариннаго живописца Стефано де Колонь.

Старый кавалеръ немогъ дольше удержать своего секрета.

— Любезная Амалия, пойдемъ въ твою комнату, я долженъ поговорить съ тобою; я хотѣлъ дожидаться до-послѣ ужина, но могъ ли я ужинать спокойно, не сказавъ тебѣ всего? Онъ взялъ дочь свою за руку и съ церемоніями, которыя давно уже были изгнаны изъ фермы, вѣжливо проводилъ ее въ ея комнату. Мѣсто, которое было кухней фермы, онъ мысленно, уже успѣлъ превратить въ великолѣпный, позолоченный залъ. Амалия вошла первая въ маленькую комнату, которая могла привести въ восторгъ строгимъ сочетаніемъ чистоты и блѣдности.

Меблировка въ ней была самая простая, но проникнутая нѣкоторою важностью. Постель была закрыта широкими бѣлыми занавѣсами, которыя не мѣшали видѣть на голой стѣнѣ, привѣшленную кропильницу изъ золоченой меди, вылитую очень искусно и представлявшую снятіе со креста. Богатыя четки окружали кропильницу. Вѣтви освященной вербы, такъ сказать, составляли вѣнецъ кровати. Комнатка была вымощена плитою. Бауль, грубой рѣзбы, возвышался между окнами и лежанкой. На лежанкѣ Амалия утвердила, вмѣсто зеркала, прекрасный портретъ, написанный сухими красками г-жи де Бетизи, умершей въ очень молодыхъ лѣтахъ. Однажды, кавалеръ предлагалъ своей дочери замѣнить этотъ портретъ зеркаломъ, но Амалия упростила отца не дѣлать этого.

Между тѣмъ, Урсула перенесла зажженную лампу въ комнату госпожи.

—Иди приготовляй намъ ужинъ, притвори двери, сказалъ ей кавалеръ. Когда дверь заперлась, онъ обратился къ своей до-

чери, посмотрѣлъ на нее вѣсколько времени съ любовью, и сказалъ ей, съ лицомъ сияющимъ отъ восторга.

— Позвольте поздравить васъ, графиня де Парфондаль.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла и приложила руку къ сердцу.

— Папунька! что вы сказали, я не понимаю васъ.

— Я сказалъ, что прежде трехъ недѣль, нѣ присутствія портаріуса, ты сдѣлаешься графинею де Парфондаль.

— Но, батюшка...

— Я уже далъ графу слово: ты поймешь, что я съ восторгомъ принялъ подобное предложеніе — оно принесетъ тебѣ уваженіе и счастье.

— Благодарю васъ батюшка, пробормотала Амалія, склоняясь на стулъ.

— Что это значитъ? Такъ — то ты принимаешь это счастье! Моя дочь — графиня! Я самъ не понимаю, что со мной дѣлается? — мнѣ кажется, что я могу теперь поднять всю ферму на свои плеча!

— Боже мой, батюшка, я была такъ мало приготовлена къ тому, что вы мнѣ говорите, что вы вѣроятно простите, если я еще не могу понять вашего счастья.

— Развѣ такъ трудно привыкнуть къ счастью? Ахъ, Амалія, если-бы ты знала, какъ я страдалъ, видя, какъ день ото дня все несбыточнѣе становились мои надежды, сознавая, что я блѣденъ — и что ты должна будешь наследовать моей блѣвості! Наконецъ, что случилось бы съ тобою, если бы я умеръ?

— Вы хорошо знаете, батюшка, что все мое честолюбіе ограничивается любовью къ вамъ, прогулкою на солнцѣ и свободой. Развѣ, оттого, что я буду графинею де Парфондаль возлужу, которымъ я буду дышать, сдѣлается свѣжее, благоуханнѣе?

Кавалеръ приблизился къ своей дочери, топая ногами отъ гнѣва.

— Амалія! Амалія! Развѣ въ жилахъ твоихъ не течетъ благородная кровь твоихъ предковъ? О несчастная! я узнаю причину твоего ослѣпленія. Амалія! ты еще не забыла Пьера Марбольта, этого олуха, котораго я выгналъ изъ моего замка. Какъ! и ты не считаешь себя обезчещенной тѣмъ, что этотъ нищій осмѣлился разсчитывать на твою руку!

Амалія грустно посмотрѣла на отца и отвѣчала послѣ нѣкотораго молчанія.

—Нѣтъ, батюшка, я не забыла Пьера Марбольта, его любовь вѣсколько не безчестила меня, потому-что вы сами признавались, что этотъ прекрасный молодой человекъ теряется въ вашихъ глазахъ только оттого, что онъ сынъ школьнаго учителя. Я бы душевно желала, чтобы за меня сватался графъ. Но для чего же мнѣ не сказать, что я лучше желала бы, чтобы онъ былъ человекъ? Развѣ Пьеръ, рожденный не въ замкѣ, оттого менѣе благороденъ въ своихъ чувствахъ. Богъ, нашъ общій отецъ, не знаетъ геральдики.

—И такъ, ты хочешь меня уморить съ горести.

—Батюшка! я готова вамъ повиноваться. Графъ де Парфондадь получилъ ваше слово, получилъ и мое. Я очень счастлива, что своимъ послушаніемъ могу....

—О! дай, дай поцѣловать себя: ты забудешь этого голяка, который насъ вовсе не любилъ, но который тебя помогаль меня бѣсить. Надобно уметь отомщать, будучи женщиной. Завтра графъ придетъ сюда; умоляю тебя, выслушай его предложеніе. Будь съ нимъ любезна, я не требую отъ тебя, чтобы ты вышлась къ нему на шею, но не забудь, что ему обшана твоя рука.

Амалия опустила голову, чтобы скрыть слезинку.

—Пойдемте ужинать, сказала она, вздыхая.

Она поднялась, вышла въ кухню; но сначала подошла къ двери простаго крыльца. Ей надо было подышать чистымъ воздухомъ, чтобы не упасть въ обморокъ. Потомъ она села за столъ и, казалось, уживала, какъ обыкновенно. Ночью она молилась Богу и вовсе не спала. Утромъ, съ зарей, она одѣлась и сказала Урсулъ, что идти въ фруктовый садъ нарвать вѣсколько персиковъ. Этотъ фруктовый садъ былъ ничто иное, какъ поле, окруженное плетнемъ изъ бузины въ концѣ стараго парка, недалеко отъ пруда. Здѣсь-то Амалия въ первый разъ увидѣла Пьера. Онъ отдыхалъ на окраинѣ дороги, возвращаясь изъ какой-то деревушки. Амалия была съ другой стороны плетня. Это было въ октябрскій вечеръ: охотничьи собаки лаяли на сворахъ, виноградари радостно переключались въ виноградникахъ. Заходящее солнце распрастраняло какой-то праздничный блескъ на горы и пригорки.

Пьеръ Марбольтъ и Амалия не перемолвили между собой ни слова, но молча поняли другъ друга. Амалия была въ цвѣтъ лѣтъ, прекрасна, обворожительна.

Пьеръ Марбольтъ, несмотря на то, что былъ сыномъ одного изъ этихъ старыхъ школьныхъ учителей, которые умѣютъ.... пить и пѣть на клярсъ, могъ по справедливости назваться человекомъ остроумнымъ и благороднымъ. Онъ былъ правъ, когда говорилъ, что онъ не воспитывался въ школѣ отца своего. Мѣстный священникъ, замѣтя на его челѣ отпечатокъ мышленія, вызвался давать ему уроки исторіи и латинскаго языка. Имѣя прекрасную наружность, поглотивъ званія священника, Пьеръ Марбольтъ дальше не пошелъ. Отъ трехъ до четырехъ лѣтъ ждалъ онъ, по своему выраженію, причины къ отъѣзду, чтобы пуститься въ дорогу.

Амалия привыкла ходить въ фруктовый садъ, Пьеръ Марбольтъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не идти смотреть на заходящее солнце съ окраины дороги. Такъ протекло около года. Пьеръ Марбольтъ кончилъ тѣмъ, что однажды, нарвавъ цвѣтовъ у бузиновой изгороди, съ трепетомъ — поднесъ ихъ Амаліи. Она отказалась.

—Размыслите, сударыня, что эти колокольчики принадлежатъ вамъ: не нарваны ли они на вашемъ полѣ.

Амалия, чтобы не огорчить Пьера, приняла ихъ. На утро Пьеръ осмѣлился перескочить черезъ плетень; на свидующее они прогуливались вмѣстѣ; упиваясь счастіемъ и запахомъ отъ деревьевъ. Кавалеръ встрѣтивъ ихъ на берегу пруда, пригласилъ съ любезностью Пьера Марбольта къ себѣ.—Приходите въ мой замокъ, другъ мой; священникъ говорилъ мнѣ, что онъ замѣтилъ въ васъ зародышъ мудрости: надо поощрять людей съ благородными помыслами. Пьеръ Марбольтъ проводилъ кавалера и Амалію до дверей фермы. Мало-по-малу онъ ободрился; однажды, онъ осмѣлился, видя, что кавалеръ въ хорошемъ расположеніи духа, открыть ему свои мечты и надежды. Кавалеръ жестоко обиженный, схватилъ его за плеча и спустилъ съ крыльца. Послѣ этого происшествія, Амалія едва видѣла его въ церкви Бетизи и на окраинѣ дороги. Черезъ три или четыре мѣсяца онъ уѣхалъ.

Амалия часто возвращалась въ садъ, не за тѣмъ, что надѣялась увидѣть тамъ Пьера Марбольта, но чтобы жить въ прошедшемъ.

Въ этотъ разъ, она остановилась въ дверяхъ и вздыхала съ жестокими воспоминавіями — запахъ бузины отъ плетня.

— Все кончено! говорила она, заливаясь слезами: завтра, даже сегодня вечеромъ, послѣ того, какъ я увижу Графа де Парфондаля, я не буду больше имѣть права приходить сюда безъ укоровъ совѣсти, потому-что я все еще прихожу сюда, какъ-бы на любовное свиданіе: хорошо, что Пьеръ давно уѣхалъ, но не смотря на то, въ этомъ саду есть что-то его. Мнѣ кажется, что я еще слышу его, говорящаго подъ этими деревьями; закрою ли глаза—и вижу его на другой сторонѣ изгороди... О Боже мой!

Амалия Бетизи увидѣла Пьера на берегу пруда. Онъ не сомнѣвался, что встрѣтитъ ее тамъ. Онъ съ разсвѣтомъ пришелъ въ Бетизи, — онъ шелъ сряду семь часовъ, чтобы ему можно было видѣть въ этотъ день маленькое окно Амаліи и нарвать цвѣтовъ у плетня. Амалія не имѣла силы спрятаться.

— Амалія! вскричалъ онъ, выронивъ изъ рукъ палку.

Покорная сердцу, она слѣзала шагъ къ нему.

— Пьеръ! Пьеръ! Богъ васъ простить, потому-что мы больше не увидимся.

Онъ подошелъ къ ней, блѣдный и трепещущій.

— Что вы говорите! Ахъ! какъ вы слабы.

— Пьеръ, меня выдаютъ замужъ за Парфондаля. Мой отецъ хочетъ этого, я несмѣю не повиноваться. Я желала никогда не выходить замужъ. Вы знаете почему. Но теперь надо покориться судьбѣ. Я пришла сюда, чтобы съ вами проститься, но не думала васъ увидѣть. И такъ, прощайте Пьеръ... Но вы не говорите ни слова! Пьеръ, вы меня пугаете!

Пьеръ Марбольтъ, пораженный въ сердце, насилу могъ поднять глаза.

— Пьеръ, неужели мнѣ должно васъ утѣшать? Но разве изъ насъ двоихъ не я должна болѣе жаловаться. Вы еще можете приходить сюда, а я... никогда! Пьеръ, Пьеръ, скажите-же что нибудь!

Пьеръ печально поглядѣлъ на Амалію, съ взглядомъ въострѣвшимъ и ужаснымъ.

— Амалія, вы меня любите, не правда-ли?

Она отвѣчала прерывающимся голосомъ.

— Я васъ.... любила!

Онъ сжалъ ея руку и увлекъ ее, убѣгая, какъ сумасшедшій, на берегъ пруда.

— Пьеръ, мнѣ... страшно... Вы мнѣ сломаете руку.

Пьеръ, совершенно потерянный, не отвѣчалъ ничего, онъ смотрѣлъ на воду съ мрачною радостью.

— Пьеръ! Пьеръ! не убивайте меня!

— А! вскричалъ онъ злобно — ты меня не любишь, потому-что не хочешь умереть со мною — такъ прощай!

Онъ побѣжалъ, поднявъ въ травѣ свою палку, и скрылся между деревьями. Амалія упала на колѣна на берегу пруда.

— О Боже мой! говорила она, проливая обильныя слезы, сдѣлай, чтобы онъ никогда не возвращался!

Черезъ три недѣли графъ де Парфондаль женился на Амаліи Бетизи. Весь Департаментъ толковалъ о платьяхъ и лошадяхъ молодой. Исключая ея одной, всѣ женщины той страны желали быть на ея мѣстѣ.

Въ брачномъ контрактѣ, графъ назначилъ ей приданое во 100 т. франковъ и позволилъ ей пользоваться всѣми своими доходами. Въ замкѣ онъ разсыпалъ блескъ полными руками. Парфондаль былъ человѣкъ любезный и умѣвшій кстатѣ быть рачительнымъ. Амалія сначала не могла не почувствовать къ нему признательности.

Она не безъ удовольствія смотрѣла на своего стараго отца, который безъ ума отъ знатности, только и толковалъ, что о земляхъ, крестьянахъ и экипажахъ своей дочери. А она, отдала бы все между тѣмъ, чтобы возвратиться снова въ свою бѣдную комнату, вымощенную плитой, свободною, какъ лѣсная птичка, живущая на воздухѣ и на солнцѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ брака, она попросила у графа позволенія, употребить часть своего приданого, чтобы возобновить маленькій замокъ отца. Де Парфондаль предложилъ перестроить старыи замокъ на свой счетъ, во видя, что жена настаивала, чтобы это сдѣлать изъ ея приданого, онъ понялъ эту дочернюю мысль — и согласился. Не возможно вообразить радости стараго кавалера. Онъ вставалъ съ восхожденіемъ солнца, чтобы видѣть, какъ гранили камни. Самъ всходилъ на лѣса, чтобы ободрять работниковъ. Никто съ такимъ наслажденіемъ не строилъ замковъ, даже и воздушныхъ.

Бѣдный человѣкъ! замокъ почти былъ готовъ, подъ окнами утверждали рѣзбу и карнизы, когда онъ получилъ злокачественную лихорадку, отъ которой умеръ черезъ три дня. Въ

минуту смерти, онъ сказалъ своей дочери, уже не узнавая ее: «не забудьте доложить графинѣ де Парфондаль, урожденной двиницѣ де Бетизи, что я хочу быть похороненнымъ въ капеллѣ замка моихъ предковъ.» Но это не могло быть исполнено, по самой простой причинѣ, именно потому, что въ замкѣ Бетизи не было капеллы. Бѣдный кавалеръ былъ положенъ на сельскомъ кладбищѣ, рядомъ съ школьнымъ учителемъ, который умеръ отъ пьянства.

Амалія оплакивала своего отца съ глубокою горестію. Она теряла не только отца, но и надежду когда нибудь возвратиться въ милую страну, гдѣ она узнала счастье. Богъ, бѣдѣвшій надъ нею, желая ее утѣшить, послалъ ей дочь. Со дня, въ которой она сдѣлалась матерью, жизнь открылась ей въ новыхъ видахъ. Графъ же, замѣтившій съ давняго времени, что она больше имѣла къ нему благодарности, нежели любви, обращался съ нею съ несравненною добротой. Онъ любилъ ее не страстно, но какъ мы уже замѣтили, съ братскимъ расположеніемъ. Однажды онъ сказалъ ей:

— Неужели до-сихъ-поръ воспоминаніе объ отцѣ вашемъ такъ огорчаетъ васъ? Но позвольте спросить, почему вы не хотите видѣть его могилы? Вы небыли тамъ съ-тѣхъ-поръ, какъ на предпрошлой недѣлѣ, объявили мнѣ, что решетка поставлена. Послушайте Амалія, сегодня мы не ждемъ никого — не прикажете ли заложить карету? мы поѣдемъ на маленькое кладбище, гдѣ отдыхаетъ бѣдный кавалеръ, сердце благородное, достойное прежнихъ временъ.

Г-жа де Парфондаль поблѣднѣла и колебалась отвѣчать. Ей привидѣлся фруктовый садъ, окруженный плетнемъ изъ бузины; чтобы прибыть на Бетизское кладбище, надо было проѣзжать мимо. Хотя она старалась накинуть покрывало на прошлое, хотя она прижимала дочь къ своему сердцу, но Пьеръ Марбольшъ, котораго она любила, представлялся ей постоянно со всѣмъ волшебствомъ воспоминанія, то нѣжнымъ и умоляющимъ, какимъ часто она видала его подъ яблонею сада, то озлобленнымъ и отчаяннымъ, какъ во время послѣдняго свиданія, когда онъ хотѣлъ утопиться въ прудъ.

— Нѣтъ! сказала она подъ вліяніемъ неопредѣленнаго чувства, я не поѣду на кладбище.

— Мнѣ кажется, Амалія, вы должны это сдѣлать, въ па-

мать отца вашего. Вы знаете, что я не имю привычки ни въ чемъ противорѣчить вамъ, но на этотъ разъ я приказываю вамъ повиноваться; вы увидите, что мы проведемъ вечеръ пріятнѣйшимъ образомъ.

— Да, подумала Амалія съ трепетомъ, что за колокольчики растутъ у садоваго плетня.

—

VI.

СВИДАНІЕ.

Трудно выразить все смятеніе, которое почувствовала молодая графиня, когда тильбюри проѣхалъ по зеленой дорогѣ, мимо бузиннаго плетня. Персиковыя вѣтви сгибались подъ тяжестью плодовъ; яблоки, упавшія на траву, распространяли сладкое и печальное благоуханіе осени, которое наполняетъ сердце глубокой и таинственной задумчивостью.

— Графъ, сказала дрожащая Амалія, дайте мнѣ вашу руку: мнѣ дурно!

— Амалія, какъ вы блѣды! что съ вами?

— Ничего, сказала она, дыша уже свободнѣе, это ничего, пройдетъ: печальное воспоминаніе. Если бы я могла плакать, какъ другіе, я бы такъ не задыхалась.

— Плачьте! плачьте Амалія! вашъ отецъ достоинъ того, чтобы объ немъ плакать.

На кладбищѣ графъ съ удивленіемъ замѣтилъ равнодушіе графини, когда она склонилась на колѣна предъ могилою кавалера.

Могильщикъ, который прежде стерегъ стало маленькой фермы, косилъ траву для коровъ съ угла кладбища. Онъ приблизился къ Амаліи, поклонился ей и выговорилъ по своему обыкновенію нѣсколько словъ соболзнованія.

Де Парфондаль ходилъ вздѣ и впередъ около плетня, поросшихъ травою.

— Ахъ! графиня, сказалъ могильщикъ, глядя подъ ноги, здѣсь еще есть новые покойники. Вотъ школьный учитель и дочь его.

— Его дочь! Елеонора? съ трепетомъ сказала г-жа де Парфондаль, думая о Пьерь.

— Полагаютъ, что и Пьерь Марбольтъ въ положеніи не лучшемъ этого. Не встрѣтили ли вы его на окраинѣ дороги. Онъ прогуливается тамъ, будто привидѣніе.

— Я полагала, что онъ ухалъ отсюда.

— Ахъ! это удивительно. пробормоталъ могильщикъ, поглядывая скрытно на графиню.

Всѣ поселяне Бетизи звали, что Амалія была, какъ они выражались—*очень добра* къ Пьеру Марбольту. Могильщикъ, послѣ этого щекотливаго обстоятельства—разговора, не смѣлъ прибавить ни слова. Онъ поклонился и молча возвратился въ глубину кладбища, ворча про себя: несмотря на всю мою глуцость, я смеаю зѣвъ больше, нежели графъ де Парфондаль.

— Здравствуй, добрый человекъ, вѣтъ ли у тебя хорошаго землемѣра въ Бетизи? — Мнѣ его надобно будетъ черезъ несколько дней.

— Хорошаго землемѣра, отвѣчалъ могильщикъ съ размышленіемъ, у насъ есть безногой старичекъ Дешарзе. Но мнѣ кажется, что лучше Пьера Марбольта трудно найти въ свѣтъ. Не мѣшало бы помочь ему, это было бы доброе дѣло, потому что у него есть мать, а онъ безъ всякихъ средствъ.

— Скажи ему, что я его жду завтра утромъ?

— Слушаю, графъ!

На утро, когда г-жа де Парфондаль проходила по передней, идя въ паркъ, съ ребенкомъ на рукахъ, она встрѣтила Пьера Марбольта, который не зналъ, куда идти.

— Пьеръ! вскричала она, поблѣднѣвъ!

— О Боже мой! сударыня, я въ отчаяніи, что встрѣтилъ васъ. Я пришелъ говорить съ г. де Парфондалемъ.

— Вы найдете его въ виноградникъ.

Сказавъ эти слова, Амалія поклонилась съ ледянымъ взглядомъ, и проворно сбѣжала со ступенекъ крыльца.

— Она меня больше не любитъ, сказалъ Пьеръ, стало-быть, я могу приходить сюда безъ опасности.

— Бѣдный молодой человекъ! сказала Амалія, отойдя шаговъ на двадцать. А я полагала, что моему бѣдному сердцу надобно больше жаловаться!

Г. де Парфондаль безъ труда сошелся съ Пьеромъ Мар-

больтомъ, на счетъ полюбивной размежевки всѣхъ земель замка. Это была работа болѣе, чѣмъ годовая. Графъ предлагалъ за нее 1200 франковъ, Пьеръ согласился за половину этой суммы. Съ этой-же недѣли онъ принялся за работу. Графъ приказалъ ему начать съ парка. Амалия, не желая того, имѣла случай видѣть изъ окна своей комнаты землемера по нѣскольку разъ въ день. Болѣе по своей охотѣ, нежели по принужденію, землемеръ всегда сохранялъ гордую осанку. Онъ былъ высокъ и гибокъ, какъ тростникъ. Когда онъ въ мечтахъ опускалъ голову, то въ немъ замѣтенъ былъ какой-то мечтательный и поэтической характеръ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ его увидѣла де Парфондаль, она невольно вспомнила, что читала «Вертера.»

Межеваніе парка должно было продолжаться нѣсколько недѣль, ибо кромѣ того, что онъ былъ разбитъ на 80 — ти десятинахъ, былъ октябрь, небо дарило землѣ послѣдніе жаркіе дни въ году.

—Это удивительно, говорилъ графъ женѣ своей, что ты въ такой прекрасный день запираешься въ своей комнатѣ.

—Твоя правда, отвѣчала она съ движеніемъ, я забываю, что скоро спадутъ и послѣднія листья.

—Въ самомъ дѣлѣ, подумала Амалия, оставшись одна, паркъ такъ великъ, что я могу прогуливаться тамъ, не опасаясь встрѣтиться съ Марбольтомъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, я могу видѣть его безъ опасности. Онъ меня уже не любитъ.

Она сошла въ паркъ, и въ этотъ первый день не встрѣтилась съ землемеромъ. Она прогуливалась въ сосѣдствѣ замка. Но, что подъ солнцемъ слабѣ женскаго сердца? На утро г-жа де Парфондаль прошла немного далѣе и вскорѣ въ липовой аллеѣ она увидѣла Пьера, сидѣвшаго на травѣ, склонивъ голову на руки и казавшагося спящимъ или мечтающимъ. Она хотѣла удалиться на-цыпочкахъ, но листья зашелестали подъ ея ногами. Пьеръ поднялъ голову, и какъ она, удаляясь, поминутно оглядывалась, то замѣтила, что онъ плакалъ, какъ дитя. Весь холодъ, собираемый ею съ такимъ тщаніемъ, чтобы загасить воспоминаніе о Пьерѣ, растаялъ въ минуту. Она побѣжала къ нему совершенно потерявшись.

—Пьеръ, я васъ умоляю, я вамъ приказываю удалиться!
Пьеръ печально взглянулъ на нее и схватилъ ея руку.

—Ахъ! сударыня—благодарю васъ! Вы назвали меня Пьеромъ, какъ за два года. Ахъ! Амалія, Амалія, продолжалъ онъ, бросаясь на колѣна, о, я умру у ногъ вашихъ!

Онъ былъ ужасенъ; его длинныя волосы, разбросанныя въ беспорядкѣ, падали ему на глаза, взоры его блистали дикимъ огнемъ, зубы сильно стучали.

Это была печаль въ самомъ трогательнѣйшемъ и свирѣпѣйшемъ выраженіи.

—Пьеръ, встаньте: это безумство!

—Да, сударыня, это безумство. Но что же дѣлать? я понималъ, что для спокойствія вашего сердца на землѣ есть чловѣкъ лишній: я рѣшился умереть! Что остается мнѣ здѣсь? Назадъ тому шесть мѣсяцевъ, у меня была сестра, которая меня любила, говорила со мною объ васъ — но вы вѣрно уже знаете?... Елеонора умерла. У меня осталась только одна мать, слѣпая старушка и почти глухая, которая не понимаетъ меня, которая просить у меня только хлѣба. Вотъ моя жизнь. Еще, еслибъ я могъ васъ позабыть, или лучше, продолжалъ Пьеръ, поднимая глаза съ безконечною нѣжностью: если-бы я могъ видѣть васъ. И когда онъ увидѣлъ, что лицо молодой женщины принимаетъ строгое выраженіе, онъ поспѣшилъ прибавить:

—Хотя бы разъ въ годъ!

И послѣ нѣкотораго молчанія:

—Какое зло можемъ мы принести этимъ Богу и свѣту? Тронуть васъ за руку, ожидать шесть мѣсяцевъ съ наслажденіемъ часа встрѣчи съ вами, вспоминать его въ другіе шесть мѣсяцевъ, вотъ все, чего я прошу у неба и у васъ самихъ. Если вы не хотите, чтобы я умеръ...

—Пьеръ, что могу я отвѣчать вамъ, я обязана за мою жизнь г. де Парфондалю, чловѣку благородному, вѣвкодушному и преданному мнѣ, и потому хочу, чтобы это свиданіе было послѣднимъ; если вы меня любите, то не возвратитесь болѣе въ замокъ.

—Размыслите, Амалія, если бы судьба лишила неба невинную душу, онъ не былъ бы жесточе васъ. Если вы хотите, чтобы я имѣлъ силу жить долѣе, позвольте мнѣ дышать тѣмъ же воздухомъ, которымъ дышите вы.

Молодая женщина во второй разъ протянула руку Пьеру Марбольту....

— О! Боже мой, сказалъ онъ, бросаясь назадъ, я счастливъ несказанно!

Она замѣтила г. де Парфондаля на соседнемъ лугу. Онъ прямо шелъ къ липовой аллеи. Она поняла, что ей должно было оставаться съ Пьеромъ. Несмотря на то, что лицо графа выражало нѣкоторое удивленіе, онъ привѣтствовалъ своего земляка съ обыкновенною вѣжливостію.

— Ну! господинъ Марбольтъ. Что-же наша работа?

— Простите, графъ, сказалъ Пьеръ, я на встрѣчу къ де Парфондалю, перелъ вами бѣднякъ, совершенно забывшій, что онъ долженъ ставить вѣхи. Я рассказывалъ графинѣ, которая была такъ добра, что выслушала меня, какъ я огорченъ былъ смертію сестры моей пынѣшней весной. Графиня удостоивала много разъ покровительствовать моей сестрѣ. Она даже вышила ей причащальное покрывало. Бѣдная дѣвушка! въ этомъ дорогомъ для насъ вуалѣ я похоронилъ ее.

Этимъ кончилось второе свиданіе.

Графиня возвратилась въ замокъ и не выходила никуда болѣе, въ теченіе шести недѣль, какъ на крыльцо, и кромѣ того всякое утро ходила къ обѣднѣ.

Въ первыхъ числахъ декабря, графъ поѣхалъ невадолго въ Муланъ, по причинѣ процесса, который онъ выигралъ. Въ его отсутствіе графиня, видѣвшая Пьера тамъ и сямъ въ паркѣ, рѣшилась не выходить изъ своей комнаты. Но въ одно изъ тѣхъ утръ, когда блестящій иней покрывалъ серебристымъ пухомъ обнаженныя деревья, она мечтая, вошла въ переднюю, подошла къ окошкѣмъ, на которыхъ морозъ раскинулъ свои узоры, машинально отворила дверь, сошла съ крыльца и пошла бродить на удачу.

Пьеръ Марбольтъ работалъ въ паркѣ, увидя, что Амалия сошла съ крыльца, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу: когда она хотѣла вернуться, ужъ было поздно, она не мало удивилась, видя, что онъ не былъ болѣе ни печаленъ, ни разстроенъ, правда, онъ былъ еще блѣденъ, но сквозь эту блѣдность просвѣчивала жизнь и здоровье. Онъ объяснилъ ей, что чувствуетъ себя совершенно переродившимся съ-тѣхъ-поръ, какъ ему позволено жить, такъ сказать, подъ ея окнами, съ надеждою ее встрѣтить или хотя видѣть ее за занавѣсами. Она не сказала ему ни слова въ одобреніе, но уже не имѣла силы, върнѣе сказать—

добродѣтели, снова обезнадежить его, бѣдная Амалія опуталась болѣе, чѣмъ когда либо сѣтами страсти.

Эта роковая любовь, которая осветила жизнь ея, какъ лучезарное солнце, должна была и сжечь ее. Трудно повѣрить, съ этого дня она уже сама искала случая видѣть Пьера Марбольта. Когда весь паркъ былъ размежеванъ, она умоляла его продолжать свою работу у горы, гдѣ она могла видѣть его.

Прошелъ годъ, она родила другую дочь. Этотъ ребенокъ имѣлъ каріе глаза, какъ у Пьера; по этому случаю въ окрестностяхъ всплеличали надъ старинною и все еще не погасшею страстью сына школьнаго учителя; стараніемъ служанки, прогнаною изъ замка, быстро провесся слухъ, будто г-жа де Парфондаль ходила такъ тщательно въ церковь для того, чтобы увѣрить графа въ своей добродѣтели; что землемѣръ изъ Бетизи взялся за размежевку, которую никогда не кончить.

Однако Пьеръ Марбольтъ окончилъ трудъ къ началу второй зимы. Графъ заплатилъ ему, чокнулся съ нимъ и проводилъ его до конца аллеи, всю дорогу выхваляя его работу.

— Увижу ли я его опять, спросила г-жа де Парфондаль, которая вышла на встрѣчу къ своему мужу.

— Сударыня, сказалъ ей графъ, подошла къ ней, если бы я не зналъ, что вы привѣтливы и добраго сердца, то я сдѣлалъ бы вамъ выговоръ. Чортъ возьми! Вы не могли найти ни одного ласковаго слова, чтобы сказать его этому прекрасному молодому человѣку. Пожалуй, онъ еще скажетъ тамъ, въ Бетизи, что графиня сдѣлалась гордою и неприступною.

Амалія не знала, что отвѣчать ей, но послѣ этого выговора, убаюкивая свою вторую дочь, она поклялась, что позабудетъ Пьера Марбольта но... чрезъ восемь дней она упросила де Парфондала проводить ее на кладбище въ Бетизи... еще черезъ 8 дней, она хотѣла увидѣть замокъ и ферму отца своего. Земля была отдана въ наемъ безъ строеній.

— Ахъ, Господи! сказала молодая женщина, когда карета ея остановилась у маленькой двери необитаемой фермы, я забыла ключи. Мы завтра придемъ снова.

— Чтожъ! сказалъ графъ, поѣзжай и завтра, если тебѣ это нравится. Но я люблю ѣздить сюда только на охоту. — Нѣтъ! вѣтъ! я не поѣду туда; пробормотала Амалія съ трепетомъ. Зи-

ма прошла — и она не видала Пьера. Съ первыми листьями, когда сердце пробуждается вмѣстѣ съ лѣсами и лугами, г-жа де Парфондаль приказала заложить лошадей въ коляску, чтобы ѣхать въ замокъ Бетизи.

Она уехала, сама удивляясь своей смѣлости. Когда карета остановилась на дворѣ фермы, она собралась со всеми силами, чтобы приказать кучеру отнестъ отъ нея двадцати-франковую монету вдовѣ школьнаго учителя. Это была милостыня грѣшная, потому что Амалія надѣялась, что Пьеръ, если онъ былъ у матери, пойметъ, что Амалія недалеко.

Пьеръ понялъ это очень хорошо. Кучеръ остановился у Бетизскаго кабака, и пока онъ еще пилъ, Пьеръ уже былъ на фермѣ.

Г-жа де Парфондаль поняла, сколько она была виновна. Вечеромъ, видя своихъ двухъ маленькихъ дочерей, она упала на колѣна и поклялась не возвращаться болѣе на ферму.

Около года не нарушала она своего обѣщанія. Въ то время она родила третьяго ребенка, и пролежала въ постели около четырехъ мѣсяцевъ — роды ея были очень трудные. Третій ребенокъ была опять — дѣвочка. Доктора объявили графу, что онъ потеряетъ графиню въ непродолжительномъ времени. Желая кормить своихъ двухъ первыхъ малютокъ, она изнурилась отъ этой материнской борьбы. Она сдѣлалась чрезвычайно слаба, боялась даже, что она не проживетъ и зимы. Она провела грустное время года въ комнатѣ у камина, вблизи своихъ трехъ дочерей, которыхъ три колыбели окружали ея постель. Регина, старшая, и Клотильда, младшая, обѣщали сдѣлаться первыми красавицами страны. Бѣдная мать старалась забытья, играя съ ними. Но напрасно желала она забыть о смерти, которая уже дотрогивалась до нея, о Пьерѣ Марбольтѣ, котораго суждено было ей любить до послѣдней минуты.

Въ одинъ вечеръ, графъ засталъ ее въ слезахъ.

— Амалія, отчего вы плачете?

— Графъ, простите эти мнѣ слезы; съ-тѣхъ-поръ, какъ я узнала, что мнѣ должно скоро умереть...

— Развѣ можно умирать въ вашемъ возрастѣ, имѣя такихъ прекрасныхъ дѣтей?

— Вамъ поручаю я ихъ, графъ, особенно двухъ младшихъ.

Вы знаете сами, что мнѣ остается жить только нѣсколько дней. Одной милости буду я просить у васъ...

— Вамъ ни въ чемъ не будетъ отказу...

— Похороните меня на маленькомъ кладбищѣ, гдѣ мой бѣдный отецъ...

— Графиня, если я переживу васъ, ваши приказанія будутъ мнѣ закономъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой печальной просьбы графъ де Парфондаль вѣхалъ въ берлинъ, везя съ собою дочь Ренигу, графиня, совершенно ослабшая, слышала, какъ укатилась карета.

Докторъ, который приходилъ по два раза въ день, вошелъ тогда въ комнату, онъ былъ испуганъ успѣхами болезни.

Онъ видѣлъ отъѣзжавшій берлинъ.

— Удивительно, сказалъ онъ съ безпокойствомъ — что графъ де Парфондаль уѣзжаетъ сегодня; если онъ не возвратится завтра, онъ не застанетъ уже своей жены.

Больная была уже въ безпамятствѣ. Она говорила вдругъ о Ренигѣ, о Пьерѣ Марбольтѣ, о своемъ мужѣ, объ убійствѣ, о крови, о проклятіяхъ. Докторъ не понималъ ничего. Она просила позволенія написать письмо; докторъ подалъ ей листокъ бумаги, перьевъ и чернилицу.

— Не оставьте меня, сказала она ему умоляющимъ голосомъ. Это письмо, вы доставите лично графу. Сойдите въ паркъ и возвратитесь прежде часу. Сходя съ лѣстницы, докторъ узналъ, что Пьеръ Марбольтъ былъ убитъ изъ ружья графомъ де Парфондалемъ. Онъ узналъ, что Амалія любила Пьера Марбольта, но онъ не полагалъ, чтобы она была виновна. Въ наружности графини было выраженіе ангельской чистоты, благочестивая покорность обязанностямъ супруга и матеря, которая удивляла весь свѣтъ.

Когда докторъ возвратился въ комнату Амаліи, бѣдная больная еще писала.

— Подождите, сказала она измученнымъ голосомъ, я сейчасъ окончу.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ минуту она положила перо, пробѣжала бѣглымъ взглядомъ четыре написанныя страницы, и обращаясь къ доктору, сказала:

— Послушайте, господицъ Фланеротъ, вотъ письмо. Вы мо-

жете его прочесть, потому — что я имѣю къ вамъ довѣренность; вы отдадите его графу де Парфовдалю, въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни былъ, потому — что онъ уѣхалъ, можетъ быть, чтобы не возвращаться. Въ этомъ письмѣ я открыла всю правду; — надо же, чтобы онъ узналъ всю правду... Благодарю Бога, что онъ своей послѣднею милостью далъ мнѣ силы дописать до конца. Послѣ меня остаются двѣ дѣвочки, сиротки, еще до смерти моей покинутыя де Парфовдалемъ; если онъ не хочетъ любить этихъ бѣдныхъ созданій, покровительствуйте имъ.

— Ахъ! Боже мой, сударыня, я уже такъ старъ. Развѣ у васъ нѣтъ болѣе родственниковъ?

— Ни одного живаго; у меня былъ только отецъ.

Графиня уснула.

Полъ вечеръ, она потребовала къ себѣ дѣтей. Клотильда была съ ней, кормилица принесла Маргариту.

— Регина! Регина! вскричала графиня.

Большая упала на постель и снова забылась.

Въ полночь, докторъ, который спалъ въ углу у камина, былъ разбуженъ легкимъ шумомъ. Онъ тихо подошелъ къ графинѣ: она умерла!

VII.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Теперь, когда мы рассказали маленькую семейную драму, бывшую въ Бурбоне, при рожденіи трехъ дочерей Амаліи — мы можемъ продолжать нашъ прерванный рассказъ.

Читатели вѣроятно помнятъ, что въ небольшемъ замкѣ де Марви, все было готово къ прочтенію завѣщанія.

Благодаря неожиданному приходу Мерца д'Орбессака, число свидѣтелей было полное.

Морицъ рассказалъ графу и его дочери, какъ онъ заблудился въ лѣсу, какъ онъ долженъ былъ дожидаться, пока гайдукъ отыщетъ его людей и экипажъ. Графиня де Фаріэль посадила Беатрису на маленькомъ диванѣ, и сама сѣла въ кресла между нею и отцемъ своимъ, напротивъ Морица. Она скрыла свое первое движеніе. Можетъ быть, она и желала бы рассказать о

другомъ походеиіи Морица д'Орбессака дерзкаго искателя приключеній, но совершенно въ другихъ обстоятельствахъ и конечно въ совершенно другомъ обществѣ.

— Господа! сказалъ нотариусъ официальнымъ тономъ, прочтемъ духовное завѣщаніе!

Но едва г. Ружаръ прочелъ первыя слова завѣщанія, какъ былъ прерванъ больнымъ, который сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ приблизился.

— Г. Ружаръ, сказалъ онъ ему шепотомъ: нельзя ли, читая, пропустить фамилію де Парфондаля.

— Это невозможно, сказалъ нотариусъ, если только...

— Если только?... .

— Если только титулъ графа де Парфондаля принадлежитъ вашему дому по всѣмъ правамъ...

— Милостивый государь, сказалъ графъ съ чувствомъ оскорбленной гордости, я по всѣмъ правамъ графъ де Парфондаля. Въ большой геральдической книгѣ сказано ясно, что Рауль Дюбуа заслужилъ при Карлѣ VII титулъ графа, благороднѣйшаго и могущественнѣйшаго сеньора де Парфондала. «Исполняй свой долгъ — что будетъ то будетъ» также и мой девизъ. И такъ читайте сударь завѣщаніе, какъ оно написано.

Нотариусъ продолжалъ формальное чтеніе.

«Сего 10-го апрѣля, 1845 года, въ замкѣ де Марви, Понтуазскаго округа, въ присутствіи моемъ, Антуана-Елмова-Ружара, королевскаго нотариуса Понтуазской резиденціи, и вижеполписавшихся свидѣтелей (званія и фамиліи)

«Господинъ Луи - Валентинъ - Рауль Дюбуа, Графъ де Парфондаля....»

При этомъ имени Беатриса вздрогнула и подняла голову.

— Парфондаля! проговорила она, глядя то на г-жу Фаріэль, то на Морица Парфондала, не во снѣ ли я это вижу?

Между тѣмъ, нотариусъ продолжалъ чтеніе: «проживая въ замкѣ де Марви и будучи одержимъ тяжкою болѣзнію около шести мѣсяцевъ, но въ полной памяти и въ здоровомъ разсудкѣ, предвидя, что Господь вскорѣ воззоветъ его къ Себѣ, желая объявить свою волю и послѣднія распоряженія, рассулилъ сдѣлать слѣдующее завѣщаніе:

«Дѣйствуя по собственной волѣ, чуждый всякъ постороннихъ вліяній и внушеній, онъ объявляетъ дочь свою гра-

финю, вдову Генрика, Гектора де Фаріэль, урожденную Регину Дюбуа де Парфондаль, законною наследницею всего движимаго и недвижимаго имущества, всѣхъ правъ своихъ, какого бы рода и достоинства они ни были, что и будетъ принадлежать ей до дня ея кончины, съ правомъ продать, заложить и вообще поступить, какъ ей заблагоразсудится. При чемъ приказываемъ ей производить пожизненный пенсіонъ двѣмъ: Клотильдѣ и Маргаритѣ де Бетизи, если, паче чаянія, онѣ объявятъ права на наследство. (Слѣдовалъ листъ частыхъ завѣщаній въ пользу друзей и служителей.)»

«Сей актъ совершилъ и скрѣпилъ въ замкѣ де Марви въ присутствіи свидѣтелей (званія и фамиліи), которые по прочтеніи завѣщанія сего и подписали вслѣдъ за завѣщателемъ и нотариусомъ.»

— Клотильда и Маргарита де Бетизи! сказала Беатриса, взумившись. Не сонъ ли это?

Она оставалась какъ-бы прикованная къ мѣсту и смотрѣла блуждающими взорами, то на Морица, то на большаго и г-жу де Фаріэль.

— Господинъ д'Орбессакъ, сказала она, дѣлая знакъ рукою молодому человеку.

Морицъ находился, во все время чтенія нотариуса, подъ вліяніемъ г-жи де Фаріэль, которая говорила ему своими большими черными глазами.

Между тѣмъ, нотариусъ, окончивъ чтеніе, поднесъ актъ и перо де Парфондалю. Старикъ подписалъ его какъ-бы довольный, что освободился отъ всего земнаго, окончивъ свой житейскій трудъ.

Беатриса, отдѣленная отъ Морица, г-жею де Фаріэль, подвигаясь, быстро прошла мимо графини, и сказала молодому человеку замирающимъ голосомъ:

— Морицъ! Морицъ! не подписывайте!... Едва произнесла она эти слова, какъ нотариусъ приблизился къ Морицу, какъ къ важнѣйшему изъ свидѣтелей.

— Не угодно-ли будетъ вамъ подписаться, сударь? съ важностію сказалъ нотариусъ, почтительно подавая перо.

— Нѣтъ! отвѣчала Беатриса.

Морицу казалось, что онъ все это видитъ во снѣ.

— Безъ сомнѣнія — вамъ не извѣстно, въ чемъ заключается актъ, сказалъ нотаріусъ, кланяясь Беатрисѣ.

— Я знаю въ чемъ состоитъ онъ и знаю, что говорю, отвѣчала она съ твердостью. Я хочу, чтобы графъ д'Орбессакъ не подписывалъ этого завѣщанія.

Графиня де Фаріэль подвинулась съ безпокойствомъ. Она посмотрѣла на Беатрису съ видомъ гнѣвнымъ и умоляющимъ.

— Но, сударыня, замѣйте, что господинъ д'Орбессакъ долженъ подписать, какъ свидѣтель....

— Да, сударыня, г-нъ д'Орбессакъ долженъ подписаться, какъ свидѣтель, — вотъ почему онъ и не подпишется.

Де Парфондалъ поднялся на постели съ безпокойнымъ удивленіемъ.

— Что такое случилось? спросилъ онъ нотаріуса.

— Я ничего не понимаю, отвѣчалъ Ружаръ, я пригласилъ графа д'Орбессака быть свидѣтелемъ, онъ спросилъ меня, не будетъ ли это свидѣтельство противузаконно, по-крайней-мѣрѣ, въ его глазахъ, т. е. не лишаетъ ли оно наследства кого нибудь изъ членовъ семейства? Я отвѣчалъ, что завѣщаніе исполнѣ отеческое.

— И теперь, послѣ прочтенія акта, графъ отказывается его засвидѣтельствовать — я ничего не понимаю.

— Боже мой, сказалъ Морицъ, я вовсе не отказываюсь подписать, но мнѣ еще никогда не случалось подписывать такого акта; я прошу позволенія нѣсколько размыслить.

— Что-же можетъ быть проще этого? сказала г-жа де Фаріэль, приближаясь къ нему, какъ бы для того, чтобы помѣшать Беатрисѣ говорить, если вы хорошо слышали, то вѣрно поняли, что батюшка дѣлаетъ меня полною наследницею, съ тѣмъ, чтобы я исполнила нѣкоторыя его частныя завѣщанія. Право, для этого вовсе не нужно было-бы и духовной.

Беатриса непримѣтно подошла къ постели.

— Я прошу у графа Парфондала, сказала она растроганнымъ голосомъ, позволеніе побыть съ нимъ на-единѣ одну минуту, тогда я объясню ему, почему графъ д'Орбессакъ не подписываетъ этого завѣщанія.

Все болѣе и болѣе удивленный и безпокойный де Парфондалъ смотрѣлъ на Беатрису. Нѣсколько минутъ онъ ничего не отвѣчалъ ей.

—Нѣтъ! нѣтъ! пробормоталъ онъ, проводя пальцемъ по-лбу: нѣтъ, это ни сонъ!

И обращаясь къ нотариусу и свидѣтелямъ:

—Господа, не угодно-ли будетъ вамъ побыть нѣсколько времени въ залѣ.

Когда нотариусъ и свидѣтели вышли, Беатриса обратилась къ г-жѣ Фаріэль.

—Графиня, я желала бы остаться одна съ г. де Парфондалемъ.

И когда изумленная де Фаріэль, казалось, не хотѣла послушаться Беатрисы, отецъ ея, обращаясь къ ней, сказалъ, стараясь улыбнуться:

—Нало, другъ мой, повиноваться, потому-что безъ сомнѣнїя уже въ послѣдній разъ хорошенькій ротикъ просить у меня краткой бесѣды.

Морицъ подалъ руку де Фаріэль, оба они вышли въ залу.

Комната, въ которую они пришли, была освѣщена послѣдними лучами заходящаго солнца; графиня де Фаріэль прямо подошла къ камяну и живо позвонила.

—Прекрасно, подумалъ Морицъ, подходя къ окошку — романъ запутывается.

Человѣкъ вошелъ съ двумя подсвѣчниками.

—Сударыня, сказалъ Морицъ, когда человѣкъ вышелъ, я вижу, что вами овладѣло нѣкоторое безпокойство. Ободритесь, я привѣхалъ съ актрисой; это добрая дѣвушка, которая сама не знаетъ, что дѣлаетъ; я знаю ее, но еще не пью права останавливать ея безразсудства. Повѣрьте, что все, что она ни говоритъ, что она ни дѣлаетъ, одна только комедія.

—Комедія, сударь, но знаете ли, что ее не время теперь разыгрывать съ моимъ отцемъ. Я привѣхала наскоро по письму доктора, который полагаетъ, что г-ну де Парфондалю остается жить только нѣсколько дней.

—Я не удивляюсь, сударыня, что Беатриса просила разговора на-единѣ съ вашимъ батюшкой, чтобы выпросить себѣ нѣсколько строкъ въ завѣщанїи, потому-что кто знаетъ, въ первый ли разъ графъ де Парфондаль на свиданїи съ глазу на-глазъ съ театральными героинями?

—Зачѣмъ клеветать на отца моего, но какъ я не была

его повѣренною, то немогу ни за что ручаться. Я бы хотѣла знать, о чемъ говорить она съ батюшкой.

Де Фаріэль приблизилась къ двери и легонько полу-отворила ее. Но какъ постель больного была на другой сторонѣ комнаты, она не могла ничего слышать.

Она подошла къ Моричу.

—Позвольте вамъ замѣтить, графиня, что я благословляю случай, такъ странно приведшій меня сюда; я не надѣялся васъ увидѣть. Въ понедѣльникъ, на выѣздѣ Елисейскихъ полей, когда мнѣ следовало васъ оставить, сладкое и грустное предчувствіе говорило мнѣ, что я васъ скоро увижу, но я не полагалъ встрѣтить васъ въ этой странѣ—почти забытой.

—Предчувствіе сладкое и грустное?

—Да, графиня, я всегда соединяю вмѣстѣ эти два понятія—не полагаете ли и вы тоже, что любовь иногда обходится безъ нихъ.

—Онъ говоритъ о любви, сказала де Фаріэль залучливо, и привозить съ собою любовницу.

—Я еще и самъ незнаю, будетъ ли она моею любовницею, разсѣянно отвѣчалъ Моричъ.

И продолжалъ съ важнѣмъ взглядомъ.

—Если-бы я не встрѣтилъ васъ, можетъ-быть, я и влюбился бы въ Беатрису изъ шалости, потому-что она хороша, обворожительна.

—Тѣмъ болѣе, что она имѣетъ большое преимущество передъ... нами—бѣдными женщинами: она играетъ въ комедіи.

Разговоръ продолжался въ этомъ духѣ съ полчаса. Моричъ былъ болѣе остроуменъ, чѣмъ вѣженъ, болѣе вѣжливъ, чѣмъ страстенъ. Г-жа де Фаріэль удовольствовалась тѣмъ, что пустила въ ходъ свое кокетство: но каждый изъ нихъ былъ удивленъ странностью роли Беатрисы.

Что-же происходило между актрисой и умирающимъ?

Разскажемъ прежде въ несколькихъ словахъ жизнь графа де Парфондала съ того ужаснаго дня, въ который онъ убилъ Пьера Марбольта, и не хотѣлъ даже проститься съ бѣдной Амаліей.

Послѣ своего отъезда изъ Бурбоне, графъ де Парфондалъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ съ эмиграціи 1791 года жили его родственники. Пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ, когда воспомни-

наніе о несчастіи было уже не такъ живо, онъ возвратился во Францію, оставивъ титулъ графа де Парфондала, чтобы избгнуть всѣхъ сношеній между нимъ и дочерью Амаліи. Все, что оставилъ онъ своимъ бывшимъ дѣтямъ, заключалось въ замкъ Бетизи, развалившемся, а потомъ въ половину возобновленномъ. Такъ-какъ замокъ Парфондаль носилъ его имя, то онъ продалъ его.

Сначала онъ хотѣлъ жить въ Парижѣ, чтобы чаще видѣть Регину, бывшую въ монастырѣ. Но взволнованному исторіею своей жизни, ему надо было путешествовать снова, чтобы избавиться отъ своего безспокойства, потому-что онъ очень желалъ забыть — а воспоминаніе постоянно было у него въ мысляхъ и въ сердцѣ; онъ видѣлъ то съ гнѣвомъ, то съ состраданіемъ, то даже съ любовью Амалію, оставленную имъ въ послѣднія минуты; у него безпрестанно были въ глазахъ тѣнь его жены и двѣ его бѣдныя дочери, которыхъ онъ отвергъ.

— Кто знаетъ? спрашивалъ онъ самъ себя иногда въ своихъ безсонницахъ, можетъ-быть и онъ мой дѣти, какъ Регина? Онъ останавливался на этой мысли, давалъ себѣ слово отыскать дѣтей, послушаться сердца, которое было вѣрнымъ судьей, но въ ту же минуту ему представлялось задумчивое лицо Пьера Марбольта, и онъ съ ужасомъ отталкивалъ мечты, очаровавшія его на минуту.

— Это его дочери, его дочери! говорилъ онъ громко всю ночь.

По-утрамъ онъ ходилъ въ монастырѣ поцѣловать Регину, или если онъ былъ внѣ Парижа, писалъ къ ней со всею нѣжностью сердца, которая оставалась у него.

Онъ окончилъ бракомъ Регины и самъ поселился въ маленькомъ замкѣ де Марви, въ надеждѣ, что зботы управленія заставятъ его позабыть грустную страницу жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, едва онъ поселился въ этомъ замкѣ, какъ сталъ сажать деревья, строиться, копать бассейны, чертить новыя аллеи и сначала весны началъ совершенное превращеніе своего парка и сада.

Мѣсяцевъ за шесть онъ захирѣлъ, преждевременно убитый печалью, горестями и скукой. Дочь его сдѣлалась знатною дамой и посѣщала его едва три или четыре раза въ году, не го-

вора уже о томъ, что эти посѣщенія были совершенно церемонныя.

Трудно описать всю печаль, причиненную ему Региной, въ которой заключалась жизнь его сердца; для которой онъ покинулъ двухъ другихъ дочерей, быть — можетъ собственныхъ дѣтей.

Онъ молча плакалъ, но съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ сдѣлался смертельно боленъ, Регина возвратилась къ нему съ нѣжностью, хорошо поддѣланою этой кокеткой; больной однажды съ упрекомъ сказалъ ей:

— Кто знаетъ, можетъ быть, если бы я призвалъ твоихъ сестеръ, не покинули бы меня на смертномъ одрѣ.

Регина, никогда, не плакавшая, не заплакала, но стѣмѣла показать отцу, что она плачетъ. Онъ былъ отецъ, и тронулся. На утро она пришла снова, на слѣдующее снова, и такъ приходила она цѣлую недѣлю, то принося букетъ цвѣтовъ, то какой нибудь рѣдкій плодъ, то занимательную книгу. Де Парфондадь упрекалъ себя за то, что худо думалъ о своей дочери и просилъ у нея прощенія.

VIII

КАРИЕ ГЛАЗА.

Только-что Беатриса увидѣла, что она одна съ де Парфондадемъ, она упала на колѣна и зарыдала, склонивъ голову къ постели.

— Сударыня, сказалъ графъ, стараясь взять ее за руку, ради Бога, объяснитесь!

Беатриса внезапно поднялась и отвѣчала графу съ неудовольствіемъ.

— Нищенскій пенсіонъ дѣвцамъ де Бетизи? Что это значитъ? Вы ли продиктовали это звѣрское завѣщаніе?

Больной, ничего не понимая, съ удивленіемъ смотрѣлъ на Беатрису. Послѣ нѣкотораго молчанія Беатриса продолжала:

— Знайте же, сударь, что дѣвицы де Бетизи не нуждаются въ вашемъ пенсіонѣ. Поздно уже думать объ нихъ, когда одна сдѣлалась актрисой, а другая...

— Мои дочери! актрисы! вскричалъ графъ. Мои дочери актрисы!

— Да, ваши дочери... вы сами знаете, что это ваши дочери, потому-что этотъ крикъ вырвался изъ сердца! Де Парфондаль приподнялся и схватилъ руку Беатрисы.

— И такъ, вы моя дочь! вскричалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.... Клотильда? не правда-ли, это вы, Клотильда? продолжалъ де Парфондаль, сжимая руку Беатрисы.

— Да, была прежде, сказала она, улыбаясь сквозь слезы, но на театрѣ меня зовутъ Беатрисой.

Бѣдный больной совершенно потерялся, онъ, казалось, былъ совершенно уничтоженъ этимъ неожиданнымъ явленіемъ.

— Но, продолжала она съ добротою, не огорчайтесь такъ, я не хочу, чтобы вы умерли часомъ раньше. Тѣмъ болѣе, что я не жалею на свою судьбу, потому-что я счастливѣйшая дѣвушка въ свѣтѣ. Нищенскій пенсіонъ, когда у меня сто тысячъ годового дохода.

— У васъ?

— Неужели вы предполагаете, что я стала бы даромъ играть на театрѣ? У меня своя карета, свои лошади, свои люди. И такъ, я не говорю о себѣ ничего, но моя бѣдная сестра!

— Маргарита?

— Да, Маргарита, но вы никогда не будете знать, до какой крайности она дошла годъ тому назадъ, потому-что годъ тому назадъ, я не была такъ богата, чтобы помочь ей...

— О! говорите, говорите!

— Она была принуждена постричься въ кармелитскія монахини. Понимаете ли вы, сколько должна она была выстрадать прежде, нежели рѣшилась на это, не считая страданій сердца?

— О! благодарю Бога за Маргариту! сказалъ де Парфондаль. Она, по-крайней-мѣрѣ, будетъ молиться за свою виновную мать!

— Виновную! вскричала Беатриса, виновную! О какъ жестоко васъ обманули!

— О дитя, дитя, неужели вы думаете, что я обвинилъ бы мать вашу, если-бы она оставалась достойною моего сердца? Развѣ я не любилъ ее безумно?

— Вы не можете говорить этого; можетъ быть, мать моя была слаба сердцемъ, какъ всѣ женщины, но по-крайней-мѣрѣ, всѣ дѣти, которыми она васъ подарила, были отъ васъ.

— Бѣдная дѣвушка! Кто вамъ сказалъ это?

— Тотъ, кто насъ пріютилъ, тотъ — кто насъ вскормилъ своимъ хлѣбомъ, потому-что хорошо звалъ нашу мать. Это были только сметни округа. Но знаете-ли вы, что тамъ говорили послѣ? Говорили, что вы покинули ее просто изъ подозрѣнія.

— Я не буду такъ жестокъ, сказалъ печально больной, чтобы утверждать, что я говорю правду. Мы далеки отъ этихъ происшествій, которыя оравили мою жизнь; если Богъ простилъ вашу мать, то и я прощаю ее.

— Простите ее въ ея дѣтяхъ.

— О Боже мой! я бы хотѣлъ вѣрить, что они мои...

— Какое ослѣвленіе! Развѣ оттого, что предъ вами актриса? — Вѣрьте, что она точно Парфондаль. Я никому и никогда не давала совѣтовъ, даже себѣ самой, но теперь позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ...

— Бѣдняжка! что-же вы посовѣтуете мнѣ?..

— Я посовѣтую вамъ не прибавлять новой жестокости ко всемъ прежнимъ. Развѣ мать не была довольно наказана тѣмъ, что вы ее покинули? Развѣ дѣти не были такъ долго наказываемы за мать? Повѣрьте мнѣ, я не говорю о себѣ, но о бѣдной сестрѣ моей, которая не проживетъ долго подъ одеждою кармелитки. Уничтожьте духовную, которую вы только-что подписали, и сдѣлайте, чтобы она получила часть вашего богатства. Не останется ли еще довольно для той, которая 20 лѣтъ видѣла всю вашу вѣжность?

— Но, другъ мой, вы сами не знаете, что говорите: если-бы я вѣрилъ, что вы мои дочери, вы и сестра ваша; если-бы я даже только сомнѣвался, то подумайте: я уже подписалъ это завѣщаніе. Я хочу въ уваженіе всего, что произошло, назначить вамъ обвѣимъ....

— Вы должны понять, живо перебила Беатриса, что мы не можемъ ничего принять. Если мы ваши дѣти, мы потребуемъ то, что намъ слѣдуетъ; если вы не хотите признать насъ, мы не возьмемъ ни сантима, потому-что не придемъ просить милости у вашего порога.

Де Парфондаль былъ глубоко растроганъ голосомъ Беатрисы, который былъ похожъ на голосъ Амаліи. Графъ слушалъ актрису вмѣстѣ съ печалью и любовью. Этотъ го-

лось помолодвлъ его 20-ю годами. Вся жизнь казалась ему мимолетнымъ сномъ.

— Клотильда, сказалъ онъ, взявъ Беатрису за руку, — говорить ли вамъ сердце ваше, что я вашъ отецъ?

Вмѣсто отвѣта, Беатриса бросилась въ объятія де Парфондаля; онъ обнялъ ее съ любовью.

— Дочь моя, дочь моя! вскричалъ онъ слабымъ голосомъ, вы моя дочь — о, скажи, повтори, что ты моя дочь! Беатриса съела на постель, и прижала къ губамъ руку графа.

— Мнѣ говорили, шептала она сквозь слезы, мнѣ говорили, что вы мой отецъ. Я долго ждала встрѣчи съ вами, и не могла понять ваше глубокое забвеніе — вы не призывали меня, не приходили ко мнѣ. Но Богъ не хотѣлъ, чтобы вы умерли, не увидавъ меня. — Онъ привелъ меня къ вамъ.

Беатриса не могла удержаться отъ слезъ. Въ это время свѣтъ свѣчи упалъ на лицо ея. Де Парфондаль, вильвшій ее до-сихъ-поръ въ тѣни, напрягалъ свое зрѣніе, чтобы разсмотрѣть ея лицо.

— Да, да, сказалъ онъ, проводя рукою по-лбу, ты дочь моя! Простить ли меня Богъ за то, что я покинулъ лтей моихъ? Ревность меня ослѣпила.

Онъ взялъ Беатрису за руку и привлекъ къ себѣ, желая поцѣловать ее, — и вдругъ оттолкнулъ отъ себя.

— Что я вижу? Нѣтъ. Я не обманывался, произнесъ онъ, весело глядя на Беатрису.

— Мнѣ стыдно за васъ!

— Эти глаза, сказалъ онъ съ гнѣвомъ, — каріе глаза Пьера Марбольта.

И съ этимъ именемъ, графъ оттолкнулъ Беатрису отъ кровати и упалъ, какъ мертвый, на изголовье.

Беатриса вскрикнула, въ тоже мгновеніе г-жа де Фаріэль вошла въ комнату. Она увидѣла, что отецъ ея лежитъ уже безъ движенія; она увидѣла Беатрису, которая стояла на колынахъ и ломала въ отчаяніи руки.

— Что случилось? Что я слышу?

Графиня остановилась передъ Беатрисой. Послѣ нѣкотораго молчанія она провзнесла повелительно:

— Суздарыня, я приказываю вамъ объяснить мнѣ, что происходило между вами и отцемъ моимъ.

Беатриса, не отвѣчая, подняла свои большіе глаза на Графиню.
— Развѣ вы пришли сюда съ тѣмъ, чтобы убить отца моего?

— Оставьте вашъ высокомерный тонъ, сударыня, сказала Беатриса, вставая и огляывая де Фаріэль съ ногъ до головы, не берите на себя роли повелительницы: я у себя дома!

— Вы! Вы—у себя дома?

— Да, потому—что я, какъ и вы, изъ дому Парфондалей.

Г-жа де Фаріэль отступила въ изумленіи. Она никогда не думала ни о Клотильдѣ, ни о Маргаритѣ; она не могла себя представить, что когда нибудь ей придется увидать ихъ.

Между—тѣмъ и Морицъ вошелъ въ комнату, удивленный не менѣе г-жи де Фаріэль.

— Посмотримъ! сказалъ онъ, стараясь улыбнуться: развѣ комедія еще не кончена?

Онъ приблизился къ Беатрисѣ.

— Сударыня, вы употребляете во зло права гостепріимства?

Беатриса посмотрѣла на него дикимъ взглядомъ:

— Развѣ вы не знаете, сказала она, возвышая голосъ, что я въ домъ отца моего. Это завѣщаніе, которое вы не засвидѣтельствовали и не засвидѣтельствуете—лишало наследства меня и сестру мою Маргариту!

Морицъ обратился къ г-жѣ де Фаріэль, которая не знала, что сказать, и попеременно смотрѣла, то на отца своего, то на Беатрису и Морица.

—Я надѣюсь, графиня, что вы не примете за серьезное эту смѣшную шутку.

Говоря это, Морицъ съ гнѣвомъ посмотрѣлъ на Беатрису.

— Смѣшную шутку! И вы говорите это, Морицъ? Смѣшную шутку, когда я сыскала отца своего послѣ 20 лѣтней разлуки.

Беатриса произнесла эти слова съ выраженіемъ глубокаго чувства.

— Изъ какой это роли? спросила графиня.

— Графиня, сказалъ Морицъ, обращаясь къ де Фаріэль, объясните мнѣ наконецъ, что все это значить? Развѣ Беатриса сестра ваша?

Графиня улыбнулась со злобою и презрѣніемъ.

— Моя сестра! Моя сестра! эта комелиянтка! Ахъ, графъ! избавьте меня, пожалуйста, отъ подобнаго родства.

Беатриса подбѣжала къ кровати, какъ бы спрашивая больного.

— О! если-бы онъ могъ говорить! вскричала она, видя, что де Парфондаль все еще лежалъ безъ движенія, если бы онъ могъ говорить, онъ бы обличилъ васъ. Но придетъ время, когда вы не осмѣлитесь болѣе лгать. Есть ли у васъ совѣсть? отказываться отъ сестры, когда вы должны бы броситься въ ее объятія! Ваша правда: мы не сестры *по любви*, потому что васъ нельзя любить, но мы сестры ваши *по правамъ* на наследство де Парфондаля.

Сцена дѣлалась все занимательнѣе и занимательнѣе для Морица. Все еще видя шутку въ словахъ Беатрисы, онъ уже былъ разстроенъ. Онъ смотрѣлъ попеременно, то на блестящую, безстрастную, хотя и безпокойную наружность де Фаріэль, то на хорошенькую, одушевленную головку актрисы.

Между-тѣмъ вошла сидѣлка; она пробовала разбудить де Парфондаля, который казался скорѣе погруженнымъ въ глубокий сонъ, нежели въ обморокъ.

— Я и забыла, вдругъ сказала сидѣлка, обращаясь къ Морицу, ваша карета у подъезда — вашъ гайдукъ отыскалъ лошадей и почтальона, чтобы ѣхать въ Лузархъ.

— Морицъ, уѣдемъ скорѣе, сказала Беатриса, подходя къ молодому графу. Мнѣ надо отыскать Маргариту.... Будьте спокойны, сударыня, продолжала она, обращаясь къ де Фаріэль, я возвращусь. Когда отецъ мой увидитъ вмѣстѣ обвѣхъ покинутыхъ дочерей, онъ откроетъ для нихъ свое сердце.

Сказавъ эти слова, она подошла къ постели. — Прощай, отецъ мой, кротко сказала она, помни объ моей матери и не забудь своихъ дочерей.

Между-тѣмъ, какъ она была у постели, де Фаріэль подошла къ Морицу.

— Графъ, я живу въ улицѣ Terme-de Mathurines № 10 — и жду васъ завтра въ 2 часа.

Морицъ поклонился въ знакъ согласія.

— Поведемъ, сказала Беатриса, отирая слезу.

Она взяла Морица за руку и вышла, даже не посмотрѣвъ на сестру.

IX.

КОНЕЦЪ ПУТЕШЕСТВІЯ КОЛЯСКИ.

Коляска была у крыльца. Морицъ обѣщалъ луддоръ почтальону и онъ радостно захопалъ бичемъ.

— Не холодно-ли вамъ, Беатриса, вы такъ не приготовлены къ ночному путешествію, со всеми его подробностями.

— Это правда, я не подумала объ этомъ, но вмѣсто шали вы обовьете меня рукою около шеи и прижмете къ своему сердцу. Родриго, есть ли у тебя сердце? Но кстати сударь, быстро продолжала она, что значать всѣ эти перемигиванія между вами и де Фаріэль?

— Беатриса, сказалъ Морицъ, плохо составляя шаль для актрисы, плечо которой уже дрожало отъ ночнаго холоду и сырости, еслибъ я тебя не полюбилъ серьезно тому около трехъ или четьрехъ часовъ, то я могъ бы влюбиться въ прихоти въ графиню, она очень не дурна....

— Вы уже видались прежде?

— Разъ, одинъ только разъ... разъ я тебя не рассказывалъ, что встрѣтился нечаянно съ одной графиней и катался съ нею въ коляскѣ въ Елисейскихъ поляхъ.

— Такъ это она — то и есть! Морицъ, я ревнива!

— Это не удивительно!

— Я тебя запроу у себя.

— Позволяю.

— Я схожу съ-ума, и сама не знаю, что говорю. Морицъ, люби меня, что будетъ тогда со мною, если ты покинешь меня? Со вчерашняго дня, вся жизнь моя перемянчилась. Я такъ весело поехала на охоту, но когда я увидѣла тебя, то сказала самой себѣ: я люблю его, и онъ полюбитъ меня! Морицъ, я заплачу!

— Ты совершенное дитя, это ночь нагоняетъ на тебя такія грустныя мысли. Ты плачешь, ты, которая никогда прежде не пролила ни одной слезинки. На тебя имѣла вліяніе сцена въ замкѣ. Но скажи же мнѣ по правдѣ: не обманываюсь ли я въ догадкѣ, что ты побочная дочь де Парфондаля?

— Его побочная дочь! Нѣтъ, я такая же дочь его, какъ и г-жа де Фаріэль.

— Объяснись?

—Моего отца ты видѣлъ. Онъ жилъ въ замкѣ де Парфон-
даль съ моею матерью и двумя сестрами. Однажды, онъ при-
шелъ съ охоты, съ ружьемъ, обгареннымъ кровью. Войдя въ
замокъ, онъ потребовалъ берлинъ и ухалъ съ старшею изъ
дочерей, которую ты сейчасъ видѣлъ. Онъ болѣе не возвращал-
ся. Мать моя умерла въ самый день его отъѣзда. Она хотѣла
ему что-то сказать, онъ не хотѣлъ ее выслушать. Мы остались
сиротами: моя сестра Маргарита и я—Беатриса прервала сама
себя.

—Не видалъ ли ты, назадъ тому съ годъ — Маргариты
у меня?

—Непомню, отвѣчалъ Морицъ. Что-же съ ней случилось?

—О, Боже мой, это цѣлая исторія! подумай только, что она
до-сихъ-поръ у кармелитокъ.

—У кармелитокъ! вскричалъ Морицъ: теперь я начинаю
понимать.

Морицъ рассказалъ Беатрисѣ свою оригинальную встрѣчу въ
монастырѣ.

—Можетъ быть, это была и сестра моя, но если-бъ
она была три дни свободна, то давно пришла бы ко мнѣ.

—Можетъ быть, она теперь уже не смѣетъ идти къ актрисѣ.
Есть ли у нея еще подруги?

—Есть, одна бѣдная дѣвушка, занимающаяся перепискою нотъ,
она живетъ подлѣ церкви св. Сильпиція. Безъ сомнѣнія, Мар-
гарита теперь у ней, но мы такъ любимъ другъ друга, что она
никогда не побоятся быть у меня. Надо сказать, что я очень
виновата. Около четырехъ или пяти мѣсяцевъ, я такъ увлеклась
свѣтскими удовольствіями, что не уѣлила часу на свиданіе
съ нею у монастырской рѣшетки. Надо притомъ признаться,
что этотъ способъ видѣться ужасно скученъ. Если-бы можно
было хоть поцѣловаться, или обнять другъ друга.

—Я не понимаю, для чего сестра ваша заключила себя въ
эти стѣны?

—Сегодня будемъ говорить обо-мнѣ, тутъ нѣкогда вмѣшиваться
сестеръ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Беатриса сказала своему спут-
нику:

—Знаете ли, вы теперь въ довольно занимательномъ поло-

женіи, потому-что, если я не обманываюсь, вы немножко влюблены въ трехъ сестеръ.

—Это правда, отвѣчалъ Морицъ съ видомъ убѣжденія, но, продолжалъ онъ, прижимая Беатрису къ сердцу, если я и влюбленъ въ двухъ другихъ, то люблю только васъ одну.

—Вѣрю, сказала насмѣшливо Беатриса. Но вотъ мы уже въѣзжаемъ въ Парижъ. Я приѣхала еще во-время, чтобы сыграть мою остроумную роль.

ЗАМЫСЛОВАТАЯ РОЛЬ.

Морицъ и Беатриса, возвращаясь изъ Шантилійскаго лѣса, не знали куда ѣхать: къ нему, или къ ней.

—Нѣтъ, нѣтъ, не будемъ болѣе думать объ этомъ, ты будешь играть сегодня свою остроумную роль, Беатриса.

—Я не вижу никакой бѣды, если и не сыграю въ этой пьесѣ.

—А букеты, приготовленные для тебя львами.

—Они уже завяли въ ихъ рукахъ.

—Подумай милостиво объ бѣдномъ водевилѣ....

—Ихъ шестеро.

—Стало-быть пьеса въ шесть разъ менѣе остроумна.

—Однако въ ней есть хорошенькій финальный куплетъ, который мнѣ надо пропѣть.

—Если такъ, сказалъ Морицъ рѣшительно, и если мы возвратились во-время, то ты будешь играть свою роль, ты уже слишкомъ занялась элегіями и эклогами.

И они, все еще споря, подъѣхали къ театру.

Режиссеръ нетерпеливо топалъ ногами по лѣстницѣ перистилля. Онъ подбѣжалъ къ Беатрисѣ:

—Сударыня, развѣ вамъ неизвѣстно, что я въ отвѣтственности за васъ.

—Мнѣ извѣстно, сказала Беатриса весело, что вы ждете.

—Такъ вы не знаете, что представленіе уже началось? Что цѣлый часъ свистали, что скрипки настроены, что уже пропѣли *Марсельезу*, и все оттого, что вы прогуливаетесь, безъ сомнѣній, въ хорошемъ расположеніи духа. Директоръ такъ взбѣшенъ, что запретилъ мнѣ возвращаться безъ васъ.

—Стало-быть, мой милый, легко могло быть, что его сіятельство не дождалось бы меня до восхожденія Венеры.

Беатриса, сопровождаемая графомъ д'Орбессакомъ, взбѣжала быстроею молодой серны въ свою ложу. Менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты, горничная, дожидавшаяся ее тамъ, причесала и одѣла ее крестьянкой. Она вышла на сцену. У кулисъ ее встрѣтилъ директоръ. Какъ человѣкъ умный, онъ пропустилъ ее, не сказавъ ни слова. Когда же Беатриса очутилась передъ зрителями, то почувствовала, что почти совершенно не помнитъ роли. Ей должно было начать монологъ на избитую тему: Какъ умъ приходитъ къ дѣвушкамъ? Напрасно кричалъ ей суфлеръ, она не могла сказать двухъ словъ. Тогда актриса храбро проговорила: «Какъ умъ приходитъ къ дѣвушкамъ,—я немогу вамъ сказать, потому-что сама этого не знаю.»

—Славно! вскричалъ какой-то забавникъ изъ партера.

Въ театрѣ поднялся шумъ; многіе изъ зрителей вообразили, что это подготовленная сцена и съ восторгомъ аплодировали ей. Въ тотъ же вечеръ шесть авторовъ и директоръ въ качествѣ предсѣдателя, собрались на совѣщаніе. Они рѣшили прибавить къ пьесѣ импровизированную сцену и предложить Беатрисѣ авторскія права. Что-же касается до молодой актрисы, то триумфъ ея былъ блестящій: еще никогда она не была такъ прекрасна на сценѣ. Въ особенности—финальный куплетъ доставилъ ей множество цвѣтовъ и браво.

Морицъ ждалъ ее у кулисъ.

— Беатриса, ты была обворожительна — и я тебя никогда не оставлю. Только сегодня позналъ я безумную и слѣпую страсть, съ которой мы привязываемся къ актрисѣ. Мы удивляемся ей предъ глазами всѣхъ и ревнуемъ къ тысячѣ взглядовъ, падающихъ на нее. Любовь живетъ очарованіемъ — вотъ почему мы любимъ актрисъ.

Щедро разсыпая передъ Беатрисой парадоксы, Морицъ проводилъ ее домой.

XI.

ИСТОРИЯ БЕАТРИСЫ.

Не здѣсь ли будетъ прилично разсказать исторію Беатрисы; потому-что до-сихъ-поръ мы даже едва упоминали ея настоящее имя:

Она называлась Клотильдой, а не Беатрисой. Если можно вѣрить (исключая насъ, никто этому не вѣритъ) она имѣла право подписываться подъ письмомъ: Клотильда де Парфондаль или Клотильда де Бетизи, но что за дѣло было ей, игравшей въ комедіяхъ и тѣмъ, кто смотрѣлъ ее, что она дочь графа. Она приѣхала въ Парижъ пятнадцати лѣтъ.

До-сихъ-поръ Клотильда жила въ уединеніи, въ бѣлой деревушкѣ провинціи Бурбоне. Тамъ много прилагали старанія образовать ее, но она не вознаградила заботъ своего попечителя. Она была прелестный, лѣзвивый ребенокъ, всегда веселый, смѣющийся. Она ничего не понимала, ни въ грамматикѣ, ни въ исторіи, ни въ географіи. На картѣ Франціи только одна точка привлекала ея вниманіе, какъ оазисъ привлекаетъ усталого путника — это былъ Парижъ. Парижъ городъ праздниковъ, предметъ грезъ и мечтаній многихъ женщинъ, какъ живущихъ, такъ и не живущихъ въ немъ. Клотильда де Парфондаль предчувствовала, что ей придется жить въ этомъ городѣ. По смерти того, кто тринадцать лѣтъ замѣнялъ ей отца, ей объявили, что она, по рекомендаціи покойнаго, должна вступить въ консерваторію; тамъ обработать свой прекрасный голосъ и сдѣлаться наставницею пѣнія. Это извѣстіе обрадовало Клотильду. Но что было ей дѣлать въ консерваторіи, ей, которая не могла отличить Мольера отъ Расина? Она пробыла тамъ три года, дѣлаясь все невѣжественнѣе и грубѣе. Учителя хотѣли сдѣлать изъ нея драматическую актрису, но по прошествіи года разсудили, что она болѣе способна къ комедіи. Она дебютировала: ей не хлопали, и не свистали, потому-что въ театрѣ не было ни души. Это случается иногда на королевскихъ театрахъ.

Послѣ такого рѣшительнаго опыта, ей дали свободу играть. Клотильда не имѣла никакихъ средствъ. Тѣ, которые такъ прекрасно воспитали ее для театра, взяли за труды почти всѣ деньги, привезенныя ею въ Парижъ. Она могла жить, давая

уроки музыки, но она была рождена не только для жизни, но и для роскошной жизни. Она рѣшилась всѣми силами броситься на театръ, несмотря на мудрыя увѣщанія нѣкоторыхъ особъ, которыя ее любили и боялись за ея добродѣтель. Одинъ изъ директоровъ театровъ, болѣе остроумный, чѣмъ обыкновенно бываютъ эти люди — повялъ, что успѣхъ актрисы обезпечиваютъ двѣ вещи: 1) красота и 2) умъ. Потому, когда Клотильда представилась ему, онъ посмотрѣлъ на нее и предложилъ прямо 6,000 франковъ прежде, чѣмъ она открыла ротъ. Подписали неустойку въ 10,000 франковъ. Директоръ рассчиталъ вѣрно.

«Въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ я буду платить ей по 500 франковъ, и того—3,000 франковъ.

«Она оставитъ театръ, потому—что она очень хороша и тотъ, кто ее освободитъ, заплатитъ мнѣ неустойку въ 10,000 франковъ. И такъ, по сдѣланному расчету, этотъ ангажементъ принесетъ мнѣ ровно 7,000 франковъ.»—Клотильда была взумлена своимъ счастьемъ, съ этихъ поръ она потеряла и остатокъ ума, который имѣла. Она предалась всѣмъ обольстительнымъ удовольствіямъ театральнымъ царицъ, — сдѣлавшись знаменитою актрисою на театрѣ, и еще болѣе знаменитою у свѣтской молодежи. Никто не расточалъ больше блеска и пышности прежнихъ королевъ и современныхъ актрисъ, какъ она.

Ея жилище всего болѣе отличалось блескомъ живописи. Трое изъ знаменитыхъ декораторовъ оперы, превратили потолокъ ея въ Олимпъ и Эдемъ, и отчасти въ Рай Магомета.

Въ залѣ была купающаяся Діана; прелестное произведеніе нынѣшняго живописца выставилось надъ зеркаломъ каминна. Эта Діана распространяла сильное очарованіе своею кокетливою улыбкою, мокрыми плечами; она мылась не для себя, а для тѣхъ, кто смотритъ на нее. Беатриса была сама представлена этою Діаною, достоверно, что живописецъ согласился только съ этимъ условіемъ на эту работу. Мы не изъ числа тѣхъ, которые будутъ за это упрекать Беатрису: съ-тѣхъ-поръ, какъ извѣстная принцесса сбросила платье предъ Кановой, и очутилась въ такомъ видѣ, въ какомъ некогда Венера вышла изъ воды — рѣшено, что прекрасныя формы принадлежатъ живописи.

Хотя освѣщенная тремя окнами, эта зала всегда находилась въ полусвѣтѣ, темношунцовыя бархатныя завѣсы, оставав-

ливали лучи солнца, только ночью, при ослѣпительномъ блескѣ 1000 свѣчъ, можно было вволю налюбоваться поэтическимъ богатствомъ мебелировки.

Больше всего заслуживалъ удивленія камень изъ каррарскаго мрамора, высѣченный по рисунку одной древней этрусской вазы Жофруа. Двѣ прелестныя каріатиды расчесывали одною рукою волны волосъ своихъ, а другою поддерживали барельефъ, гдѣ скульпторъ изобразилъ танецъ музъ. На камень стояли часы, работы Буля, сдѣланныя изъ чернаго дерева и черепахи, два серебряные кандебра, вычеканенные какимъ-то старымъ нецѣльственнымъ артистомъ, учившимся вѣроятно у флорентинскаго маэстро, наконецъ, двѣ громадныя, явонскія вазы, въ которыхъ, говоря безъ метафоръ, могли бы быть посажены померанцовыя деревья. Мебель не принадлежала ни къ какой определенной эпохѣ. Беатриса, которой судьба не отказала въ *тактъ*, тамъ и самъ разставляла свои этажерки, кресла, канапе, консоли — то въ современномъ вкусѣ, то во вкусѣ *Возрожденія*, но преимущественно во вкусѣ вѣка Людовика XV.

Небольшой бодуаръ прилегалъ къ залѣ, этотъ бодуаръ, кокетливый и восхитительный, былъ обитъ бѣлымъ бархатомъ: люстра саксонскаго фарфора висѣла надъ столикомъ изъ мозаики. На этомъ столикѣ были разбросаны разныя бездѣлушки, вокругъ огромной натуральной лалія.

XII.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ЛЮБВИ.

Беатриса ввела Морица въ бодуаръ, куда вскорѣ возвратилась и сама въ прелестномъ negligé, состоявшемъ изъ сѣраго шелковаго кашота, съ розовыми вышитыми гирляндами, обрисовывавшемъ превосходно ея формы, болѣе величественныя, нежели изящныя. Когда Беатриса сѣла на диванъ, подле товарища своего путешествія, когда локонь ея волосъ случайно коснулся щеки Морица, ова спросила его:

— О чемъ вы думаете?

— Развѣ вы не знаете этого?

— Да, да, вы думаете обо-мнѣ—но не обо-мнѣ одной, а также о моихъ сестрахъ.

— Послушайте Беатриса, все что я вилѣлъ сегодня, все что говорили вы мнѣ, для меня еще загадка. Расскажите мнѣ откровенно всю эту исторію.

— Развѣ мнѣ можно что-нибудь поминуть подлѣ тебя Морицъ.

Но Морицъ настаивалъ:

— Хорошо, сказала она. Слушайте. Тотъ, кто воспиталъ насъ, призвалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ при священникѣ, пришедшемъ, чтобы приобщить его:

— «Клотильда! (вы знаете, что меня зовутъ Клотильдою,) я умираю и оставляю васъ однихъ, васъ и сестру вашу, незная, существуетъ ли еще отецъ вашъ: я сдѣлалъ, что могъ; Богъ свѣдѣтель, что въ послѣднія 12 лѣтъ, я только и думалъ объ васъ—бѣдныя дѣти, я старался любить васъ, какъ только можетъ любить отецъ дѣтей своихъ, но я оставляю вамъ едва столько, чтобы можно было прожить нѣсколько лѣтъ, потому что Бетизская ферма потеряла уже свою цѣнность, когда я нанялъ ее для васъ. Когда я умру, вы поедете въ Парижъ, гдѣ моя двоюродная сестра Лефобюръ будетъ надзирать за вами съ заботливостію матери; распоряженія мои о вашемъ путешествіи знаетъ ваша гувернантка. Богъ не оставитъ васъ. Но.... я все еще надѣюсь, что вы.... отыщете своего отца.»

Съ этими словами старикъ вынулъ изъ бумагъ, разложенныхъ на постели, запечатанное письмо, адресованное на имя графа де Парфовалла.

— «Если когда-либо встрѣтите вы отца вашего, отдайте ему это письмо, въ немъ заключается ваше счастье, оно объяснитъ графу, что обвиняя мать вашу, онъ заблуждался!»

— И это драгоценное письмо? спросилъ Морицъ.

Беатриса подошла къ этажеркѣ, взяла шкатулку чернаго дерева, которая отпиралась маленькимъ серебрянымъ ключемъ, который она носила за корсетомъ.

— Здѣсь! сказала она.

Потомъ, открывъ шкатулку, показала письмо д'Орбессаку. Морицъ почтительно взялъ его и смотрѣлъ задумчиво то на печать, то на адресъ.

— Кажется, сказала Беатриса, письмо это написано моею матерью, за часъ до ея смерти.

— Прекрасно, сказалъ Морицъ, я надѣюсь, что это письмо будетъ болѣе серьезнымъ завѣщаніемъ, нежели сегодняшнее. Дай мнѣ его.

— Тебѣ? подумай, что еще въ первый разъ позволяю я постороннему дотрогиваться до него.

— Но вѣдь ты меня любишь?

— Развѣ ты этого не видишь?

— Вѣришь ли ты, что я люблю тебя?

— Вѣрю.

— И такъ дай мнѣ письмо, но прежде всего перескажи отъ слова до слова все, что ты знаешь объ исторіи вашего семейства.

Беатриса кое-какъ рассказала пзвѣстную намъ исторію, которую и она слышала въ Бурбоне, гдѣ всѣ ее повторяли. Морицъ понялъ, что де Парфондаль покинулъ своихъ дѣтей, изъ опасенія, что они были дочери любовника жены его.

— Я хочу, сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ, чтобы графъ перелъ смертью узналъ истину. Память вашей бѣдной матери будетъ отомщена. Ты придешь за наслѣдствомъ съ такими же правами, какъ и де Фаріэль. Не должно терять ни минуты, чтобы убѣдить графа, потому-что ежели состояніе его не въ домахъ и земляхъ, онъ можетъ все изъ рукъ въ руки передать де Фаріэль. Я долженъ ее завтра видѣть, можетъ-быть, я заставляю ее выслушать истину, прежде, нежели отдамъ или прочитаю письмо это де Парфондалю.

— Морицъ, сказала актриса, смотря на молодого графа съ необыкновенною вѣжностью, все это сильно занимаетъ меня— эти надежды, которыя рождаются у меня предъ глазами, какъ бы какимъ-нибудь волшебствомъ, но я бы сочла за счастье пробить лишній часъ съ тобою. Объясни мнѣ, пожалуйста, отчего я тебя такъ люблю?

— Развѣ любовь можно объяснить? продолжалъ онъ, пожирая ее страстнымъ взглядомъ.

Глаза ихъ встрѣтились, Беатриса задрожала и склонила голову на плечо Морица.

— Но все-таки, сказалъ онъ съ усмѣшкой, я постараюсь объяснить нашу внезапную страсть. Я люблю тебя, потому-что ты молода, хороша, восхитительна; а ты, ты любишь меня по праву возмездія за то, что я люблю тебя.

—Да, да, я люблю тебя — именно только тебя, я разлюбила и удовольствія и блескъ, и праздники и капризы. Какое превращеніе со вчерашняго дня! Я сама не-узнаю себя.

Морицъ въ любви былъ болѣе пантенстомъ, нежели спиритуалистомъ, особливо съ актрисами, по этому онъ и не понималъ превращенія, которое случилось съ Беатрисой; какъ человекъ положительный, онъ не вѣрилъ, чтобы любовь могла переродить такъ внезапно сердце артистки. По этому-то онъ сказалъ ей, улыбаясь.

—Много прощено будетъ твоему сердцу, потому-что оно много любило!

—Ахъ Морицъ! ты все шутишь, ты жестокъ! о, если-бы ты зналъ, какъ сегодня все для меня серьезно.

—Пожалуйста, Беатриса, брось элегическій тонъ! можно любить и смѣяться. Припомни, что намъ вѣкогда терять время въ напыщенной сентиментальности, завтра возвратится бѣдный, отвергнутый принцъ.

—Принцъ! вѣкогда! живо сказала Беатриса.

—Если не принцъ, такъ это будетъ....

Морицъ щипалъ себя бакенбарды, отыскивая имя между посѣтителями кулисъ.

—Другой, сказалъ онъ, боясь ошибиться.

—Ты золь! Развѣ уже начнается наказаніе за грѣхи мои?

Беатриса оттолкнула руку Морица и забилась въ уголокъ дивана.

—Ну, ну, не сердись, возразилъ Морицъ, подвигаясь къ ней, я тоже готовъ искупиться съ тобою.

И уходя, онъ сказалъ очень трогательную рѣчь о добродѣтели, все шутками. Безъ сомнѣнія, рѣчь эта продолжалась долго, потому-что Морицъ возвратился домой уже въ 10 часовъ утра. Онъ курилъ сигару съ какимъ-то гостемъ.

Около третьяго часу Морицъ представился г-жѣ де Фаріэль, все еще размышляя о происшествіи въ Елисейскихъ поляхъ.

—Это былъ прекрасный сонъ, думалъ онъ, но сонъ прерванный внезапнымъ пробужденіемъ. — Я думалъ встрѣтить въ этой очаровательной женщинѣ любовь—и увидѣлъ, что любовь, пожирившая ея прекрасныя губы, была жаждою къ золоту, онъ казался огненными—а на самомъ дѣлѣ—были холодны. Изъ

этих двух сестеръ лучшая актриса та, которая никогда не заносила ноги на театральныя подмостки.

Мораль была правъ, Беатриса была изъ числа тѣхъ простыхъ сердець, которыя безъ сопротивленія несуться туда, куда устремляетъ ихъ страсть; графиня де Фаріэль была, напротивъ, женщина умная, она съ молодости повела жизнь общественную, управляемую законами и житейскими привычками. Она повела, что женщина можетъ выиграть больше всего — переходя отъ неправды къ неправдѣ. Въ то самое время, какъ Беатриса играла на театрѣ, она играла въ салонахъ; между-тѣмъ, какъ сестра ея румянилась за кулисами, она передъ зеркаломъ училась красавѣ къ стати.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

НОВѢЙШАЯ ИСПАНСКАЯ КОМЕДИЯ.

БРЕТОНЬ ДЕ ЛОСЬ ГЕРРЕРОСЬ.—ВЕНТУРА ДЕ-ЛА-ВЕГА.—РОДРИГЕСЬ РУБИ.

(Статья Шарля де-Мазеда.)

Комическій элементъ древняго Испанскаго театра, проявляющійся даже въ самыхъ трагическихъ дѣйствіяхъ, примѣшивая къ самымъ сильнымъ порывамъ страсти вспышки народной веселости, имѣеть совершенно особенный характеръ. Кто хочетъ видѣть испанскую наблюдательность въ высшемъ ея развитіи, не найдетъ ея на театрѣ; въ Сервантесѣ, въ Кеведо должно изучать истинно ироническую сторону испанскаго ума, котораго преобладающая черта—героизмъ. Въ *Видьняхъ* Кеведо болѣе оригинальной и живой сатиры, чѣмъ въ самыхъ забавныхъ вымыслахъ театра. *Донъ-Кихотъ* — настоящая человѣчественная комедія, какъ могло ее создать кастильское воображеніе. Твореніе Сервантеса дышетъ явною, рѣзкою ироніею глубокаго ума, который безъ удивленія смотритъ на человѣческую природу, умѣеть воспринимать ее во всѣхъ

многоразличныхъ видоизмѣненіяхъ, представляетъ ее бросающеюся изъ одной крайности въ другую, то доводящую рыцарскій энтузіазмъ до сумасбродства и самоотверженіе до глухости, то здравый смыслъ до пошлости и эгоизма. Донъ-Кихотъ и Санчо Панса не символы, какъ утверждаютъ нѣкоторые; это человѣческіе типы съ печатью испанской народности. Одно только драматическое сочиненіе можно бы поставить рядомъ съ этими произведеніями по нравственной глубинѣ, по проникательному изученію порока и безошадной наготѣ его изображенія: это — *Селестина*, плодъ вольнаго воображенія бакалавра Рохаса. Ничто не можетъ быть поразительнѣе этой смѣлой драмы, которой главные дѣйствующія лица — старуха, скрывающая свою подлость, чтобы тѣмъ удобнѣе сѣсть развратъ, и молодая дѣвушка, попадающая въ сѣти своей любви. Въ этихъ двадцати дѣйствіяхъ, полныхъ самой чувственной философіи, авторъ собралъ съ одной стороны всѣ средства, какія можетъ придумать женское лицедѣріе для обольщенія престодушной невинности, а съ другой — всю нѣжность и чувствительность, все волненіе, весь трепетъ дѣйственного сердца; онъ смѣло входитъ въ жилище разврата, и описываетъ его омерзительную жизнь; сгущаетъ эту отвратительную атмосферу порока вокругъ чистаго, благороднаго, пламеннаго образа юной невесты Какиста, Мелибен. Безчеловѣчный бакалавръ бросаетъ наглый, презрительный взоръ на этотъ міръ, ведетъ его къ трагической развязкѣ сквозь самыя забавныя приключенія, усѣвая путь свой вольными насмѣшками. Странная картина разврата! двусмысленная, щекотливая картина, запечатлѣнная сластолюбіемъ, достойнымъ Италіи XVI вѣка, и представляющая странную противоположность съ спиритуалистическимъ направленіемъ испанскаго ума! Противупоставьте, въ самомъ дѣлѣ, эту траги-комедію, имѣющую главнымъ дѣйствующимъ лицомъ старую развратницу, мистическимъ созерцаніемъ св. Терезин или чистому влхновенію Люиса-де-Леона. Твореніе Рохаса можно безъ насилія уподобить произведеніямъ одного французскаго писателя, жившаго нѣсколько позднѣе, и такого же охотника до такихъ вольныхъ картинъ. Стоитъ только переменить условіе формы, и въ элементахъ *Селестины* явятся X-я и XIII-я сатиры Ренье. Въ лицѣ Селестины много общихъ чертъ съ Масеттою; онѣ родныя сестры по разврату и лицедѣрію. У Ренье, можетъ быть, болѣе искусства, болѣе точности въ краскахъ, болѣе блеску, болѣе веселости, но у Рохаса это вознаграждается драматическимъ движеніемъ, цѣлостью дѣйствія, которое, по какому-то роковому предопредѣленію, ведетъ Селестину къ гибели отъ руки сообщниковъ. Въ обоихъ писателяхъ та же возвы-

шенность помысловъ, та же вольная сатира, та же беззаботная готовность раскапывать самыя горестныя язвы нашей натуры, гнусный осадокъ человѣческихъ наслажденій, то же живое разумѣніе дѣйствительности. Къ сожалѣнію, эта способность наблюденія и изображенія рѣдка въ драматической литературѣ Испаніи; она является только въ *Селестинъ*; но и это произведеніе трудно назвать драмою; это скорѣе повѣсть въ разговорной формѣ, рядъ сценъ, актовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по прихоти воображенія автора. Оно показываетъ дѣтство драматическаго искусства, но ничуть не дѣтство литературы.

Собственно драматическая литература испанская, полная достоинства иного рода, чужда глубины нравственнаго изученія; она не проникаетъ въ глубину, а только скользитъ по поверхности, не анализируетъ, а только описываетъ. Не въ логическомъ ходѣ чувствъ и характеровъ ищетъ она своего развитія, а въ случайностяхъ, въ прихоти сердца, въ мгновенномъ влеченіи; произволь—ея божество. Она стремится за разнообразіемъ, умножаетъ и путаетъ побочныя обстоятельства, и разливааетъ на все колоритъ рыцарской удали. Едва-ли найдется зрѣлище болѣе обворожительное для воображенія, чѣмъ этотъ живой и прелестный міръ, этотъ вихрь молодыхъ женщинъ, завѣшивающихъ лицо, чтобы тѣмъ вѣрнѣе показать сердце, молодыхъ вѣртопраховъ и мотовъ, всегда готовыхъ обнажить мечъ за какую нибудь незнакомую красавицу и влюбиться въ нее, таинственныхъ искателей приключеній, влюбляющихся въ принцессъ, сбрасывающихъ съ себя маску и являющихся въ свою очередь герцогами и принцами; ловкихъ и сговорчивыхъ дуэнь, сострадательныхъ къ сердечнымъ слабостямъ, искусныхъ въ веденіи интригъ; слугъ — сподвижниковъ, хитрыхъ, дерзкихъ, немножко плутоватыхъ, впрочемъ, преданныхъ господамъ, съ которыми они раздѣляютъ всѣ приключенія, удачу и неудачу. Это чудная романтическая картина, полная драматической жизни, остроумія, обворожительной веселости, мѣткой ироніи, но безъ всякой горечи противъ человѣка и общества. Тутъ нѣтъ ни желчи, ни вражды; много развѣ, если смысленный шутъ-слуга, вскормленный въ школѣ Санчо-Пансы, мимолетнымъ словомъ, полнымъ здраваго смысла и насмѣшки, напомнитъ, что мы на землѣ, а не въ идеальномъ мірѣ. Испанская драма, истощившая такое множество самыхъ разнообразныхъ комбинацій, никогда не обращалась къ мрачному анализу человѣчества, который, между слезъ и смѣха, показываетъ намъ въ основаніи каждой шутки горестную, трагическую истину нашего ничтожества.

Лопе де-Вега истинный творецъ этой комедіи — *интриги*, такъ

поэтически названной—комедіею плаща и меча (comedia de sаро у espadо). Онъ перенесъ на театрѣ этотъ духъ рыцарской доблести; но если онъ и далъ комедіи новую жизнь, онъ однако же не довелъ ее до совершенства. Самые дивные образцы оригинальности и прелести являются въ произведеніяхъ Кальдерона. Обворожительность описаній, неожиданность положеній, вѣжность чувствъ, все указываетъ драмамъ его *Женщина-Привидѣнію* (La dama duende) *Апрельскими и Майскими утрами*. (Mañanas de abril y mayo), *Не шути съ любовью* (No hay burlas con el amor); мѣсто рядомъ съ восхитительными шутками Шекспировой фантазій. Габріель Теллесъ, самый сатирическій изъ испанскихъ комиковъ, прославившійся подъ псевдонимомъ Тирсо де-Молина, и въ такихъ рѣзкихъ чертахъ изобразившій женское непостоянство, не глубокъ въ нравственномъ изученіи страстей, даже когда и не впадаетъ въ каррикатуру, какъ напримѣръ въ пьесѣ: *Донъ Хиль—зеленые штаны* (Don Gil de las calzas verdes). Лучшія его произведенія тѣ, которые наиболее подходятъ къ комедіи интриги, напримѣръ: *Испанская любовь и дружба*, и *Ревность къ себѣ самой*.—Были, правда, попытки изображать характеры, основывать дѣйствіе на развитіи подмѣченной слабости; таковы опыты Морето въ его *El desden con el desden* или въ *El lindo don Diego*; но эти произведенія отличаются болѣе остроумными намеками и насмѣжками, нежели глубокимъ анализомъ. Самъ Аларконъ, у котораго Корнейль заимствовалъ своего *Лжеца*, слабо удовлетворяетъ условіямъ комедіи характеровъ въ своей *Verdad sospechosa*. Его лжець не есть драматизированное олицетвореніе человеческой слабости; донъ Гарсія легкомысленный дворяничекъ, тщеславный вѣтренникъ, а не лжець. Если онъ и не скажетъ слова не солгавъ, если, по выраженію его слуги, онъ пользуется языками, которыми научился въ Саламанкѣ, на то только, чтобы распустить поболѣе жи по свѣту, то онъ все это дѣлаетъ не съ злобною цѣлю, не затѣмъ, чтобы вывѣдывать чужія тайны, и разглашать ихъ, чтобы извлечь пользу изъ своихъ обмановъ, проложить путь своимъ страстямъ, а просто—изъ молодечества, изъ хвастовства. Если была дана серенада подъ балкономъ, можно напередъ биться объ закладъ, что онъ будетъ увѣрять, что онъ въ ней не безгрѣшенъ; носится ли слухъ о дуэли, будьте увѣрены, что безъ него не обошлось, что онъ даже убилъ своего противника; хотите, онъ пожалуй расскажетъ, что онъ тайно женатъ; расскажетъ вамъ всю повѣсть своей жизни, цѣлый рядъ приключеній, въ которыхъ нѣтъ полслова правды; пока, наконецъ, запутавшись въ собственной жи, онъ принужденъ жениться на женщинѣ, въ которую только прикидывался влюбленнымъ. Ложь въ немъ утратила свое нравствен-

ное безобразіе; она уже не порочная наклонность, а просто—забава. И изъ нея развивается не вѣрное и энергическое изображеніе одной изъ самыхъ постыдныхъ слабостей нашей природы, а замысловатая, забавная интрига, представляющая зрителю на каждомъ шагу новый предметъ веселья и смѣха.

Мольеръ говоритъ въ одномъ весьма любопытномъ письмѣ, что *Лжецъ*, заимствованный Корнельемъ у Испанцевъ, былъ для него ступенью, которая повела его къ *Тартюфу* и *Мизантропу*, и безъ которой онъ, можетъ быть, остановился бы на первомъ своемъ направленіи. Это личное мнѣніе Мольера; оно чрезвычайно любопытно тѣмъ, что даетъ взглянуть на внутреннюю жизнь великаго комика; къ тому же всегда любопытно изслѣдовать происхожденіе и различныя проявленія комической идеи, которой суждено дойти до такой высокой степени; но не должно давать слишкомъ большаго вѣсу этому сознанию при оцѣнкѣ писателей. Чтобы видѣть настоящее отношеніе Мольера къ предшественникамъ, стоитъ только сравнить свойства Мольерова гения съ духомъ испанской драмы; сравнить нѣкоторыя изъ его произведеній съ произведениями испанцевъ на тотъ же предметъ. Что, напримѣръ, заимствовалъ Мольеръ въ *Донъ-Жуанъ* изъ *Burlados de Sevilla* Габріеля Телеса, кромѣ основы и имени? Не себѣ ли самому онъ обязанъ характерами Донъ-Жуана и Сванареля, сценою, въ которой надменному атеисту, прибѣгающему къ благотворительности для осмѣянія провидѣнія, противопоставляется простодушная вѣра нищаго, отвергающаго милостыню, предлагаемую ему съ условіемъ отреченія отъ Бога? Сравните *Ученыхъ женщинъ* Мольера съ комедію Кальдерона: *Не шути съ любовью*, изображающую ту же слабость, каждый изъ нихъ слѣдовалъ влеченію своего гения; одинъ создалъ твореніе полное истины и наблюденія, другой—начерталъ картину, дышущую поэзіею и прелестью. Мольеръ не могъ нигдѣ отыскать въ испанскомъ театрѣ тайны той высокой философіи, до которой онъ вознесся; вотъ почему мы говоримъ, что онъ ошибался, когда указывалъ на *Лжеца*, какъ на первообразъ, безъ котораго ни *Мизантропъ* ни *Тартюфъ*, можетъ быть, никогда бы не существовали. Въ исторіи французской комедіи есть другой писатель, напоминающій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ испанскихъ комиковъ; это не Мольеръ, и даже не Бомарше; надменной, язвительной прови́и Фигаро не было надобности переплыть 1789 года изъ-за Пиреней; нѣтъ, этотъ писатель—Мариво; онъ всѣхъ ближе подходитъ къ духу испанской комедіи. Онъ часто употребляетъ тѣ же драматическія средства, нечаянныя встрѣчи, переодѣванія, посредствомъ которыхъ дѣйствующія лица еуетятся, скры-

ваются, преслѣдуютъ другъ друга въ романической интригѣ; иногда у него та же утонченность любовной метафизики. Но Мариво лишилъ эту тонкость чувствъ ея естественности; придалъ ей какое-то педанство и жеманство; лишилъ эти прихоти фантазіи наивности и прелести; у него вмѣсто живой и непринужденной оригинальности старыхъ испанскихъ драматурговъ, видимъ мы щепетильность, труженическую утонченность. Слѣдовательно, это сходство весьма неполное, и не можетъ дать понятія объ испанской комедіи, которой душа — фантазія, т. е. самый неуловимый элементъ поэзіи. Дѣйствительно, фантазія создала всю эту бездну затѣйливыхъ вымысловъ; она свободно гуляетъ среди этихъ интригъ, связываемыхъ и развязываемыхъ нечаянностію; она озаряетъ своимъ свѣтомъ всѣ дѣйствующія лица; она покровительница всѣхъ этихъ любовныхъ продѣлокъ, раждающихся въ одно весеннее утро. Въ самыхъ пламенныхъ страстяхъ, въ мужествѣ, въ самоотверженіи, въ самомъ порокѣ, изображенныхъ испанскими поэтами, есть фантазія.

Таковъ характеръ испанской комедіи, въ эпоху ея величія, въ XVII столѣтіи, комедіи веселой, безпечной, вольной, непокорной. Она необходимый плодъ тогдашняго общества, которому непреклонная власть не позволяла слишкомъ глубоко вникать въ существо свое. Она вѣрный отпечатокъ современныхъ нравовъ, въ которыхъ бушевалъ духъ рыцарства, не имѣвшій уже достойной себя дѣли, какъ во времена народной борьбы, нравовъ, въ которыхъ проявлялась одна только свобода — свобода любви и удовольствія.

Ходъ испанской комедіи совершенно одинаковъ съ ходомъ испанской литературы вообще. Она исчезаетъ въ великомъ крушеніи, ознаменовавшемъ конецъ XVII столѣтія; вмѣстѣ съ обществомъ, котораго была выраженіемъ, и возрождается уже во французской ливреѣ. Странно это глубокое забвеніе, въ которое вдругъ впадаютъ въ XVIII вѣкѣ образцы стараго театра; это былъ для Испаніи вѣкъ медленнаго перевоспитанія подъ торжествующимъ вліяніемъ Франціи. Испанія пристаетъ къ классицизму Буало, стремится къ философіи за Вольтеромъ. Направленіе литературы перерождается вмѣстѣ съ правами. Школа Лусана и Монтиано переводить, подражаетъ, переноситъ въ отечество Кальдерона развѣренныя созданія французской драмы. На всѣ народы находить по временамъ такое затмѣніе, и побуждаетъ ихъ ридиться въ чужеземное платье.—Однако-же это направленіе имѣло и свою плодотворную сторону, въ отношеніи къ комедіи; французское вліяніе внесло новое жизненное начало, усвоивъ искусству болѣе философскій взглядъ на человѣческія дѣйствія и характеры, слово — на человѣческую нравственную природу. Среди этой толпы

подражателей и переводчиковъ, является нѣсколько истинно высокихъ талантовъ; отрадно среди всякихъ пошлостей встрѣтить *Благороднаго преступника* (El delincuente honrado), даровитаго Ховельяноса; это, если угодно, ничто иное, какъ красворѣчивый, ничего не доказывающій, памфлетъ противъ дуэли, но онъ гораздо выше *Отца семейства* Дидеро, принадлежащаго къ тому же разряду. Но Испанія имѣла въ это время двухъ писателей рѣдкаго ума, которые умѣли извлечь изъ комедіи новые результаты, совсѣмъ другого рода:—одинъ изъ нихъ Рамонъ де ла Крусъ, забавный портретистъ народа, авторъ слишкомъ мало извѣстныхъ *сайнетъ*, недавно собранныхъ и изданныхъ въ Мадридѣ, другой, явившійся въ концѣ прошлаго вѣка, Моратинъ, прозванный Испанскимъ Теренціемъ, котораго талантъ заслуживаетъ, чтобы его не подвергали невыгодному впечатлѣнію такого несправедливаго сравненія.

Рамона де ла Круса можно собственно назвать творцомъ *сайнетъ* въ Испаніи, не потому, чтобы онъ изобрѣлъ эту форму; ее употреблялъ за долго до него Лопе де Руэла и Сервантесъ; подъ названіемъ *pasos* и *interme-ces*; но потому, что онъ создалъ цѣлый репертуаръ въ этомъ родѣ, обильный и разнообразный, и внесъ въ него свойства, рѣзко отличающіяся отъ общаго характера современной литературы, тонкое наблюденіе, необыкновенное умѣніе схватывать пороки и слабости, живой и бойкій разговоръ, языкъ часто неправильный, но одушевленный, полный живописныхъ простонародныхъ оборотовъ. Оригинальность, истинный комизмъ, изгнанные изъ чопорныхъ, холодныхъ комедій, скроенныхъ на французскую мѣрку, пріютились въ эти мелкія, скромныя пьески, игравшіяся для наполненія пустаго времени и разбѣянія торжественной скуки, навѣянной великими твореніями классицизма. Эти пьески, столь несправедливо осужденныя слабою критикою, составляютъ истинную народную поэзію Испаніи XVIII вѣка. У Рамона де ла Круса одна цѣль: вѣрно изобразить народные нравы, и онъ охотно признаетъ въ себѣ умѣніе чертить одушевленные и истинныя картины. «Кто посѣщалъ гулянье Санъ-Издоро,» говоритъ онъ, «кто видалъ Растро по утрамъ, или Большую площадь въ день Рождества Христова, или старинный Прадо по вечерамъ; кто видалъ кануны Иванова и Петрова дня, кто бывалъ на этихъ сборищахъ всѣхъ сословій, пусть тотъ скажетъ, вѣрно ли я представилъ то, что онъ видѣлъ и слышалъ, и не составляютъ ли мои очерки истинной исторіи нашего вѣка...» Рамонъ де ла Крусъ водитъ такимъ образомъ читателя по всѣмъ концамъ Мадрида, по кварталамъ Маравилья и Лавапіесъ, въ которыхъ еще не совсѣмъ пропалъ національный характеръ, гдѣ такъ часто еще встрѣчается смѣяніе ни-

цеты и веселости, принадлежащее одному только народу, гдѣ можно вволю наблюдать характеры, обычаи низшихъ классовъ; имѣющихъ свои пороки и смѣшныя стороны, точно также, какъ и высшіе классы. Ни одинъ обычай, ни одна слабость, не ускользнетъ отъ его пронизательности и насмѣшливости. Изъ самаго пустаго обстоятельства онъ создаетъ цѣлое дѣйствіе, которое совершается, завязывается и развязывается, прежде чѣмъ улыбка успеетъ сойти съ устъ зрителя. Ничто не можетъ быть забавнѣе и милѣе его сайнетъ: *Одни мужчины, Ханжа, Шапочка, Бутылки забвенія, Мьщанская комедія*. Авторъ не даетъ спуска и литературнымъ слабостямъ: какую бѣдную сатиру на классическое подражаніе представляетъ его *Маноло, трагедія для смѣха или слезная комедія*, оканчивающаяся, подобно бою Сиды, за неимѣніемъ бойцовъ; ибо онъ преисправно моритъ всѣ дѣйствующія лица, послѣднее умираетъ со смѣху.—Въ сущности, впрочемъ, Рамонъ де ла Крусъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ покажется съ перваго взгляду; повидимому онъ самый безпечный изъ людей, но онъ сильно отзывается философскимъ духомъ, овладѣвшимъ всеми умами XVIII вѣка; онъ понимаетъ серьезную, благодѣтельную цѣль комедіи. Вотъ почему въ одной изъ своихъ сайнетъ, *Алжирскіе комедіанты*, когда Бей дивясь этому незнакомому названію комедіантовъ, спрашиваетъ—не названіе ли это какой-нибудь области, и откуда эта область беретъ начало, поэтъ отвѣчаетъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «Изъ глупости людской, столь же древней, какъ и самый міръ.» Много еще въ немъ найдется мимоходныхъ выходовъ, изобличающихъ философа-сатирика; такъ, напримѣръ, размышленіе бѣднаго простолюдина, при видѣ множества вкусныхъ яствъ: «О, подлая судьба, однимъ такъ много, а мнѣ — ничего!» Или въ *Бутылкахъ забвенія*, когда глупецъ, только-что пробравшійся въ дворяне, покупаетъ зелье для забвенія своихъ предковъ, потому-что кучеръ наканунѣ говорилъ ему, что отцы ихъ были товарищами въ Астуріи: «Пейте моего эликсира, говоритъ ему шарлатанъ, вы забудете, что вы маркизь, и увидите, что скоро всѣ забудутъ новость вашего дворянскаго званія.» Сайнеты, въ цѣломъ, разливаютъ яркій свѣтъ на испанское общество XVIII вѣка. Философія была въ модѣ: многіе вельможи считали себя философами, потому-что бросали на время свою дворянскую спѣсь и снисходили къ народу, мѣшаясь съ нимъ, въ особенности—развратомъ. Испанскій грандъ частенько одѣвался какимъ-нибудь *маноло* или *тореро*, чтобы пускаться въ мелкія интрижки; съ восхищеніемъ мѣшался онъ въ самыя вольныя народныя забавы, этимъ грубымъ развратомъ старался онъ возбуждать въ себѣ притуплѣ-

люю чувственность. Съ удовольствіемъ дѣлался онъ игрушкою какой-нибудь смѣлой, безстыдной мадридской *маюла*, которая покоряла его посредствомъ его страстей, и дурачила его, какъ въ *Спасенной Венеціи*—Отвѣя наложница Аквиллина дурачить своего Венеціанскаго сенатора. Съ другой стороны, народъ, поощряемый этимъ лестнымъ для его самолюбія сообществомъ, сохранялъ свои пороки и присоединялъ къ нимъ пороки переродившагося дворянства. Соедините обѣ стороны, и вамъ представится изумительное явленіе: высшія сословія, быстро идущія къ нравственному паденію; развращенныя нѣгою и праздною, добровольно отрѣбающіяся отъ своего высшаго назначенія, и народъ, неподвижный въ своемъ невѣжествѣ, грубыхъ, звѣрскихъ обычаяхъ и слѣпомъ изувѣрствѣ! Древнее начало испанскаго величія вымираетъ; никакой новый элементъ не возникаетъ для смѣны его. Вотъ картина, которую Рамонъ де ла Крусъ открываетъ внимательному уму, не остановившемуся на непріязтельномъ названіи сайнетъ. Эти очерки имѣютъ историческую цѣну. «Официальные документы,» говоритъ одинъ изъ глубочайшихъ испанскихъ критиковъ въ наше время, Дурантъ, «разсказывая происшествія, передадутъ ихъ потомству; сайнеты же Рамона де ла Круса объясняютъ, почему такъ было, и какъ все это произошло.»—Это главнѣйшее условіе комической поэзіи.

Цѣль, избранная Моратиномъ, та же, какъ и у автора сайнетъ, но онъ стремится къ ней въ болѣе серьезныхъ формахъ, съ болѣе возвышенными средствами. Въ этомъ отношеніи онъ находится въ болѣе непосредственной связи съ современнымъ литературнымъ движеніемъ; его драматическія произведенія являются какъ бы счастливымъ, неожиданнымъ результатомъ этого движенія. Послѣ цѣлаго вѣка рабскаго подражанія, Моратинъ первый умѣлъ дать оригинальный колоритъ классической комедіи; онъ усвоилъ ее Испаніи. Комедіи его правильны, но въ нихъ есть жизнь. У него преобладаетъ разсудокъ прямой, чистый, перѣдко творческій; съ его помощью вникаетъ онъ въ характеры, подмѣчаетъ слабости, наблюдаетъ людскія противорѣчія; дѣйствіе у него основано на развитіи нравственныхъ идей, и все его вымыслы одушевлены чувствомъ великодушія и справедливости. Моратинъ представляетъ многія качества Гольдони, но съ большимъ литературнымъ талантомъ. Онъ писалъ немного, однако же достаточно для того, чтобы ознаменовать возрожденіе испанской комедіи въ концѣ XVIII вѣка. Въ его *Согласіи двѣушки* (*El de las niñas*), *Баронъ*, *Старецъ и двѣушки*, высказывается новое направленіе; теплое, живое чувство сливается съ тонкимъ наблюдательнымъ умомъ. Въ *Лицемѣрка* (*la Mogigata*),

авторъ возносится гораздо выше; онъ идетъ по стопамъ Мольера и создаетъ Тартюфа въ женскомъ платьѣ. Женщина обдуманно лживая, вѣроломная по расчету; не верхъ-ли это нравственного безобразія? И съ какою истинною, съ какою силою поэтъ представилъ это безобразное существо! до того, что嫉озрительная цензура Фердинанда VII приняла впоследствии это олицетвореніе лицемерія за личность и запретила играть пьесу. Моратинъ представилъ программу своего новаго направленія въ остроумной пьескѣ *Кофе*, ѣдкой сатирѣ на модныя комедіи, которыя одно изъ дѣйствующихъ лицъ описываетъ: «безсмысленнымъ сборищемъ неѣпныхъ происшествій, неѣрогнанныхъ положеній, несвязныхъ эпизодовъ, фантазмагорическихъ видѣній, написанныхъ языкомъ темнымъ, напыщеннымъ, тяжелымъ, и холоднымъ». Въ *Кофе* замѣчательно лицо писателя, осмѣяннаго Моратиномъ, донъ Элетеріо; это типъ литературныхъ поставщиковъ, обращающихъ искусство въ простое ремесло; авторъ хотѣлъ изобразить жалкую посредственность, копошащуюся въ періодъ отсутствія гения. Можно бы написать еще болѣе смѣшную и горькую комедію, на расчетливыхъ писакъ болѣе счастливыхъ временъ, въ которыя можно бы соединить достоинство искусства съ справедливымъ желаніемъ пользы; но не Моратину было писать такую комедію; онъ не имѣлъ передъ глазами примѣровъ такого литературнаго торгашничества. Печальна судьба Моратина; у него была тихая, кроткая дума, неспособная выдерживать громы народныхъ брѣній; онъ привязался всѣмъ сердцемъ къ несчастному герою своего времени, своему благопріятелю, дону Мануэлю Годою, и раздѣлил его участь. Во время Французскаго вторженія 1808 года, онъ присталъ къ власти, учрежденной Франціею, изгнанъ вмѣстѣ съ этою кратковременною властью, и умеръ изгнанникомъ въ отчизнѣ Мольера. Послѣ Моратина открывается XIX вѣкъ съ его духомъ революціи, какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ.

Въ изложенномъ нами, мы хотѣли только опредѣлить сущность комическаго элемента испанской драмы, снять съ него покровъ фактовъ и правовъ, прослѣдить его во всѣхъ его проявленіяхъ и преобразеніяхъ, чтобы потомъ уловить его въ совершенной дѣятельности, одушевленнымъ новою жизнью, питающимся тѣми же пороками и слабостями, которыя время съ виду взмѣняетъ, но не искореняетъ. Моратинъ послѣдній, и въ строгихъ литературныхъ формахъ, единственный представитель испанской комедіи въ концѣ XVIII вѣка; едва онъ умеръ, какъ началось новое возрожденіе, и сатирѣ открылось новое поле дѣятельности. Стоитъ только обратиться на одно мгновеніе къ прошедшему испанской

драмы, и тогда никто не удивится, что въ попыткахъ новой школы такъ много удѣлено комедіи, что писатели, справедливо гордясь прошедшимъ, рѣшились создать новую комедію, соотвѣтствующую новымъ нравамъ, и смѣло вступили на поприще, которое открывала имъ свобода. Замѣтимъ одно не безъ-интересное обстоятельство; почти всѣ сколько-нибудь замѣчательные поэты, тѣ даже, которыхъ талантъ, по видимому, болѣе клонился къ трагедіи, пытались, по мѣрѣ силъ и способностей, воздѣлать почву комедіи. Сорилья, величайшій изъ современныхъ испанскихъ лириковъ, авторъ смѣлой и величественной драмы *Король и саножникъ*, въ которой такъ прекрасно воскресилъ онъ образъ дона Педро Грознаго, не разъ появлялся на этомъ поприщѣ, хотя съ успѣхомъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Герцогъ Ривастъ, возродитель эпоса, въ такихъ рѣзкихъ чертахъ представившій въ своемъ *донъ Альваро или Сила Рока*, суровый, непреложный законъ рока, также написалъ остроумную комедію, полную горькой истины; *Цыпа денегъ*. Хиль-и-Сарате (Hil y Zarate), превосходящій всѣхъ современныхъ испанскихъ писателей въ искусствѣ веденія трагедіи и умѣннй пользоваться драматическими эффектами, написалъ сочиненіе, напоминающее Моратина: *Годъ послѣ свадьбы*. — Наконецъ есть имена, принадлежащія исключительно комедіи: Бретовъ де-лосъ Герреросъ, Вентура де-ла Вега, Родригесъ Руби. Хотите знать главныя черты, отличающія эти попытки, и вообще все современное движеніе драматической литературы Испаніи? Въ ея возрожденіи ясно высказываются два противоположныя направленія; съ одной стороны, благородное стремленіе воскресить древнія преданія, возстановить давно забытую народную оригинальность, такъ ярко озаренную новѣйшими критиками; — съ другой — неиабѣжная склонность подчиняться вліянію Франціи, и, пошедши за нею въ XVIII вѣкѣ по стезѣ классицизма, слѣдовать за нею и по новооткрытымъ ею путямъ; это двойное направленіе представляетъ литературѣ двойную опасность. Слѣпое возвращеніе къ прошедшему, стараніе воскресить славу былаго времени, поэтическую оригинальность, родившуюся изъ стеченія обстоятельствъ, которое не можетъ уже повториться, не ведетъ ли къ ребяческому бесплодному старовѣрчеству? Сорилья не разъ впадалъ въ эту крайность въ своихъ комедіяхъ. — Съ другой стороны, не спускать глазъ съ Франціи, жить ея мыслью, тягаться за ея успѣхами, рабски списывать ея произведенія, не значитъ ли вести Испанію по прежней колѣѣ ничтожества и литературнаго слабоумія? Вотъ куда влекутъ ее дюжинные кропатели, наводняющіе испанскую сцену переводами.

Но можно найти средній путь; стоитъ только стараться слить въ новыхъ формахъ то, что осталось живымъ изъ древняго испанскаго духа, и то, что онъ могъ усвоить себѣ изъ долгаго соприкосновенія съ французскимъ духомъ. Рѣшили ли эту задачу произведенія Бретона де лосъ Герреросъ, Вентура де ла Веги, и Родригеса Руби? Такова была ихъ цѣль; они умные дѣятели этого возрожденія испанской комедіи, которая пока еще только готовится, но не совершилась. Въ *Умрешь такъ увидишь* Бретона въ *Святскомъ челоуѣкѣ* Веги, въ *Колесѣ счастья* Руба проявляется новая сила, но сила только еще пытающая свое могущество.

Чтобы съ точностью представить новѣйшую испанскую комедію въ самыхъ яркихъ ея оттѣнкахъ, стоитъ только олицетворить ихъ въ этихъ трехъ даровитыхъ писателяхъ, которыхъ игра случая собрала съ самыхъ противоположныхъ концовъ. Бретонъ де лосъ Герреросъ родился въ какой-то деревушкѣ на границахъ Наварры; Вентура де ла Вега, въ Буэносъ-Айресѣ, въ Америкѣ; Руби, въ Андалузій. Біографія ихъ не любопытна: она ничего не представляетъ, кромѣ немногихъ, самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствъ, мелкихъ должностей, приобрѣтенныхъ или утраченныхъ въ ходѣ революціи, успѣховъ и неудачъ, составляющихъ долю каждаго драматическаго писателя. Но должно замѣтить, что слава ихъ идетъ только съ позднѣйшихъ политическихъ безпорядковъ; талантъ ихъ выросъ въ этой бурной атмосферѣ, и носитъ на себѣ печать ея, какъ въ своихъ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ. Онъ приверженъ къ новизнѣ, и на каждомъ шагѣ спотыкается отъ неувѣренности въ себѣ и неопытности; стремится къ самостоятельности, и въ тоже время невольно набирается поддѣльныхъ красокъ среди вторженія чужеземныхъ вліаній. Видно, что не легко комическому смыслу вырваться, свободному и оригинальному, изъ среди множества противоположныхъ стремленій, раздрающихъ Испанію. Однако же произведенія этихъ писателей заслуживаютъ мѣста въ исторіи литературы нашего времени, въ особенности же, если принять въ соображеніе, что комедія во всей Европѣ отстала отъ прочихъ отраслей литературы, лирики, романа, и даже отъ драмы. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, послѣ Франціи, въ Испаніи комедія наиболѣе процвѣтаетъ, или, если угодно, наименѣе находится въ упадкѣ. И нельзя не видѣть шага впередъ, въ религіи новой школы, сравнительно съ вялой школою конца XVIII вѣка, которая подъ предводительствомъ Комельи, силилась утвердить на испанской сценѣ плаксивую комедію, которую Мортинъ заклеилъ въ своемъ *Косе*, и вытѣснилъ изъ литературы своего отечества. Новѣйшія произведенія суть плодъ истиннаго комическаго

творчества, дошедшаго до нашего времени, чрезъ множество преобразеній, и которое мало-по-малу, среди различныхъ вліяній, возвращаетъ себѣ прежнюю естественность, свободу и могущество. Мы не хотимъ ничего преувеличивать; это можетъ быть едва развивающіеся зародыши, но они доказываютъ обильную жизненную силу въ сердцѣ Испаніи.

Бретонъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ дѣятелей въ этомъ современномъ преобразованіи комедіи. Онъ первый послѣ Моратина обратился къ оригинальности, и возстановилъ на театрѣ духъ наблюденія. Опыты его въ драмѣ, его подражанія моднымъ французскимъ трагедіямъ, не стоятъ вниманія; это необходимая дань ложному направленію времени. Всего болѣе поражаетъ въ его талантѣ по преимуществу саркастическій умъ, и чисто испанскій характеръ; эти двѣ черты ярко отражаются въ сотнѣ пьесъ, составляющихъ его репертуаръ. Въ Парижѣ вздумали-было играть одну изъ его комедій *Луговой пухъ* (*El pelo de la dehesa*), но безъ успѣха, публика равнодушно слушала жалобы добраго Арагонскаго помѣщика, упавшаго будто съ неба въ Мадридъ, предпочитающаго свою *самарру* самому щегольскому наряду, и лай и вой собакъ въ своихъ родныхъ горахъ — оперной музыкѣ, отъ которой ему звѣается, на каждомъ шагѣ сталкивающегося съ непонятными требованиями образованнаго свѣта, и наконецъ — примолушіемъ своимъ разрывающаго сътъ обольщеній, которою хотѣла опутать его разоренная матушка, чтобы выдать за него свою дочь. Холодный пріемъ парижской публики очень понятенъ; Бретонъ, де лось Герреросъ типъ той живой, остроумной, и ѣдкой комедіи, которая пренебрегаетъ дѣйствіемъ, а сосредоточивается въ подробностяхъ, ослѣпляетъ слушателя неистощимымъ обиліемъ насмѣшки, разнообразіемъ, быстротою и мѣткостью выходокъ, и сыплетъ веселіемъ, будто неждаными искрами, — словомъ, комедіи, которую всего труднѣе понять чужеземцу, и которую почти нѣтъ возможности переводить. Впрочемъ и въ этомъ родѣ, *Луговой пухъ* не лучшая изъ комедій Бретона. Самое взяточное его произведеніе, едва ли не лучшее изъ всего его репертуара — *Марсея*, или кому изъ трехъ? Въ немъ соединяются всѣ достоинства, и всѣ недостатки Бретона, — слабость интриги, простота изобрѣтенія, не допускающая разбора, и оригинальная, ослѣпительная прелесть подробностей. *Марсея* есть олицетвореніе кокетства; это молодая женщина, счастливая своею красотою, но чувствующая и неудобства красоты, привлекающей къ ней тьму наглыхъ волокитъ. Дураковъ, къ несчастью, на свѣтѣ гораздо больше чѣмъ умныхъ людей, и претендателями на руку Марсеи являют-

ся извѣженный леди, хвастунъ офицеръ, и человекъ, который желалъ бы быть поэтомъ, но которому поэзія не дается. Дѣйствіе происходитъ между этими лицами. Что дѣлать гордой Марселѣ, какъ не посмѣяться надъ ними, не пустить ихъ въ-запуски за свою рукою, и не одурачить всѣхъ вмѣстѣ, объявивъ имъ, что она слишкомъ дорожитъ своею дѣвичьею волею? Попытайтесь перевести это произведѣніе, полное живаго комизма, и остроумныхъ выходокъ; что останется? одна голая идея, лишенная прелести внѣшней отдѣлки и остроты, — идея кокетства, играющаго страстями не даваясь имъ, и вдругъ увертывающагося отъ преслѣдователей, бросая имъ въ отвѣтъ презрительный хохотъ.

Тутъ есть, впрочемъ, черта ума Бретона де лосъ Геррероса, черта, проявляющаяся во-многихъ другихъ его произведеніяхъ, въ *Женихъ по невольнѣ* (Un novio para la niña), въ *Третій въ спорѣ* (El tercero en la discordia), въ *Умрешь, такъ увидишь* (Muerete y veras), въ *Все шутка въ здѣшнемъ мѣрѣ* (Todo es farsa en esto mundo): это — изображеніе женскаго сердца. Бретонъ мастеръ схватывать прихотливую, непостоянную сторону женской натуры, онъ изображаетъ ее такъ поэтически, что истина становится необходима; онъ любитъ представлять легкомысліе женщинъ въ самыхъ различныхъ отбѣнкахъ, сообразно лѣтамъ, положенію въ свѣтѣ и другимъ условіямъ; онъ подмѣчаетъ его въ молодой дѣвушкѣ, которой сердце отбываетъ въ тоже время для прихоти и любви, въ женщинѣ счастливой своею красотою, которую никакое сильное чувство не влечетъ къ преждевременной зрѣлости; въ злобной, дерзкой старушонкѣ, прогоняющей скуку преклонныхъ лѣтъ, обращая свою опытность на насмѣшку. Такимъ образомъ, Марсела есть идеальный типъ, къ которому относятся, съ разными видоизмѣненіями, всѣ героини Бретона. Его комическая фантазія надѣляетъ всѣхъ этихъ женщинъ удивительнымъ дипломатическимъ искусствомъ; онѣ такъ хорошо умѣютъ скрываться и прикидываться, какъ будто не скидали обольстительной маски, скрывавшей улыбки и огненные взоры Кальдероновыхъ героинь, онѣ то молчатъ, то проговариваются съ такимъ спокойствіемъ, или съ такимъ ловкимъ чистосерденіемъ, что проведутъ самую провицательную наблюдательность; онѣ такъ простоушно вѣрятъ сегодняшнимъ клятвамъ и такъ совершенно забываютъ ихъ завтра, что смѣшонъ и безбоженъ покажется тотъ, кто вздумаетъ напомнить имъ о нихъ. Любовь у нихъ — прихоть, исчезающая предъ сильнѣйшею и болѣе новою прихотью. Это страсть, только скользящая по поверхности сердца; не бойтесь, чтобы она возмутила ихъ жизнь, чтобы она овладѣла всеми ихъ спо-

собностями, омочила глаза ихъ слезами, чтобы она тѣснила имъ грудь, родила въ нихъ мысль самоотверженія! Безпокойство, страданія, слезы, самоотверженіе, онѣ все это разгонять однимъ махомъ вѣтра; на челѣ ихъ все тоже спокойствіе; таже улыбка на устахъ, въ сердцѣ таже жажда новыхъ побѣдъ. Шекспиръ выразилъ этотъ характеръ горькимъ словомъ: «Вѣроломна, какъ струя!» Слово это можетъ приложиться и въ настоящемъ случаѣ, но не въ такомъ глубокомъ смыслѣ. Женское непостоянство, какъ его представляетъ Бретонъ, можно уподобить только измѣнчивости струекъ, которыми вечерній вѣтерокъ рябитъ поверхность воды, подъ этою струею не кроется ни пучинъ, ни бурь. У Бретона и хитрость имѣетъ свою прелесть; кокетство не возбуждаетъ горечи разочарованія, потому что не принимаетъ личины чувства и страсти, не общается высокаго, неизмѣннаго блаженства души; эта улыбающаяся измѣна болѣе забавляетъ, чѣмъ оскорбляетъ — Оригинальность автора заключается въ анализѣ и необыкновенно смѣломъ изображеніи этой мелкой черты женской души; никто не умѣетъ подобно ему представлять это смѣшеніе порока и очаровательности, составляющее сущность кокетства; и какой яркій колоритъ даетъ такой картинѣ его гибкій, быстрый и язвительный языкъ!

Не должно однако же думать, чтобы этотъ элементъ составлялъ единственный интересъ комедій Бретона де лосъ Геррероса. Рядомъ съ героньями, представляющими одну мысль подъ разными фазами, является множество разнообразныхъ характеровъ. Напримеръ, въ *Луговомъ пухѣ*, прекрасно очерченный характеръ дон-Фрутоса, или въ *Марсели*, типъ ребяческаго, празднаго щегольства, ни о чемъ не заботящагося, кромѣ послѣдней вывезенной изъ Франціи моды; или хвастунъ андалузскій офицеръ, у котораго болѣе словъ, чѣмъ дѣла, и который напоминаетъ интермедію Сервантеса *Las das habladores*, гдѣ Рольдонъ подхватываетъ каждое слово своего собесѣдника, чтобы приплестъ къ нему цѣлую повѣсть. Или въ *Третьемъ въ ссорѣ*, добродушный донъ Сириако, который всѣмъ твердитъ о самостоятельности въ мнѣніи, и тутъ же всегда соглашается съ мнѣніемъ послѣдняго. Или донъ Сатуріо, олицетвореніе глупой самонадѣянности, которой ничто не разуверитъ въ высокомъ своемъ назначеніи. Донъ Сатуріо, между прочимъ, гоняется и за драматическою славою; онъ убѣжденъ, что неслыханный успѣхъ ожидаетъ его на театрѣ, и доказываетъ это словами, которыхъ пронія задѣваетъ за живое не одно литературное самолюбіе. — Вотъ еще, говоритъ онъ, мнѣ не написать комедіи? Я читалъ Каньисареса, Арельяно, Вальдиреса, Комелью; знаю, что комедія должна оканчиваться свадьбою, что она дѣлится на четыре дѣйствія, дѣйствія на явле-

ніа, что въ концѣ авторъ проситъ у публики извиненія. Я на прошлой недѣлѣ подписался на журналъ и на газету, и купилъ лексиконъ. Чего же мнѣ еще не достаетъ? Что я не поэтъ? Что за вздоръ: будто, кто пишетъ комедію, долженъ быть поэтомъ? Донъ Сатуріо правъ; много примѣровъ можно прибавить въ подтвержденіе его словъ; онъ же купилъ лексиконъ; а это не всякій догадается сдѣлать!—Такимъ образомъ, сатира Бретона делось Геррероса изображаетъ самыя различныя слабости; онъ отыскалъ родникъ народнаго комическаго смысла; пронія его нерѣдко облекается въ глубокую и горячую форму, избличающую въ немъ челоѣка XIX вѣка.

Дѣйствительно, легкій комизмъ автора *Марсели*, исчезаетъ передъ горькимъ сознаніемъ непрочности всѣхъ челоѣческихъ чувствъ, въ *Умрешь, такъ увидишь*. Изъ всѣхъ пороковъ, могущихъ заразить сердце, авторъ избралъ, можетъ быть, самый гнусный, неблагодарность.—Умри, говоритъ поэтъ съ горечью, проникающею сквозь шутливость комедіи; умри, и увидишь, что ждетъ тебя, или по-крайней-мѣрѣ твою память, когда никто не будетъ бояться тебя, или ждать чего отъ тебя! Немедленное забвеніе, измѣна памяти твоей отъ женщины, которую ты считалъ преданною тебѣ, отъ друга, въ которомъ былъ увѣренъ; плачъ корыстолюбца, который тотчасъ осушить слезы, какъ скоро откроется, что тебѣ нечего было завѣщать ему; проклятія безстыднаго ростовщика, у котораго смерть похитила желанную жертву. Счастливъ еще ты, если какая нибудь скромная, одинокая душа, на которую ты не смотрѣлъ, которой безмолвной преданности ты и не подозрѣвалъ, сохранить свято и вѣрно твою память!—Очевидно, что пронія можетъ извлечь поразительные эффекты изъ этихъ давнихъ: представьте себѣ челоѣка, котораго всѣ считаютъ умершимъ, но который живъ, и самъ присутствуетъ постороннимъ зрителемъ при комедіи, разыгрывающейся на его могилѣ; вотъ вамъ произведеніе Бретона,—твореніе полусерьезное, полшутливое, въ которомъ глубокое философическое значеніе мысля безпрестанно прикрывается игривостью формы. Донъ Пабло, молодой Сарагосскій воинъ, былъ оставленъ замертво на полѣ битвы въ одной изъ безчисленныхъ стычекъ, ознаменовавшихъ послѣднія войны. Что-же онъ видитъ, когда возвращается въ недавнѣ имъ оставленный, и не ожидающій его уже—свѣтъ? Ед-

ва прошло нѣсколько дней, а невѣста его уже готова предаться новой любви; сожалѣніе едва мимоходомъ коснулось ея сердца.—«Есть женщины, говоритъ Хасинта, которыя любятъ двоихъ за-разъ; я люблю ихъ только одного за другимъ. И не глупо ли, не безбожно ли было-бы убѣгать живаго, чтобы не обидѣть мертваго?» А новый женихъ Хасинты — донъ Матіасъ, другъ дона Пабло, поспѣшившій принести ей вѣсть о смерти жениха! Если донъ Пабло типъ горячаго самоотверженія, жертвующаго жизнью въ междуусобныхъ войнахъ, то донъ Фроиланъ типъ эгоизма, думающаго о себѣ одномъ. Донъ Фроиланъ въ междуусобіяхъ видитъ одно препятствіе своему благосостоянію; горестныя зрѣлища нарушаютъ его спокойствіе; за то, онъ лучше идетъ въ оперу, чѣмъ въ церковь, гдѣ совершается панахида по донѣ Пабло. Онъ выходитъ изъ своей апатіи только когда вымышленное завѣщаніе возбуждаетъ его корыстолюбіе, и льститъ ему нѣкоторое время надеждою быть наслѣдникомъ небольшого имущества, оставшагося послѣ покойника. Не забудемъ и смѣшную фигуру дона Эліаса, жида, даващаго дону Пабло взаймы денегъ на экипировку, и теряющаго свои проценты. Донъ Пабло спѣшилъ утѣшить огорченныхъ и видитъ одно забвеніе и корысть. Въ негодованіи является онъ снова во время подписанія брачнаго контракта дона Матіаса съ Хасинтою; тутъ онъ вполне снимаетъ личину со всѣхъ лицъ, и читаетъ на нихъ измѣну и вѣроломство. Въ одномъ только существѣ находитъ донъ Пабло искреннюю привязанность: въ молодой дѣвушкѣ, которой глубокая горестъ обнаруживаетъ давно хранимую ею тайну ея любви. Это горестное разочарованіе, и рядомъ съ нимъ открытіе неожиданнаго счастья, это сплетеніе разрушающихся мечтаній, и вновь раждающихся, будто для того, чтобы вѣчно питать надежду въ сердцѣ чело-вѣка, и тѣмъ предохранить его отъ полнаго презрѣнія къ своей природѣ, не сокращенное-ли это выраженіе жизни? Правда, что болѣе возвышенный геній влилъ бы въ свое произведеніе болѣе серьезное одушевленіе, глубже проникъ бы въ значеніе данной мысли, далъ бы характерамъ болѣе выразительности и силы; такъ бы вѣроятно сдѣлалъ Шекспиръ или Мольеръ. Но уже самая мысль свидѣтельствуетъ о смѣлости вымысла, выходящаго изъ обыкновенныхъ границъ; а очеркъ, набросанный Брегономъ де лосъ Герреросъ, если въ немъ нѣтъ высихъ

достоинствъ, по-крайней-мѣрѣ полонъ остроумія, естественности и живаго комизма, отличающихъ всѣ его произведенія.

Впрочемъ, если во всѣхъ попыткахъ новѣйшихъ испанскихъ комиковъ, какъ Бретона де лосъ Герреросъ, такъ и Вентуры де ла Вега, и Руби, видна какая-то шаткость, неувѣренность, тутъ нечему удивляться. Эта неувѣренность свойственна всѣмъ умамъ, трудящимся надъ литературнымъ движеніемъ страны; причина ея кроется въ самомъ совершающемся нравственномъ преобразованіи, и въ беспорядкѣ, который необходимо долженъ быть въ идеяхъ и нравахъ до совершеннаго окончанія этого преобразованія. Комедія же въ особенности должна была подвергнуться вліянію этой шаткости идей, вслѣдствіе которой нынче въ Испаніи ничто не прочно, ни за что нельзя ручаться до слѣдующаго дня; это колебаніе уничтожаетъ возможность наблюденія, перваго условія комическаго генія. Одинъ право-описатель, Месниеро Романосъ, прославившійся подъ именемъ *el curioso parlante*, и издавшій проостроумные очерки, *Мадридскія сцены*, въ которыхъ представляетъ живыя картины испанскихъ нравовъ, справедливо говоритъ: «Если первое условіе для сходства портрета,—неподвижность того, съ кого снимается портретъ, то какъ уловить это сходство, когда онъ безпрестанно встаетъ и вертится во всѣ стороны, то смѣется, издѣвается, и выступаетъ, закинувъ надменно голову, то плачетъ и прячется, чтобы не дать замѣтить своего стыда и нищеты? Какъ и въ какое мгновеніе уловить птицу на полетѣ, ребенка въ быстромъ ростѣ, катящееся колесо, наконецъ, старый народъ, исчезающій и теряющійся въ новомъ народѣ, тщетно взывающій къ своему прошедшему и жертвующій настоящимъ, чтобы предаться надеждамъ и мечтамъ въ будущемъ?» Какъ, прибавимъ мы, комедіи, наблюдающей и изображающей человѣческія страсти не только въ ихъ существенной, неизмѣнной природѣ, но и въ видоизмѣненіяхъ ихъ въ разныя эпохи, не подвергнуться вредному вліянію такого положенія? Самъ Бретонъ говоритъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи *«Третій въ ссорѣ»*: Мадридцы создали себѣ такую смѣсь изъ своихъ собственныхъ и чужеземныхъ нравовъ, что въ нихъ ничего не разберешь.... Мадридъ скоро будетъ загадкою, логогрифомъ. Главная черта среди этого колебанія—сходство съ Франціею, очевидное стремленіе сблизиться съ ея

идеями, выражать ея чувства, смотрѣть на человѣческую душу съ ея точки зрѣнія. Этого направленія нельзя назвать пошлымъ подражаніемъ; литература слѣдуетъ въ этомъ случаѣ общему закону нравственнаго развитія новѣйшей Испаніи; старается примкнуться къ общей цивилизаціи, стремящейся въ наше время объять весь міръ, и не принадлежащей исключительно ни одному народу. Произведенія новыхъ испанскихъ комиковъ можетъ быть болѣе поражали бы насъ своею оригинальностью, еслибъ представляли старинные нравы время Габріеля Теллеса или Кальдерона; но это была бы оригинальность поддѣльная и ложная. Можетъ быть, если останавливаться на вѣщностяхъ, то нѣкоторыя картины народныхъ нравовъ Бретона, нѣкоторые очерки андалузскихъ нравовъ Руби, покажутся оригинальнѣе *Марсели* или *Оборота счастья*; а между тѣмъ не въ нихъ заключается зародышъ плодотворнаго обновленія. Заслуга этихъ произведеній, которыя съ перваго взгляда покажутся блѣднѣе и безцвѣтнѣе, состоитъ въ томъ, что они стараются облечь въ оригинальную форму современныя идеи и чувства, представить нравственную или историческую этулю человѣка, соответствующую требованіямъ нашего вѣка.

Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ *Свѣтскій человекъ* (*El hombre de mundo*) Вентура-де-ла-Вега, котораго успѣхъ въ Испаніи съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Вега сначала посвятилъ себя переводамъ; никто не умѣлъ лучше его передѣлывать французскія комедіи для испанской сцены. Истинный американецъ, живой и лѣнивый, доводящій лѣнь до системы, до поэтическаго самозабвенія, Вега вдругъ пробудился изъ своего бездѣйствія, представилъ съ комедіею, которая въ литературѣ Испаніи можетъ назваться оригинальною, и въ которой нравственная идея, истинная и простая, какъ мысль Моратина, развивается съ замѣчательнымъ искусствомъ и съ строгою логикою, никогда не теряющею изъ виду предположенной цѣли. Въ чемъ заключается идея *Свѣтскаго человека*? Это человекъ, проведшій молодость въ распутствѣ, исчерпавшій всѣ удовольствія, всѣ наслажденія, снискавшій славу въ обществѣ, прослывшій обольстителемъ, покорявшій своимъ прихотямъ добродѣтелей каждой женщины, и который, соскучивъ этими переходящими наслажденіями, изъ которыхъ многія лежатъ у него на совѣсти укоромъ, вздумалъ искать болѣе спокойнаго, болѣе

глубокаго и прочнаго счастья въ супружествѣ. Тутъ представляется нравственная идея съ своей драматической стороны: это спокойное, семейное счастье возможно-ли для сердца, переполненнаго воспоминаніями и разочарованіями, избалованнаго легкими успѣхами, такъ часто выдавнаго долгу попораннѣмъ для него, и привыкшаго къ хитростямъ и продѣлкамъ, на которыя свѣтъ смотритъ сквозь пальцы, улыбаясь, и даже посмѣиваясь надъ ихъ жертвою? Едва женившись, донъ Люисъ обращается назадъ, и передъ нимъ возникаетъ его прошедшее; онъ пугается собственныхъ своихъ дѣлъ, какъ безпрестанной угрозы,носящейся надъ его законною любовью и супружескимъ достоинствомъ. И будто грозное воплощеніе этого прошедшаго, является къ нему донъ Хуанъ, одинъ изъ старѣхъ его сподвижниковъ. Съ самаго начала нечаянно открывается борьба между его воспоминаніями и условіями его настоящей жизни. Донъ Хуанъ, понавъ случайно къ дону Люису и не зная, что онъ женатъ, поздравляетъ его съ новою любовницею, точно такъ же, какъ поздравилъ бы съ хорошею лошадыю, и наконецъ, безъ церемоній предлагаетъ ему помѣваться. Донъ Хуанъ, правда, скоро узнаетъ свою ошибку; но между тѣмъ, какъ донъ Люисъ говоритъ о своемъ супружескомъ блаженствѣ, описываетъ негаданное счастье, принесенное въ домъ его нѣжною женою, и совѣтуетъ ему послѣдовать его примѣру, донъ Хуанъ отвѣчаетъ забывчивому супругу собственными его прежними словами; напоминаетъ ему ихъ общую жизнь, и снова возжигаетъ передъ его взорами искру угасшихъ страстей. Онъ перебираетъ по одиночкѣ, не безъ лести самолюбію дона Люиса, всѣ продѣлки, снискавшія ему въ свѣтѣ такую блестящую славу, пока наконецъ, среди этого перечня приключеній, не воззаетъ неумышленно ядовитаго жала въ неувѣренное сердце супруга; ибо, въ числѣ всѣхъ этихъ хитростей, столь лестныхъ для самолюбія дона Люиса, есть одна, которую можетъ быть жена его употребила съ нимъ самимъ. Донъ Люисъ ставитъ себя на мѣсто того, кого онъ нѣкогда обманулъ; это сравненіе преслѣдуетъ его, бѣсить его, и онъ мгновенно переходитъ отъ довѣрчивой нѣжности къ оскорбительному сомнѣнію, къ безпокойству и страху; онъ собственными руками раздираетъ себѣ сердце. Небольшая выписка дастъ понятіе о драматическомъ душе-

вленіи этой сцены, которою въ самомъ началѣ комедіи такъ ярко выказывается ея нравственная идея.

Хуанъ. Ахъ! Люисъ, сколько мы можемъ насчитать жертвъ нашихъ проказъ! Скажи-ка, помнишь ты того управляющаго?...

Люисъ, улыбаясь. Дона Габріеля? еще бы! того, что такъ славно игралъ въ bis - bis.

Хуанъ. А жена его, вотъ любила тебя!

Люисъ. Волканъ настоящій!

Хуанъ. А онъ, невинная душа, бывало твердить: «Ей-Богу не понимаю, какъ это моя Генриетта такъ холодна!»

Люисъ, смеясь. Бѣдняга!

Хуанъ. А твои интрига съ тою... съ блондушкой... какъ-бишь ее?

Люисъ. Съ Марухъ!

Хуанъ. А ея камеристка?

Люисъ. Да, Дозоресъ; каждый день, бывало, исправиле самого солнца приходитъ въ опредѣленное время съ записочкою отъ своей барыни.

Хуанъ. Сохранилъ-ли ты по-крайней-мѣрѣ на память перстень, который она дала тебѣ почти подъ носомъ у мужа?

Люисъ. А вѣдь съ этимъ было справляться не легко!

Хуанъ. За то ужъ умѣла она его укротать! Чего ужъ не придумаетъ, бывало, чтобы приголубить его?

Люисъ. Какъ искусно она корчила нервическіе припадки?

Хуанъ. Никогда она не пропускала дня, чтобы не сходить къ обдѣль, а онъ-себѣ только поговаривалъ: «Моя Маруха очень богомольна!» Но изъ всѣхъ твоихъ приключеній, всего забавиле предѣлка съ тою...

Люисъ. Знаю, съ Резою!

Хуанъ. Вотъ женщина! лицомъ ангелъ, а правомъ—сушій бѣсъ!

Люисъ. Какая же предѣлка? Когда она назначила мнѣ свиданіе черезъ газеты?

Хуанъ. Нѣтъ, не то.

Люисъ. Когда она спрятала меня въ кабинетъ!

Хуанъ. Нѣтъ, это бывало съ каждымъ; — а ловкая хитрость ея, чтобы заставить мужа самого представить ей тебя, у себя же въ домѣ.

Люисъ, измѣняясь въ лицѣ. Самого мужа...

Хуанъ. Какъ! неужели ты не помнишь?

Люисъ. Какъ же, помню очень хорошо.

Хуанъ. А вѣдь былъ не дуракъ; напротивъ... и сверхъ того, человекъ свѣтскій, опытный...

Люисъ. Правда, свѣтскій человекъ!

Хуанъ. Чтожь прикажешь? знать жизнь и опытность—недостаточно...

Люисъ, встревоженный. Однакожь, какъ хочешь, или я очень ошибаюсь, или онъ просто смотрѣлъ съвозъ пальцы... Нельзя было не замѣтить! Мнѣ кажется, я бы на его мѣстѣ тотчасъ догадался.

Хуанъ. А какъ бы ты догадался? Все было улажено, съ тою непостижимою ловкостью, которою одарена каждая женщина. Она такъ хорошо умѣла ослѣпить мужа, что это показалось ему самымъ естественнымъ дѣломъ....

Люисъ. Правда... (упадаетъ въ кресла.)

Хуанъ. Да что съ тобою?

Люисъ. Со мною? — ничего!

Хуанъ. А, понимаю! эти воспоминалія!... Нечего брать дѣлать! Сдѣлай глупость, теперь крѣпись! Прощай братъ!

Люисъ. Скоро увидимся?

Хуанъ. Ужъ не хочешь ли ты и меня обратить?

Люисъ, *одинъ въ безпокойствѣ*. Самъ мужъ!... Такъ, самъ мужъ; и такъ простодушно представилъ меня жепѣ! а потомъ, что за глупую роль онъ игралъ! всему Мадриду было извѣстно, кромѣ его одного... Уфъ! мѣня такъ и обдало морозомъ. Что, если я введу въ домъ этого Антоњито, котораго она просила меня представить ей, что изъ этого будетъ? Отказать, подъ какимъ предлогомъ? Клара, пожалуй, догадается, что я ее подозреваю... Нѣтъ, нельзя никакъ; если мои опасенія неосновательны, я оскорблю ее; если же они справедливы, это значить, предупредить ее, заставить ее искать другаго, хитрѣе придуманнаго средства. Но, если она въ самомъ дѣлѣ затѣяла заставить меня привести ея любовника! Она говорить, правда, будто онъ занимается одною Эмилиєю; но Эмилиа запиралась, и сама Клара говорила со мною не совсемъ твердо. Тутъ что нибудь да кроется, непременно! Хорошо знать, что такое жизнь! Мой случай это доказываетъ; наивное простодушіе, съ которымъ Розета убѣждала мужа, будетъ мнѣ драгоценнымъ урокомъ. Какую еще хитрость можно придумать, которой бы я не видалъ? Да, опытъ великое дѣло! Спасибо дону Хуану, что онъ такъ кстати пришелъ надумать меня... — Но, Боже мой, неужели определено, чтобы никому не уйти отъ этой участи?...»

Такъ вотъ она, эта двусмысленная мудрость *Сельтскаго челоѵька*, этотъ опытъ, плодъ распутной жизни! Родившись изъ привычки къ хитрости, она вѣрнѣе одной хитрости; она бросаетъ тѣнь свою на всю послѣдующую жизнь, чернитъ все, чего ни коснется, безпрестанно возбуждаетъ несправедливое подозрѣніе, отравляетъ самыя невинныя дѣйствія; она питаетъ въ сердцѣ безплодное невѣріе. Въ вырвавшемся словѣ, въ улыбкѣ, нечаянно явившейся на устахъ, въ каждомъ движеніи радости или боязни, во всемъ ищетъ она тайную, преступную причину, и считаетъ себя глубокою, потому-что во всемъ предполагаетъ зло. Челоѵьку, обладающему этою печальною мудростью, и остающемуся на томъ пути, гдѣ онъ приобрѣлъ ее, она, разумѣется не въ тягость; но кто вдругъ оставитъ этотъ путь, и будетъ искать счастья не въ распутствѣ, тотъ будетъ безпрестанно биться подъ вліяніемъ этой вѣроломной мудрости, и изъ этой борьбы рождается драма или комедія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ *Сельтскомъ челоѵькѣ* то, что каждое дѣйствующее лицо содѣйствуетъ своимъ характеромъ къ раз-

витію главной мысли. Мы уже указывали на дона Хуана, который, будто укоръ совѣсти, всегда тутъ, чтобъ напомнить дону Люису его старые проказы, и бичевать его памятью его собственныхъ покушеній на честь и счастье другихъ. Возьмемъ донью Клару, молодую жену дона Люиса: она вышла за него, потому-что прельстилась его блестящею славою въ свѣтѣ; теперь же, ревнуя его въ прошедшемъ, она хочетъ кокетничать съ мужемъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе удержать его; но вмѣсто того, она только возбуждаетъ его недоувѣрчивость. Клара удваиваетъ свои ухаживанія, ласки и обольщенія; донъ Люисъ удваиваетъ свою оскорбительную осторожность, свои усилія, открыть тайную интригу. Порочное прошедшее возстаповляетъ ихъ другъ противъ друга, и безпрестанно внушаетъ имъ взаимное подозрѣніе. Даже самый слуга Рамонъ, бывшій наперсникомъ дона Люиса въ дни распутства, и тотъ, не довольный семейною жизнью, разжигаетъ воспоминанія въ сердцѣ господина, и старается вырвать его изъ этого недостойнаго покоя. Что-же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ такъ возбуждать и питать сомнѣнія недоувѣрливаго супруга? Тайная, чистая любовь, поощряемая Кларою. Этого достаточно для внушенія подозрѣній дону Люису. И замѣтимъ, что это средство вѣрно; ибо оскорбительная проницательность развращеннаго сердца, будто въ возмездіе, лишается способности постигать чистыя и искреннія побужденія. — Увы! что-же это за мудрость, путающаяся въ тонкой паутинѣ юношеской любви, и истощающаяся въ преслѣдованіи привидѣній которыя сама создаетъ? Не доказываетъ ли это, какъ говоритъ донья Клара въ заключеніе, что для того, чтобы знать свѣтъ, чтобы быть *свѣтскимъ человекомъ*, недостаточно *обо всемъ дурно думать*? — Вотъ счастливая мысль, избранная авторомъ; вотъ нравственная идея, анализируемая въ его сочиненіи, и перѣдко съ замѣчательною проницательностію. *L'homme de mundo* одна изъ прелестнѣйшихъ комедій новаго испанскаго репертуара, одно изъ тѣхъ произведеній, которыя, не будучи совершенно новыми, совершенно обновляютъ знакомый уже предметъ.

Доказательствомъ истинно серьезнаго значенія и жизненности драматическаго движенія, совершающагося въ Испаніи несмотря на чужеземное вліяніе, подъ которымъ оно зародилось, можетъ служить разнообразіе сдѣланныхъ попытокъ,

постоянство писателей въ повтореніи своихъ попытокъ, въ изъисканіи всѣхъ формъ, въ какія можетъ облечься комическое мышленіе. Каждый родъ имѣетъ своихъ приверженцевъ, отъ легкой, и прихотливо-остроумной комедіи, которой представитель Бретонъ де лосъ Герреросъ, до комедіи, избравшей себѣ задачею представлять человѣка въ исторіи, изображать эпохи съ ихъ страстями, нравами и слабостями. Въ послѣднемъ родѣ особенно успѣлъ авторъ. *Колеса счастья* (la rueda de la fortuna,) одинъ изъ самыхъ молодыхъ драматическихъ писателей Испаніи. Руби избралъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ XVIII вѣка, чтобы представить въ немъ измѣнчивую судьбу министра, котораго одинъ оборотъ счастья возводитъ на вершину славы и могущества или низвергаетъ въ ничтожество. Это восхожденіе и паденіе государственнаго счастья составляютъ двѣ части *Колеса счастья*. Это двѣ пьесы, составляющія собственно одно сочиненіе, два различныя дѣйствія, съ одними дѣйствующими лицами, и выражающія одну мысль — непостоянство счастья сановника. Мы находимъ, что это дѣленіе, принятое во многихъ нынѣшнихъ испанскихъ драмахъ, представляетъ значительныя выгоды; оно удобнѣ всякой другой формы для обширнаго и подробнаго развитія предмета; позволяетъ растянуть драматическую мысль, извлечь изъ нея всевозможные эффекты безъ сбивчивости, представлять противоположныя фазы жизни избраннаго лица, не ускоряя хода дѣйствія, различныя стороны чувствъ и характеровъ, не жертвуя одною частію другой, а напротивъ, собирая въ каждой всѣ свойственные ей элементы интереса. Обѣ драмы взаимно объясняютъ другъ друга для наблюдательнаго зрителя, который можетъ видѣть одного человѣка въ различныхъ дѣйствіяхъ, преобразованнаго лѣтами, нравственными испытаніями и событіями жизни, если поэтъ успѣлъ уловить всѣ эти постепенныя измѣненія человѣческой природы. Замѣтимъ кстати, что эту форму преимущественно избирали самые возвышенные умы; что къ ней прибѣгали самые противоположныя таланты, Шиллеръ и Бомарше. — Комедія Руби, для исторической комедіи, немного вольно обращается съ исторіею; можно бы ей пожелать болѣе твердой и плотной ткани, иногда даже болѣе логики и истины въ вымыслѣ; но какъ часто случается, что произведеніе полное невѣроподобія и недостатковъ, бросающихся

каждому въ глаза, привлекаетъ насъ тѣмъ, что заставляетъ насъ задуматься?—а это важное достоинство! Таково и *Колесо счастья*, краеугольный камень, на которомъ зиждется литературная слава Руби, и съ которымъ не могутъ сравниться, изъ прочихъ произведеній его, ни его живописные очерки андалузскихъ нравовъ, напр. *Майренскій базаръ*, *Карденскій постоялый дворъ*, *За крестомъ — чортъ*, ни его опыты серьезной комедіи, каковы: *Искусство богатѣть*, *Вступленіе въ свѣтъ* или *Дворъ Карла II*, запрещенный въ прошломъ году, какъ опасный намекъ. Всѣ эти произведенія доказываютъ гибкость таланта Руби; *Колесо счастья* свидѣтельствуетъ въ немъ талантъ высокій и могучій.

Мы уже говорили, что XVIII вѣкъ доставилъ автору сюжетъ его комедіи; или по-крайней-мѣрѣ служитъ рамкою, въ которую онъ вставилъ свой вымыселъ. Дворъ Фердинанда VI избралъ Руби поврищемъ, на которомъ совершается это возвышеніе человѣка изъ самой низкой сферы на верхъ богатства, славы и могущества и обрушеніе на него самого этого блестящаго зданія. Представьте себѣ затрудненія, безпрестанно возникающія подъ стопами этого человѣка, вышедшаго изъ ничего, съ одной стороны оскорбленія надменной глупости, и рядомъ съ ними—тайное покровительство, ведущее его къ почестямъ, скрытыя страсти, сообщающія ему свои силы и поддерживающія стремленіе его генія, подлую лесть, окружающую его по мѣрѣ его возвышенія, или вообразите его свергающаго съ себя онеку людей, способствовавшихъ его возвышенію: какой обильный источникъ для комическаго поэта! И Руби старался изобразить весь этотъ міръ: — пронырливаго царедворца, старающагося прежде всѣхъ преклониться передъ восходящимъ свѣтиломъ, надменнаго вельможу, гордую и мстительную *камареру*, требующую, чтобы все покорялось ея прихоти, хитраго, неутомимаго просителя, упорнаго честолюбца, и наконецъ, надъ всѣмъ этимъ раемъ, человѣка, возвысившагося своимъ личнымъ достоинствомъ, и который также иногда ослабляется собственною славою.—*Колесо счастья* открывается простою, но оригинальною картиною. Дѣйствіе происходитъ въ деревенькѣ Ріалской области, у зажиточнаго земледѣльца, благороднаго и независимаго, который далъ у себя убѣжище одному вельможѣ, графу Сан-Телло, удаленному отъ двора съ дочерью, доньєю

Кларою. Земледѣлецъ живетъ съ своими гостями, какъ съ друзьями; вознагражденіе за свое гостепрѣимство онъ счелъ бы оскорбленіемъ; онъ смотритъ на графа Сан-Телло и на донью Клару, какъ на членовъ своего семейства. Эта простая, патриархальная жизнь, хотя и тягостна подъ часъ гордому графу, однако-же по-видимому не могла бы родить бури; между тѣмъ въ ней кроется опасность. Любовь, вспыхнувшая всѣмъ огнемъ молодости, и поддерживаемая непринужденностью взаимныхъ отношеній, тайно связываетъ сердца доньи Клары и Зенона, сына земледѣльца Морисіо. Дѣло весьма естественное для молодой дѣвушки, чистой и простодушной, не успѣвшей еще заразиться придворною атмосферою, и молодаго человѣка, въ которомъ воспитаніе выше его круга развило благородные помыслы, стремленіе къ славѣ, которому нужно только открыть себѣ путь! И самъ Морисіо, когда сынъ открываетъ ему свою любовь, не находитъ въ ней ничего противнаго здравому смыслу, и естественнымъ результатомъ ея считаетъ добрую свадьбу. Но не такъ думаетъ графъ Сан-Телло; гордость его оскорбляется такимъ предложеніемъ; тѣмъ болѣе, что онъ получилъ помилованіе и снова призванъ ко-двору. Графъ ѣдетъ въ Мадридъ, и разстается съ добрымъ хозяиномъ съ равнодушіемъ неблагодарности; донья Клара слѣдуетъ за нимъ со слезами, и унося въ сердцѣ неизмѣнную любовь. Морисіо оскорбленъ надменнымъ отказомъ графа; Зенонъ съ пылкостью молодости, страсти, требующей удовлетворенія, и генія, сознающаго свое блестящее назначеніе, скоро забываетъ первое уныніе, чтобы стремиться за побѣдою и местию. — Изображеніе этого сельскаго быта, надъ которымъ въ концѣ восходитъ заря новаго быта, полна невыразимой прелести; тутъ тотчасъ является уму контрастъ, въ которомъ нѣтъ ничего вымышленнаго. Этотъ молодой человѣкъ съ такими благородными, великими стремленіями, влюбленный въ молодую дѣвушку, и бросающійся такъ смѣло въ темную будущность, сдержалъ слово, приписанное ему авторомъ *Колеса счастья*. Изъ этого скромнаго міра вышла одна изъ величайшихъ испанскихъ министровъ XVIII вѣка. Этотъ Зенонъ де Сомодевила сталъ впоследствии маркизомъ де ла Энееньяда, тѣмъ великимъ государственнымъ мужемъ, который замышлялъ освободить свое отечество отъ тяготѣв-

шихъ на немъ налоговъ, замѣнивъ ихъ однимъ налогомъ, и вмѣсто слабой политики предшествовавшаго періода, дать Испаніи новую политику, полную силы и жизни, — политику нейтралитета между Франціею и Англіею. Поэтъ представляетъ намъ начало этой славы, начало простое и скромное, но въ которомъ можетъ быть болѣе истины, чѣмъ въ самой исторіи. Разумѣется, въ глазахъ историка, умъ достаточенъ для объясненія быстраго возвышенія. Однакоже поэзія чуть ли не скорѣе права, въ смыслѣ челоуѣчества? Между всѣми людьми, возвысившимися подобно Зенону де Сомодевилья, силою собственнаго генія, не найдутся-ли такіе, которые сознаются, что страсть, справедливое чувство мести, были первыми источниками ихъ силы и генія.

Съ этой точки зрѣнія, мысль Руби намъ кажется весьма естественною и удачною. Авторъ сильною чертою обозначаетъ отходную точку, темную и безславную, какъ бы за тѣмъ, чтобы придать больше яркости блеску, который долженъ скоро окружить его героя. Онъ будто напередъ и умышленно противопоставляетъ эту картину сельскаго спокойствія тревогамъ, съ которыми будетъ бороться Зенонъ, и въ которыхъ увянетъ не одна его добродѣтель, не одна надежда, не одна безкорыстная и благородная мечта. Мы не будемъ подробно разбирать *Колеса счастья*, слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми обстоятельствами, за строгимъ ходомъ явленій. Стоить только вникнуть въ развитіе характеровъ, чтобы угадать ходъ дѣйствій въ обѣихъ частяхъ комедіи. Одно изъ главныхъ лицъ — маркиза Торрекузо, которой образъ ярко выступаетъ въ обѣихъ пьесахъ; въ обѣихъ является она въ полномъ смыслѣ придворною женщиною, знакомою со всѣми дворцовыми тайнами, ловкою и смѣлою въ тайныхъ политическихъ переговорахъ, умѣющею скрывать свои страсти подъ личиною позволительныхъ побужденій, одаренною въ высшей степени придвornoю наукою, т. е. умѣніемъ хитро и мило вести интриги; но въ то же время она является въ каждой въ совершенно различномъ свѣтѣ. Въ первой части, это знатная покровительница, очарованная красотою и умомъ Зенона, полагающая свое самолюбіе въ томъ, чтобы возвысить молодаго челоуѣка, проложить ему путь сквозь всѣ препятствія и слѣзать его такимъ образомъ достойнымъ любви, которую она тайно питаетъ

къ нему; она вкрадчива и привѣтлива, нѣжна и смѣла, умна и пламенна. Во второй части, это женщина, жаждущая мести, ибо Сомодевилья презрѣлъ ея любовь. Равно дѣятельная во враждѣ, какъ и въ любви, она употребляетъ всѣ средства, какія можетъ изобрѣсти оскорбленное женское сердце. Она язвительна, надменна, насмѣшлива и вѣроломна; она успокоивается тогда только, когда успѣла подкопать могущество того, который нанесъ жестокой ударъ ея самолюбію. Ничего нельзя себѣ представить свободнѣе и оригинальнѣе сцены, въ которой оба главныя лица объявляютъ другъ другу войну. Маркиза вполнѣ выказывается въ ней съ своимъ оскорбительнымъ тономъ, язвительными намеками, которые вливаются въ самое сердце ла-Энсеньяды; разговоръ живъ, боекъ, и полонъ вѣжливой, свѣтской грубости.

Ла-Энсеньяда. Каждое ваше слово, маркиза, отзывается тайнымъ лдомъ.

Маркиза. Вы думаете?

Ла-Энсеньяда. А это почти тоже, что разрывъ...

Маркиза. А вы его очень желаете?

Ла-Энсеньяда. Желая? нѣтъ, маркиза; сказать правду, я его и не желаю, и не страшусь.

Маркиза. Такъ будь по вашему!

Ла-Энсеньяда. Пожалуй! и почемужъ бы нѣтъ? Война, такъ война, когда вамъ такъ угодно! Однако-же не мѣшало бы хорошенько подумать о томъ, что вы дѣлаете; ибо, что ни говорите, я сильнѣйшій, и не желалъ бы, — увѣрю васъ, — чтобы въ этой неровной борьбѣ, вы, перлъ Испаніи, были принуждены удалиться на чужую землю.

Маркиза. То есть, вы мнѣ уже грозите напередъ!

Ла-Энсеньяда. Нѣтъ, не грожу... а только предупреждаю васъ.

Маркиза. И не бойтесь, чтобы та, которая съумѣла возвысить васъ, съумѣетъ васъ и низвергнуть?

Ла-Энсеньяда. О, маркиза, не то ужъ время.

Маркиза. Но можетъ еще настать такое же время... Почему знать?

Ла-Энсеньяда. Вы конечно, будете стараться о томъ всѣми силами?

Маркиза. Будетъ остриться! слушайте. Вы видѣли давеча этотъ цвѣтокъ свѣжимъ и прекраснымъ; теперь вотъ онъ въ вашихъ рукахъ, вялъ и безцвѣтенъ: какъ бы не случилось тоже самое съ вашимъ могуществомъ.

Ла-Энсеньяда. Вы кажется забываете, маркиза, что вѣдь я не цвѣтокъ; ла-Энсеньяду можно бы скорѣ сравнить съ крѣпкимъ деревомъ.

Маркиза. Буря, когда она постоянна, вырываетъ подчасъ и самое крѣпкое дерево.

Ла-Энсеньяда. Стало бытъ, вы крѣпко надѣетесь на усѣхъ; но я долженъ васъ предупредить, что я глубоко пустилъ корни.

Маркиза. Хорошо! дайте только время...

Ла Эисеньяда. Долгомъ считаю вамъ повиноваться...

Маркиза. Что-же, вы теиерь не влете къ королю?

Ла Эисеньяда. Его величество, надѣюсь, извинитъ меня; меня въ эту шпунту жаутъ....

Маркиза. Истый рыцарь!... Для васъ дама прежде всего; счастливица донья Писса!.. О, вы правы, не должно заставлять ждать себя; пора, пора, маркизь, она пожалуй прогнѣвается.

Ла Эисеньяда. Иду, прекрасная маркиза; не столько, чтобы быть у нея, сколько для того, чтобы слѣзая вамъ угодное.

Маркиза. Да наградитъ она вашу исправность!

Ла Эисеньяда. Небо да услышитъ и да хранитъ васъ, маркиза!

Маркиза, *идя къ покоямъ короля, въ сторону.* А, маркизь, вспомнишь, да будетъ поздно!

Ла Эисеньяда, *уходя въ другую сторону.* Все пустяки!... Неможно заревновала!

Эта сцена кажется достаточно показываеъ образъ придворной интригантки, начерченный авторомъ *Колеса счастья*. Возьмемъ еще характеръ Морисіо, который составляетъ противоположность маркизѣ Торрекузо, и которымъ можетъ гордиться его творецъ. Всегда открытый, простодушный, грубоватый, Морисіо является въ комедіи олицетвореніемъ здраваго смысла; но много благородныхъ чувствъ кроется подъ этою грубою, мужицкою оболочкою; и подчасъ эти чувства высказываются съ простымъ, но мужественнымъ краснорѣчіемъ, невольно увлекающимъ слушателя. Какимъ онъ былъ въ своей избѣ въ Ріохѣ, когда изливалъ свое негодованіе въ одномъ простомъ словѣ: «Сынъ, онъ кажется насъ презираеъ!» такимъ же онъ является во дворцѣ сына, когда приходитъ къ нему съ совѣтомъ, напоминаетъ ему его рожденіе, и остается предохранить его отъ ослѣпленія, не рѣдко сопровождающаго могущество. Много глубокихъ мыслей, и вмѣстѣ комизма въ сценѣ, когда Морисіо, пользуясь своею отеческою властію, безъ жеманства и безъ смущенія, даетъ совѣты ла Эисеньядѣ, который слушаетъ его съ сыновнимъ почтеніемъ. Въ грубоватомъ прямодушн земледѣльца есть какое-то простое величіе, не уступающее величію министра.—Что касается самого героя пьесы, Зенона де Сомодевилы, котораго характеръ всѣхъ болѣе стоилъ внимательнаго изученія, надо сознаться, что это наименѣе удачное лицо въ комедіи. Поэтъ тутъ болѣе колебался, потому-что былъ окруженъ историческими воспоминаніями, освящающими образъ ла Эисеньяды. Трудно было въ

самомъ дѣлѣ, не уменьшитъ государственнаго мужа, проводя жизнь его подъ мѣрку романческаго дѣйствія. Однако-же, если забыть историческія невѣрности, которыми изобилуетъ созданіе Руби, нельзя не признать челоуѣчественной истины и занимательности въ изображеніи этого лица въ такія различныя эпохи, въ противоположности положеній, въ которыхъ представляютъ его обѣ части комедіи. Взгляните на Сомодевиллю въ той и другой пьесѣ, изображающихъ зарю и закатъ его величія. Въ первой, все ему улыбается; жизнь открывается передъ его юнымъ геніемъ, препятствія только подстрекаютъ его стремленіе. Геній и любовь сливаются въ его душѣ, и указываютъ одну цѣль его усиліямъ. Если онъ любимъ, то это ради его самого, а не ради его сана и богатства. Такова безкорыстная, преданная любовь доньи Клары, избравшей его еще въ низкой долѣ. Онъ возвышается надъ толкою потому, что геній его сковываетъ всѣ умы благоговѣніемъ; вражда и зависть еще не успѣли возникнуть около него и остановить его полета; успѣхъ — необходимая развязка этого періода его жизни. — Не то уже во второй фазѣ, представляемой поэтомъ. Тутъ все измѣняется; благородные двигатели его души ослабли; чувства не имѣютъ уже прежняго значенія. Благородное стремленіе къ общему благу обратилось въ умное честолюбіе; не любовь уже прежній непреодолимый рычагъ, а расчетъ; она не влечетъ уже сердца къ славному дѣлу; напротивъ, она можетъ скорѣе быть препятствіемъ, и на нее уже смотрятъ, какъ на пустое препровожденіе времени. Чадъ гордости вскружилъ голову тому, который недавно еще самъ долженъ былъ выносить гордость другихъ. Уже нѣтъ у него безкорыстныхъ друзей, его окружаютъ одни льстецы, которые разбѣгутся при первой измѣнѣ счастья. Женщина любить его за тѣмъ только, чтобы раздѣлить его почести и славу, не заботясь о его счастья, такова Инесса де Сандоваль во второй части *Колеса счастья*. Онъ отрекся отъ прежнихъ своихъ качествъ, и останется безъ оружія противъ возбужденной имъ вражды; онъ низойдетъ до интриги, и погибнетъ отъ интриги. Паденіе его въ концѣ этой фазы также логически необходимо, какъ успѣхъ, заключившій первую. — Странное явленіе силы челоуѣка, идущаго на завоеваніе своей будущности, и совершеннаго его безсилія, по достиженіи желанной

цѣли! Нельзя сказать, чтобы Руби представилъ эту картину во всей полнотѣ и со всюю силою, какихъ она требовала; но спасибо за то, что онъ указалъ въ *Колесѣ счастья* на богатые элементы, которыхъ уже не нужно будетъ открывать тому, кто захочетъ и будетъ въ состояніи начертать картину.

Таковы замѣчательные таланты, явившіеся на поприщѣ новѣйшей испанской комедіи; таланты, надо сознаться, болѣе легкіе, чѣмъ глубокіе, которые часто наводятъ на счастливыя мысли, но не выражаютъ ихъ, набрасываютъ предметъ, а не истощаютъ его. Если кто захочетъ сравнить между собою достоинства Бретона де лосъ Герреросъ, Вентуры де ла Веги и Руби, то можно легко обозначить одною чертою характеръ каждаго изъ нихъ. Въ Вегѣ находимъ мы какую-то правильность и особый оборотъ мысли, напоминающіе Моратина; онъ преимущественно старается изучить какую нибудь человѣческую слабость, логически развить ее, раскрыть интересъ, заключающійся въ вѣрномъ сочетаніи страстей. Онъ можетъ быть единственный въ наше время испанскій писатель, способный анализировать и вполне передать характеръ. — Въ очеркахъ Бретона болѣе разнообразія. Благодаря своему тонкому и живому уму, онъ не теряется въ непостоянствѣ переходной эпохи. Никто лучше его не умѣетъ уловить послѣдняго слѣда теряющагося обычая, подмѣтить новой слабости, при самомъ ея появленіи. Онъ преимущественно изображаетъ нравы среднихъ и низшихъ сословій. — Талантъ Руби отличается болѣе строгимъ изяществомъ, благородствомъ, врожденною развязностью, необходимыми для вѣрной передачи жизни и нравовъ высшихъ классовъ, придворнаго міра, гдѣ все принимаетъ колоритъ непринужденной величавости, и самый порокъ получаетъ привѣтливую наружность. — Такимъ образомъ, эти три писателя представляютъ главныя стороны новѣйшей испанской комедіи. У Бретона преобладаетъ живая, насмѣшливая фантазія; Вега интересуется нравственнымъ анализомъ; Руби пытался создать историческую комедію въ *Колесѣ счастья* и въ *Дворѣ Карла II*. Справедливость требуетъ, чтобы мы упомянули здѣсь о разныхъ очеркахъ политическихъ нравовъ, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаетъ *Честолюбіе* Рамона Наварете.

Комическое мышленіе въ Испаніи только-что возродилось,

оно едва вырывается изъ горячей колыбели революціи, и уже видно, какіе пути оно себѣ пролагаетъ, въ какія формы оно хочетъ облечься, что можетъ содѣйствовать его развитію, съ какими вліяніями оно должно бороться. Любопытно подмѣчать признаки его жизненности, наблюдать, какъ оно пытается свои силы. Испанія представляетъ нынѣ обильную пищу комическому наблюденію; смѣшныя слабости не истощились; дурныя наклонности не оставили, по какому нибудь чуду, сердце современниковъ; ядъ порока не притупился; новая цивилизація не искореняетъ, а только видоизмѣняетъ людскія сладости. «Человѣкъ въ сущности всегда тотъ же; онъ только мѣняетъ личину, говоритъ сатирикъ, котораго мы уже приводили, Мессонеро Романосъ; царедворецъ, поклонявшійся прежде королямъ, теперь поклоняется народу, и называется трибуномъ; хавжа сталъ филантропомъ и гуманитаріемъ; бездѣльный буянъ сталъ заговорщикомъ и патриотомъ; матушкинъ сынокъ гоняется за должностями; ремесленникъ и макола называются свободными гражданами и державнымъ народомъ.» Этотъ перечень можно бы еще пополнить: зачѣмъ авторъ упустилъ тѣхъ спекуляторовъ, явившихся богъ-знаетъ откуда, биржевыхъ царей, благоволящихъ принимать должность министровъ; тѣхъ честолюбцевъ, которые умѣютъ держаться въ равновѣсіи среди всѣхъ партій, и наконецъ, рядомъ съ бѣднякомъ, мѣтящимъ въ *державный народъ*, вельможъ, унижающихъ свой родъ своимъ сумазбродствомъ или слабоуміемъ? — Слѣдовательно, не матеріалу не достаетъ комедіи, также и не свободы; но игривый и изящный умъ достаточенъ ли для того, чтобы дать жизнь этой картинѣ? Нѣтъ; для того, чтобы бачевать олицетвореніями современные пороки, требуется язвительная и изобрѣтательная иронія Аристофана; нужна мощная мышца, для того, чтобы, по выраженію Монтаня, «заверотить глупое лохмотье, прикрывающее нравы.» — Вотъ шагъ, который остается сдѣлать испанской комедіи для того, чтобы ей озариться прочною славою. Во всякой литературной революціи бываетъ важный рѣшительный моментъ, когда отъ опытовъ, какъ бы они ни были удачны, должно переходить къ болѣе ясному и опредѣлительному выраженію идеи эпохи: умные литераторы совершили свои опыты въ испанской комедіи; но явится ли гений?

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

LE MARI ANONYME. (Безыменный мужъ), водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, сочъ *Депри и Лафитта*, (Театръ *Драматической Гимназіи*.)

Дѣйствіе происходитъ не то въ Португаліи, не то въ Испаніи, въ военное время. Какой-то баронъ выдаетъ замужъ дочь; все готово къ свадьбѣ, ждутъ только жениха. Прекрасной Еленѣ очень не хочется замужъ; донъ Хозе Пералесъ ей не по-сердцу; да вѣдь и въ дѣйствительности отцы не всегда спрашиваютъ сердце дочерей, а тѣмъ менѣе въ водевилѣ. Вдругъ въ домъ барона является капитанъ Гарсіасъ, посланный отыскать и повѣсить какихъ-то заговорщиковъ, покушавшихся схватить короля. Неизвѣстно, почему донъ Гарсіасъ рѣшился ждать ихъ именно въ домѣ барона. Разставивъ военные караулы, онъ удаляется. Вскорѣ раздаются выстрѣлы, въ окно бросается очень миловидный молодой человѣкъ, въ офицерскомъ мундирѣ; полицейское чутье видно не обмануло капитана: это одинъ изъ заговорщиковъ. Елена, тронутая его

положеніемъ, рѣшается его спасти; на это есть одно средство, выдать его за жениха и нарядить въ его платьѣ. Донъ Гарсиасъ возвращается, и видя незнакома, спрашиваетъ, кто онъ такой? Мой женихъ, отвѣчаетъ Елена; баронъ не смѣетъ ей противорѣчить, чтобы не подвергнуться отвѣтственности за передержательство заговорщика. Но однихъ словъ мало; чтобы не возбудить подозрѣнія грознаго капитана, Елена должна дѣйствительно выдти за незнакомаго молодаго человѣка. Она не горюетъ; выходить замужъ, такъ ужъ лучше за молодаго красавца, чѣмъ за нестерпимаго дона Хозе. Между-тѣмъ является настоящій женихъ; капитанъ его спрашиваетъ, и полагая, что онъ ложно называется дономъ Пералесомъ, велитъ его задержать; донъ Хозе требуетъ, чтобы его представили барону. Но баронъ не хочетъ надѣть себѣ петли на шею; онъ объявляетъ, что не знаетъ его, и что онъ долженъ быть обманщикъ.

Проходитъ много лѣтъ. Донъ Пералесъ, баронъ и его дочь при Португальскомъ Дворѣ. Таинственный мужъ Елены скрылся, донъ Пералесъ ищетъ его, чтобы его повѣсить. Но ему является другой опасный соперникъ. Самъ король, отъ нечего дѣлать, пишетъ Еленѣ любовныя записочки. Вдругъ является молодой офицеръ, пользующійся расположеніемъ короля: это мужъ Елены. Донъ Фернандо прибылъ ко двору, чтобы увѣриться въ любви и вѣрности своей супруги; до него дошли слухи о видахъ монарха на онъ намѣренъ, во что-бы ни стало, отстоять свою честь. Король назначилъ свиданіе Еленѣ; встрѣчается лицомъ къ лицу съ Фернандомъ, который открываетъ ему, что онъ мужъ Елены. Ты будешь повѣшенъ, говоритъ король въ гнѣвъ. Между-тѣмъ является королева. Фернандо ввѣрилъ ей свою жену, и передалъ ей всѣ любовныя записки, писанныя къ Еленѣ придворными волокитами. Король въ страшномъ безпокойствѣ; онъ боится, чтобы въ томъ числѣ не оказались и его собственноручныя записки, и снова грозитъ дону Фернанду смертью. Донъ Фернандо вынимаетъ изъ кармана роковыя письма и возвращаетъ ихъ по принадлежности. Король, тронутый его поступкомъ, прощаетъ его, даетъ ему графскій титулъ, и проч. и проч. Долгъ платежъ красенъ.

Первое дѣйствіе обѣщало хорошую пьесу; но второе — растянуто и неправдоподобно. Впрочемъ, въ подробностяхъ пьеса умна, жива, и написана хорошимъ языкомъ. Успѣхъ.

LA SIRÈNE DU LUXEMBOURG. (Люксембургская сирена), водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Бивилля*. (Театръ *Разнообразія*.)

Г. Лекоку, полицейскому сыщику, грозятъ отрѣшеніемъ отъ должности, если онъ не отыщетъ таинственной женщины, которая каждый вечеръ похищаетъ молодаго человѣка, и на слѣдующій день выбрасываетъ его на улицу, обобравъ все, что у него было. Почтенный г. Лекокъ думаетъ не придумаетъ, какъ ему вырваться изъ петли. Наконецъ, онъ находитъ на счастливую мысль. У Лекока есть сынъ, Аристидъ Лекокъ, будущій тиранъ женскихъ сердець. Вотъ батюшка, разрядивъ своего сынка, посылаетъ его гулять по Люксембургскому Саду, съ тѣмъ, чтобы онъ далъ себя похитить; разумѣется, кругомъ разставлены полицейскія очи. Аристидъ встрѣчается въ саду съ прекрасною молодою женщиною, вступаетъ съ нею въ разговоръ и ведетъ дѣло такъ ловко, что она назначаетъ ему свиданіе. Аристидъ рассказываетъ свой подвигъ отцу. Нѣтъ сомнѣній, они напали на слѣдъ краснаго звѣря. Въ назначенное время, Аристидъ является на свиданіе; за нимъ слуга негръ, который никто иной, какъ самъ г. Лекокъ, отецъ. У входа располагается цѣлый конвой полицейскихъ, готовыхъ ринуться на первый зовъ. Горничная вводитъ Аристиду въ пышные покои; скоро является прекрасная хозяйка, принимаетъ его очень любезно и приглашаетъ съ собою отужинать. Аристидъ сидитъ будто на иголкахъ. Вдругъ среди ужина раздается ужасный шумъ: Аристиду кидаетъ въ холодный потъ. Что-же такое? У прекрасной хозяйки есть знатный покровитель, которому вздумалось спрятаться, чтобы подстеречь поведеніе красавицы; г. Лекокъ съ своею командою, обшаривая всѣ углы, наткнулся на него, принявъ его за

вора и схватилъ. Оказывается, что покровитель — членъ Директоріи; чтобы дать приличный видъ дѣлу, красавица подсказываетъ Аристиду какую-то сказку, которая вполне успокоиваетъ ревниваго покровителя и всѣ остаются довольны, кромѣ публики. Г. Лекокъ, не только сохраняетъ свою должность, но еще повышается въ чинѣ, въ награду, за примѣрное усердіе къ службѣ.

Пьеса запутанная, вялая и скучная. Она еле-еле продержалась въ первое представленіе, а во второе рѣшительно упала.

LES SIFFONIERS (Ветошники), пьеса въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ—пантомимомъ и эпилогомъ—попури, соч. *Баяра, Соважа и Фредерика де Курси.* (Театръ Пале-Рояля.)

Ветошниковъ Лишамора и Гобишона, засидѣвшихся въ кабацкѣ долге опредѣленнаго времени полицейскими правилами, выталкиваютъ за дверь. Гобишонъ, пьяный какъ стелька, падаетъ на мостовую и засыпаетъ. Проходить женщина съ новорожденнымъ ребенкомъ и роняетъ записку. Лишаморъ поднимаетъ записку; въ ней объявляется, что ребенокъ, представляемый въ Воспитательный Домъ, знатнаго происхожденія; имя родителей непоказано. Пока Лишаморъ разбираетъ по складамъ находку, ему приносятъ собственнаго его ребенка, котораго кормилица не хочетъ долге держать безъ денегъ. Лишаморъ пьяница, лѣнтяй. Куда ему дѣваться съ ребенкомъ? не такой онъ дуракъ, чтобы самому терпѣть для прокормленія и воспитанія сына. Онъ кладетъ ребенка въ мѣшокъ добраго Гобишона, который и воспитаетъ его, какъ роднаго.

Прошло двадцать лѣтъ, ветошники собрались у тетки Бризмишъ, своей маркитантки, пообѣдать и разобрать свою ветошь. Андиміонъ, пріемьшъ Гобишона, прожора, лѣнтяй, честолюбецъ, презирающій свое званіе, влюбленъ по-уши въ хорошенькую гризетку. У Бастренгетты есть любовникъ, молодой щоголь по имени Тристанъ; но такъ-какъ онъ оставилъ ее,

чтобы жениться на Крестинь, дочери нотариуса Робильяра, то она обѣщаетъ Андиміону выйти за него, если онъ покинетъ свое званіе. Андиміонъ отыскалъ записку, найденную при немъ въ мѣшкѣ Гобишона, и рѣшается воспользоваться ею. Какъ нарочно, Гобишону надо идти къ Робильяру, отдать оброненный имъ перстень; Андиміонъ идетъ съ нимъ. У Робильяра все готово къ свадьбѣ. Но разсматривая документы, Робильяръ замѣчаетъ, что время рожденія Тристана предшествуетъ замужеству его матери, г-жи Жирардо. Не описка ли? Нѣтъ, г-жа Жирардо сознается, что онъ родился до ея замужества, и что она была принуждена отдать его на время въ Воспитательный Домъ, чтобы укрыть отъ преслѣдованій сильныхъ родственниковъ ея покойнаго мужа. Андиміонъ приходитъ посоветоваться съ нотариусомъ на счетъ найденной при немъ записки. Г-жа Жирардъ узнаетъ записку; это ея рука, ея подпись начальною буквою. — Андиміонъ, стало-быть, ея сынъ? — Андиміонъ поселяется въ домъ г-жи Жирардо. За нимъ являются Лишаморъ и Гобишонъ, пошировать на счетъ своего знатнаго пріемьша. Г-жѣ Жирардо не вѣрится, что Андиміонъ ея сынъ; сердце матери не ошибается, тутъ должна крыться какая нибудь тайна. Дѣлаютъ розыски, отыскиваютъ бывшую горничную г-жи Жирардо, которая изъ любви къ крѣпкимъ напиткамъ, пошла въ ветошницы. Она объявляетъ, что получила изъ Воспитательнаго Дома того самого ребенка, котораго отдавала, но что записку она затеряла. Стало-быть, Тристанъ точно сынъ г-жи Жирардо. — Чей же сынъ Андиміонъ? — Мой, кричитъ пьяный Лишаморъ и объясняетъ все дѣло. Пьеса заключается свадьбою Андиміона и Бастренгетты. Ветошники и ветошницы собрались въ кабакъ, поютъ, пьютъ и пляшутъ. Тристанъ, обрадованный открытіемъ, подарилъ молодымъ нѣсколько банковыхъ билетовъ, и они на радости, задали пиръ горой всей своей роднѣ и братьѣ.

Пьеса имѣла огромный успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ она жива, замысловата, хорошо ведена, какъ все, что выливается изъ-подъ талантливаго пера Баяра. Картина, заключающая ее, сборъ самыхъ остроумныхъ куплетовъ и милыхъ напѣвовъ. Характеръ и бытъ ветошниковъ схваченъ весьма вѣрно. Поговариваютъ, что когда слухъ объ этой пьесѣ дошелъ до ветошниковъ, они положили цѣхомъ отправиться въ театръ, и

убѣдиться собственными глазами, точно-ли они дожили до чести занимать парижскую публику.

LE CHEVALIER DE MAISON-ROUGE (Шевалье де Мезонпружъ), эпизодъ изъ временъ Жирондистовъ, въ пяти дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ; соч. Александра Дюма и Маке (*Историческій Театръ*.)

Патруль останавливаетъ молодую женщину, нарушившую приказъ городского правленія, запрещающій ходить по улицамъ, послѣ 10 часовъ, безъ свидѣтельства о гражданствѣ; ее ведутъ на ближайшую гаубтвахту; но молодой офицеръ, Морисъ Ленде, членъ Муниципальнаго Совѣта вступаетъ за нее, и освобождаетъ ее съ помощью своего пріятели Лоррена, командующаго патрулю національной гвардіи. Незнакомка, не хотѣвшая открыть откуда она и куда идетъ, должна быть изъ подозрительныхъ, и потому подвергается многимъ опасностямъ. Морисъ, пораженный ея красотою, и движимый запавшею въ сердце его любовью, проситъ ее сказать только свое имя, чтобы онъ могъ твердить его въ одиночествѣ, какъ имя полюбившаго его ангела. Взявъ съ него клятву не слѣдовать за нею, не слѣдить даже за нею глазами, и надѣвъ ему на палецъ перстень, залогъ благодарности, молодая женщина скрывается въ темномъ переулкѣ, шепнувъ ему имя *Женевьевы*.

Любовь Мориса усиливается съ каждымъ днемъ. Женевьева предметъ всѣхъ его помысловъ; одно у него желаніе: видѣть ее; день и ночь бѣгаетъ онъ по предмѣстью, въ которомъ ее встрѣтилъ. Но эти загадочные поиски навлекаютъ на него подозрѣніе въ шпіонствѣ; однажды вечеромъ, его схватываютъ, связываютъ, затыкаютъ ему ротъ и несутъ въ неизвѣстный ему домъ, гдѣ его немедленно бы умертвили; но въ эту минуту входитъ женщина, узнаетъ его, и спасаетъ отъ вѣрной смерти. Эта женщина Женевьева, жена Дикомера, хозяина дома! Узнавъ въ Морисѣ спасителя Женевьевы, Дик-смеръ не только оставляетъ ему жизнь, но даже проситъ его дружбы и ввѣряетъ ему всѣ свои тайны. Онъ самый богатый кожевникъ въ предмѣстьи и съ своимъ товарищемъ и другомъ Мораномъ, ведетъ огромную, прибыльную торговлю кон-

трабандою. Вотъ почему онъ боялся Мориса, считая его за таможенного лазутчика; собственная безопасность заставляла его зажать ему ротъ смертью.

Но этотъ разсказъ Диксмера—вымыселъ; ремесло кожевника служить только завѣсою, для исполненія замысла, на который Диксмеръ обрекъ свою жизнь, состояніе, семейство и друзей. Онъ задумалъ спасти королеву, заключенную въ Тамплѣ; товарищъ же его, Моранъ, никто иной, какъ извѣстный шевалье де Мезонружъ, котораго вездѣ ищутъ, и котораго имя раздастся во всѣхъ бесѣдахъ. Диксмеръ, пользующійся своимъ ремесломъ и богатствомъ, званіемъ капитана національной гвардіи, добрымъ именемъ и уваженіемъ согражданъ, какъ средствами для достиженія предположенной цѣли, видитъ новую выгоду въ любви Мориса, и несмотря на ревнивую привязанность къ женѣ, велитъ ей поощрять его любовь. Между-тѣмъ, замыселъ Диксмера и Морана быстро подвигается впередъ, они купили домъ въ окрестностяхъ Тампля, и прорыли подземный ходъ, ведущій въ подвалъ тюремной маркитантки. Остается только предупредить королеву. Настаетъ день, назначенный для исполненія заговора. Караулъ въ Тамплѣ долженъ быть занятъ батальономъ Диксмера. Женеьева желаетъ видѣть заключенныхъ, Морисъ проводитъ ее. На дворѣ Морисъ покупаетъ у торговки букетъ цвѣтовъ для Женеьевы, которая отдаетъ его несчастной узницѣ. Къ несчастью, она роняетъ одинъ цвѣтокъ, тюремщикъ подбираетъ его и открываетъ въ немъ записку. Все открыто; принимаютъ строгія мѣры для предупрежденія бѣгства, розыски городского правленія открываютъ, что Диксмеръ зачинщикъ заговора и сообщникъ Мезонружа. Домъ окруженъ; Диксмеръ скрылся, одинъ Моранъ не успѣлъ бѣжать, и уже не уйдетъ, потому-что никого не выпустятъ безъ лозунга. Морисъ проникаетъ къ Женеьевѣ и застаётъ ее съ Мораномъ, который на этотъ разъ не скрывается и объявляетъ ему свое настоящее имя. Онъ погибъ; Морисъ не можетъ спасти его; долгъ гражданина запрещаетъ ему спасти заговорщика; собственная выгода притомъ заставляетъ его желать смерти того, кого онъ почитаетъ своимъ соперникомъ. Но когда онъ узнаетъ, что сердце Морана мѣтитъ гораздо выше, что предметъ его любви та, для которой онъ жертвуетъ жизнью, когда Женеьева бросается къ его ногамъ, умоляя спасти не-

счастливаго, когда она говоритъ: «Ради моей любви, спаси его, Морисъ, и я твоя!» Морисъ все забываетъ, и честь, и долгъ; и выдаетъ роковой лозунгъ; потомъ, когда онъ замѣчаетъ, что Женевьева скрылась вмѣстѣ съ Мезонружемъ, не крикъ раскаянія вырывается изъ его груди, а крикъ ревности и отчаянія.

Но Женевьева не измѣнила Морису; она приходитъ къ нему, клянется принадлежать вѣчно ему. Они рѣшаются бѣжать вмѣстѣ въ Англію, и подъ чужимъ небомъ забыть бѣдствія своей родины. Между-тѣмъ, въ отсутствіе Мориса, приходитъ Диксмеръ, пылая ревностью и местию; Женевьева бросается къ его ногамъ и проситъ смерти, какъ благодарія. Но Диксмеръ не убиваетъ ее, потому-что ея смерть не подвинетъ его замысла; онъ еще не отказался отъ надежды спасти королеву. Онъ купилъ должность писаря въ Консьержри, куда ее перевели. Онъ ведетъ съ собою Женевьеву; она должна помѣняться платьемъ съ королевою, которая выйдетъ переодѣтая, между тѣмъ, какъ Диксмеръ, съ помощью Мезонружа, убьетъ представленныхъ къ ней двухъ жандармовъ. Попытка не удалась; Диксмеръ бѣжитъ; Мезонружъ убитъ, а Женевьева схвачена и приговорена къ смерти.

Диксмеръ хочетъ видѣться съ женою; онъ промыслилъ себѣ два пропуска, и съ помощью ихъ проникнетъ въ залу, гдѣ содержатся приговоренные, передъ казнью. Но Лорренъ, слѣдившій за Диксмеромъ и рѣшившійся, во что-бы ни стало, соединить Мориса и Женевьеву, настигаетъ его, дерется съ нимъ, убиваетъ его и похищаетъ пропуска, съ которыми и является въ роковую залу. Отыскавъ Женевьеву, онъ сообщаетъ ей средство спасенія, ободряетъ ее, и уже увлекаетъ, какъ вдругъ раздается въ противоположномъ концѣ: «Женевьева!» Это голосъ Мориса; это онъ самъ; онъ отдался въ руки судей, чтобы не разлучиться съ Женевьевою.

Лорренъ въ отчаяніи; однако-же онъ скоро рѣшается, и говоритъ: Ступайте, мои друзья, вотъ вамъ два пропуска, третій останется при мнѣ; я иду вслѣдъ за вами. Любовники въ восторгъ вѣрятъ великодушной жи; они выходятъ, ворота заворачиваются за ними. При этомъ видѣ мужество Лоррена колеблется. Онъ собираетъ силы, и кричитъ имъ вслѣдъ: Прощайте, друзья, будьте счастливы и забудьте меня! Въ то же мгно-

веніе бьетъ четыре часа. Жирондисты отправляютъ послѣднюю свою трапезу. Лорренъ идетъ къ нимъ, съ распростертыми объятіями, и кричитъ: Дайте и мнѣ мѣсто; я тоже хочу умереть за отчизну и за свободу!

Какъ художественное произведеніе, новая пьеса Александра Дюма, новое свидѣтельство его паденія. Прежде Александръ Дюма писалъ трагедіи и драмы, въ которыхъ было, правда, много недостатковъ, но въ которыхъ была мысль и стремленіе, теперь же онъ выбираетъ эффективныя мѣста изъ моднаго романа, связываетъ ихъ, и даетъ имъ драматическую форму; другими словами, Дюма былъ прежде художникомъ, а теперь сталъ литературнымъ поденщикомъ. Что онъ в тутъ все-таки мастеръ своего дѣла, въ томъ никто и не споритъ; пьеса его, какъ произведеніе театральное, достигаетъ своей цѣли; несмотря на свои длинноты, она занимательна и эффектна до конца, есть даже мѣста очень хорошія, напоминающія прежняго Дюма, когда онъ только еще завоевывалъ литературную славу; послѣднія двѣ картины производятъ самый поразительный эффектъ; онѣ въ самомъ дѣлѣ прекрасны. Вообще пьеса имѣла огромный успѣхъ.

ЛЕА (Лея), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Поля Фуше* и *Бушарди*. (Театръ *Веселости*.)

Дѣйствіе 1-е. Уединенный домъ. Піетро Джіакомо, храбрый солдатъ генуэзской полиціи, единственный защитникъ, единственная опора сестры, оставленной на его рукахъ умирающею матерью. Лея должна скоро оставить Піетро, и выдти за Ганри де Монтелью, офицера французской арміи, союзницы Генуэзской Республики. Давая имя свое простой крестьянкѣ, Ганри де Монтелью силится забыть прежній, несчастный союзъ. Свѣтло и отрадно является будущее; какъ вдругъ Піетро получаетъ странную вѣсть отъ бродяги Скопетто. Бракъ долженъ быть отмѣненъ, во что-бы ни стало; въ противномъ случаѣ Лея погибла. Болѣе онъ ничего не могъ объяснить, потому-что клялся не измѣнять тайнѣ. Піетро придумываетъ уловку, чтобы оттянуть свадьбу. Благодаря случаю, скоро

представляется предлогъ. Дожъ и Генуэзскіе Штаты заключили союзъ съ Австрією, вслѣдствіе котораго Монтелью уже нельзя будетъ жить на генуэзской землѣ.

Дѣйствіе 2-е. Ужасная опасность угрожаетъ Ганри де Монтелью. Много лѣтъ назадъ, отецъ его, президентъ какого-то французскаго парламента, думая, что онъ несправедливо осудилъ невинную женщину, упросилъ сына жениться на ней, чтобы тѣмъ совершенно очистить ее въ глазахъ невѣрующихъ и снять грѣхъ съ души своей. Вскорѣ послѣ свадьбы, Ганри узналъ страшную истину; жена его была дѣйствительно виновна. На угрозы его уничтожить бракъ, разгласивъ ея преступленіе, она отвѣчала лицемѣрнымъ самоубійствомъ. Разумѣется, она скоро и воскресла. Внушивъ безумную страсть маркизу Ролло Адорно, начальнику австрійскихъ войскъ и Генуэзскому губернатору, она овладѣваетъ имъ до того, что онъ предлагаетъ ей руку и всѣ свои богатства. Но передъ Октавією возникаетъ непреодолимое препятствіе. Зарѣзать Монтелью? Опасно. Она прибѣгаетъ къ хитрости и вѣроломству. Зная любовь его къ Леѣ, она извѣщаетъ его подъ рукою о какой-то опасности, будто-бы угрожающей ей. Ганри, разумѣется, немедленно является, не думая о томъ, что онъ не можетъ безнаказанно ступить на генуэзскую территорию. Его схватываютъ и ведутъ, какъ шпіона, въ старыи генуэзскіи замокъ.

Дѣйствіе 3-е. Въ Цитадели. Главнокомандующій французскою армією, родственникъ Монтелья, требуетъ его освобожденія, какъ прелиминарнаго условія—перемирія. Адорно призываетъ Монтелья къ себѣ. Въ то же время онъ хочетъ представить жену своимъ приближеннымъ. Что дѣлать Октавіи? Она погибла, если встрѣтится лицомъ къ лицу съ Ганри! Достанетъ ли у нея мужества во всемъ заператься, не блѣднѣя? Можно-ли будетъ придумать объясненія на каждое обстоятельство? Ей остается одно отчаянное средство. Лея умоляла ее въ слезахъ, исхочатайствовать помилваніе де Монтелью. Октавія рѣшается дѣйствовать за-одно съ бѣдною крестьянкою, и старается доставить Ганри средства къ побѣгу... Лея проникаетъ въ тюрьму, съ помощью ключа, похищеннаго ея сообщникомъ Скопетто; Монтель спускается по веревочной лѣстницѣ въ ровъ. Еще мгновеніе, и Ганри спасенъ. Лея бро-

саетъ ему лѣстницу, чтобы онъ перекинулъ ее на противоположную стѣну. Въ это время раздается во мракѣ окликъ часоваго. Это голосъ Пиетро, котораго Лея не предупредила о заключеніи Монтелию и о своемъ замыслѣ. Лея не знаетъ, на что ей рѣшиться; если будетъ молчать, она погибла! но лучше умереть, чѣмъ выдать Ганри, и несчастная падаетъ, пораженная пулею.

Дѣйствіе 4-е. Окровавленная, находитъ она убѣжище въ покояхъ Октавіи. Адорно подозрѣваетъ ее въ содѣйствіи побѣгу Ганри; онъ не сомнѣвается въ томъ, что Октавія имѣла съ нимъ сношенія, и клянется, отомстить его сообщнику, кто-бы онъ ни былъ. Пиетро въ отчаяніи цѣлуетъ рану, нанесенную сестрѣ собственною его рукою. Монтелию, присланный парламентаремъ изъ французской арміи, является къ своей избавительницѣ. Лея готовится отправиться, съ вѣрнымъ человекомъ во французскій лагерь, гдѣ ее ждутъ. Но тутъ еще не конецъ ея страданій. Кого можно просить быть провожатымъ ея, кромѣ Скопетто; а Скопетто открываетъ ей и брату ея, что Монтелию женатъ. Лея, въ отчаяніи, отдается въ руки полвціи. Пиетро хочетъ отомстить за оскорбленіе, нанесенное сестрѣ, хочетъ драться съ Монтелию на смерть... Является неумолимая Октавія, и открываетъ Монтелию.

Дѣйствіе 5-е. Ложью и хитростью, Октавія успѣла усыпить подозрѣнія Адорно; она должна даже, чтобы совершенно помириться съ нимъ, идти съ нимъ къ алтарю. Но Монтелию живъ! Мало того, онъ приходитъ къ Октавіи и требуетъ отъ нея спасенія Леи; этою цѣною онъ даритъ ей жизнь. Октавія хочетъ заколотъ Монтеля, но мысль, что по смерти его, Адорно скоро узнаетъ ея преступленіе, удерживаетъ ее. Она прибѣгаетъ къ другому средству: хочетъ смягчить Монтеля, умоляетъ его.... Раздается выстрѣлъ... ревнивый Адорно, слышавшій весь ея разговоръ, убиваетъ коварную. Въ то же время народъ, выведенный изъ терпѣнія угнетеніями, возмущается, освобождаетъ Лею, и возвращаетъ брату сестру, а жену невѣсту.

Успѣхъ.

LES FOYERS D'ACTEURS. (ТЕАТРАЛЬНЫЕ ФОЙЕ,) водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Клервилля, Гранже и Деннери. (Театръ Разнообразія.)

Фойе во Французскомъ театрѣ. Молодой человекъ, только-что приѣхавшій изъ провинціи, и пылающій страстью къ драматическому театру, является къ актерамъ его королевскаго величества, которые дремлютъ послѣ многотруднаго дня, проведеннаго въ чтеніи новой трагедіи. По какому-то счастливому случаю, Россиньоль успѣлъ добиться дебюта, несмотря на появленіе суроваго дяди, провинціального пирожника, который и слушать не хочетъ, чтобы его племянникъ пускался въ скоморошество. Надо знать, что въ родномъ городѣ, Россиньоля уже почти женили на мамзель Жюльеттѣ, доброй дѣвушкѣ, которая отъ него безъ ума; но его подбилъ бѣсъ честолюбія, и онъ ничего знать не хочетъ, смотрѣть не хочетъ на мамзель Жюльетту.

Фойе въ театрѣ Разнообразія. Г. Каркоссонъ, авторъ трагедіи, усилившей въ первомъ дѣйствіи почтенныхъ артистовъ Французскаго театра, въ досаду имъ, обратилъ своего *Муция Сцевола* въ водевилъ; каково-то ему поздоровится въ новомъ нарядѣ? По примѣру Каркоссона и Россиньоль, освистанный на Французскомъ театрѣ, ищетъ пріюта на театрѣ Разнообразія, въ надеждѣ, что лядюшка тутъ его уже не отыщетъ. Какъ-бы не такъ! почтенный Люмуаньонъ тутъ-какъ-тутъ, для потѣхи артистовъ и публики. Люмуаньонъ не слушаетъ остротъ актеровъ, не смотритъ на глазки актрисъ, знай твердитъ свое: Женюсь, дескать, племянникъ, на Жюльеттѣ; а племянникъ и руками и ногами: не женюсь, да и только. А между тѣмъ, какъ лядюшка старается выбить драматическую дурь изъ головы жениха, глядь, она лезетъ и въ голову невѣсты, Мамзель Жюльетта также идетъ въ актрисы, и дебютируетъ въ театрѣ Амбюгю.

Въ Амбюгю. Не повезло на театрѣ Разнообразія, ни трагедіи—водевилю Каркоссона, ни Россиньолю. Первому—отказъ начисто; второму—свистки. Водевилъ переоблачается въ драму, а Россиньоль изъ водевиля переходитъ въ мелодраму. Проба новой пьесы; остроты, шутокъ, каламбуровъ, смѣху, такъ что свѣту не взвидишь.

Въ Театръ Лозари. Вы видѣли степенное, чопорное, аристократическое фойе Французскаго театра; видѣли веселое, добродушное, насмѣшливое фойе театра Разнообразія, гдѣ все пропитано тѣмъ, что французы называютъ *bourgeoisie*, видѣли безпечный, черезчуръ вольный, чуть не уличный разгуль Амбигю; теперь не угодно-ли пожаловать въ фойе, или вѣрнѣе, винный погребокъ театра Лозари! Боже милостивый! что это за вертепъ, что за лица, что за нравы! Бѣдный Россиньоль, вотъ куда онъ скатился съ высоты Французскаго театра; а за нимъ и дялюшка! Посмотрите, какъ славно отдѣлываютъ Мольера гг. артисты! подлинно артисты! Но Россиньоль нашъ не тужить; какая-то благодѣтельная душа послала ему пять-сотъ франковъ; вѣрно дялюшка! О, добрый дялюшка, дай разцѣловать тебя! Купитъ Россиньоль, понтъ своихъ будущихъ товарищей, благо есть деньги... виноватъ, не деньги, здѣсь это вещество называется *жаркимъ уюльемъ*; здѣсь вѣдь и языкъ свой, точно въ тѣхъ вертепахъ, съ которыми познакомили насъ г. Сю и его послѣдователи.

Фойе въ театръ Большой Оперы. Уфъ! здѣсь можно по-крайней-мѣрѣ отдохнуть; не пахнетъ виномъ; руки бѣлы и чисты; сапоги вылощены; платье сидать, какъ на людяхъ! Господну Каркоссону, или скорѣе его трагедіи-водевиллю-драмѣ не пошло въ Лозари, вотъ онъ и одѣлъ его въ пантомимный балетъ, и перевелъ болѣе въ свѣтлое мѣсто. А Россиньоль живетъ припѣваючи; вотъ ужъ третій мѣсяцъ получаетъ онъ будто съ неба по пяти-сотъ франковъ. Наконецъ, узнаетъ онъ, что эти деньги присылалъ не дялюшка, а мамзель Жюльетта. Не такъ счастливъ Каркоссонъ; директоръ совѣтуетъ ему снова обратить балетъ въ трагедію, и попытатъ счастья въ другомъ мѣстѣ, Каркоссонъ и Россиньоль рѣшаются воспользоваться урокомъ и отказаться, первый отъ авторства, второй отъ актерства. Дялюшка прощаетъ племянника съ тѣмъ, чтобы онъ женился на мамзель Жюльеттѣ; но теперь уже не нужно его принуждать, онъ и самъ того только и хочетъ.

Нѣтъ надобности говорить, что эта пьеса, оригинальная, и живая, полная остроты и насмѣшекъ съ начала до конца, имѣла самый блистательный успѣхъ! Г. Клервилю можно смѣло пророчить, что онъ со временемъ будетъ однимъ изъ первыхъ французскихъ водевиллистовъ.

MADEMOISELLE AGATHE (Мамзель Агата), водевилъ въ
 одномъ дѣйствіи, соч. Деннери, Кормона и Гранже.
 (Театръ Драматической Гимназій).

Фелисьенъ Бержере мужъ, какихъ много водится въ Парижѣ, а подчасъ и въ другихъ мѣстахъ. Встрѣтилъ онъ, въ одинъ прекрасный день, прехорошенькую дѣвушку, полюбилъ ее, какъ сестру, а тамъ, глядя, они уже наняли общую квартиру. Живутъ они припѣваючи, смѣются, любятъ, голубятся; все бы хорошо, но не всѣмъ положеніе бѣдной Агаты кажется совершенно яснымъ, а явнымъ неподозрительнымъ! Мадамъ ли Бержере, или просто, мамзель Агата? Фелисьенъ ненавидитъ одно слово законнаго брака. Это бы еще ничего; какая причуда устоитъ противъ глазокъ хорошенькой женщины? но какъ скоро онъ вступить въ законный бракъ, прощай наследство дяди Бержере. Старый брюзга, изволяте видѣть, объявлять въ духовномъ завѣщаніи, что лишаетъ наследства того изъ своихъ двухъ племянниковъ, который женится. По законамъ, такіа духовныя завѣщанія не допускаются, да вѣдь въ водевилѣ свои законы, другихъ онъ знать не хочетъ. Какъ-бы то ни было, хоть и взгрустнется иной разъ Агатъ, супруги все-таки живутъ спокойно и счастливо, пока не привѣзжаетъ сестра Фелисьена. Любопытной пансіонеркѣ очень бы хотѣлось знать, кто эта прелестная гостья, просто ли сосылка, или невѣста. Наввныя замѣчанія ея, наконецъ, не въ силу бѣдной Агатъ, она плачетъ... а глядя на нее, и Фелисьенъ также плачетъ... Нѣтъ, Богъ съ ними, и съ дядей и съ наследствомъ, а Агата будетъ мадамъ Бержере. Но доброе дѣло не остается безъ награжденія; Агата будетъ мадамъ Бержере, а Фелисьенъ получитъ наследство; потому-что его двоюродный братецъ также возмутился противъ воли брюзгливаго дяди, и завелся не только женою, но и полюбявою ребяты. А какъ другихъ наследниковъ нѣтъ, то они и дѣлятъ наследство по-поламъ.

Успѣхъ.

Le fils du diable (Чортъвъ сынъ), драма въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ, съ прологомъ, соч. Поля Февалля и Сент-Ива. (*Театръ Ambigu comique*).

Александръ Дюма снова пустилъ въ-ходъ драмы, переделанныя изъ романовъ, Поль Февалль также самъ состряпалъ изъ известнаго своего романа предлинную, престрашную драму, въ которой есть и жида и цыгане, и подлоги и убійства, и дуэли и обмороки, словомъ: вся принадлежности драмъ, переделанныхъ изъ романовъ.

Прологъ. Въ замкъ Блутгаупта, въ Германіи. Графъ Гюнтеръ фонъ Блутгауптъ умираетъ; одно утѣшаетъ его въ часъ смерти, будущее роженіе наследника его имени и богатствъ. Два человека не спуская глазъ съ графа, жгутъ минуты его смерти: Цехеусъ Весмеръ, управляющій графа, ищущій философскаго камня, и обещающій ему горы золота, и врачъ Іозе Мира, обещающій ему сына. Эти два человека, находящіеся тайно въ сношеніяхъ съ какимъ-то кавалеромъ Ренью, жидомъ Моисеемъ Гельдомъ и цыганомъ Яношомъ Георги, получили отъ своихъ сообщниковъ приказаніе умертвить графа Гюнтера, его жену—графиню Маргариту, и ожидаемаго ребенка. Весь родъ Гюнтера долженъ быть истребленъ, чтобы имѣніе его могло перейти въ руки сообщниковъ; ибо графъ заключилъ запродажное условіе съ жидомъ Моисеемъ Гельдомъ, которымъ отдавалъ ему свое наследство, въ случаѣ, если бы умеръ безъ наследниковъ мужскаго пола. Докторъ Іозе Мира подливаетъ графу яду, и въ то самое время, какъ графъ умираетъ, графиня Маргарита также умираетъ, родивъ сына. Дѣло начато; но надо его кончить; надо, чтобы наследникъ Блутгауптовъ последовалъ за родителями; злодѣи бросаются къ постели графини; свирѣпый Яношъ, уже начавшій дѣло, зарывавъ, на дуэли безъ свидѣтелей, стараго графа Ульриха, отца Маргариты, первый отдергиваетъ занавѣсъ, но вмѣсто трупы и беззащитнаго младенца, передъ нимъ являются три человека въ красныхъ плащахъ. Это три Блутгаупта, три побочные сына Ульриха, братья Маргариты; какая-то таинственная легенда призвала ихъ къ смертному оуру или къ колыбели Блутгаупта.

Первая картина. Въ Парижѣ, въ покояхъ банкировъ Гельдберга, Рейвольда и Ко. Прошло двадцать лѣтъ. Одинъ изъ

сообщниковъ, Цахеусъ Весмеръ, погибъ отъ руки злодѣевъ. Побочные сыновья Ульриха, навлекшіе на себя подозрѣніе Франкфуртскаго Сената своими сношеніями съ тайными обществами Германіи, и обвиняемые въ убійствѣ Весмера, заключены въ городскую тюрьму. Моисей Гельдъ, нынѣ баронъ фонъ Гельбергъ, учредилъ въ Парижѣ банкирскій домъ, которымъ управляетъ мужъ его дочери Сары, бывшій кавалеръ Реньо, а нынѣ графъ Рейнольдъ. Франкфуртскій Сенатъ объявилъ, что по случаю пропажи безъ вѣсти сына графа Гюнтера, родившагося въ ту таинственную ночь, и потому прозваннаго Чортовымъ сыномъ, имъіе Блутгаупта, будетъ по прошествіи двадцати лѣтъ, присуждено Моисею Гельду, въ силу его договора съ покойнымъ графомъ. Банкирскій домъ, въ которомъ участвуютъ также полковникъ Яношъ и врачъ Мира, потерпѣлъ убытки, и ему угрожаетъ близкое банкротство. Къ довершенію несчастія, Чортовъ сынъ, пропавшій гдѣ-то въ Германіи, внезапно явился въ самомъ домѣ банкировъ. Надежды сообщниковъ навсегда разрушены его существованіемъ. Надо его сбить съ рукъ.

Вторая картина. Въ городской тюрьмѣ, во Франкфуртѣ. Отто, старшій изъ побочныхъ сыновей графа Ульриха, узнавъ объ опасностяхъ, угрожающихъ наследнику Блутгаупта, бѣжитъ съ братьями, чтобы посѣзшить къ нему на помощь, обѣщая тюремщику явиться назадъ ровно черезъ мѣсяць, день въ день, часъ въ часъ.

Третья картина. Въ Тамплѣ. Францъ, Чортовъ сынъ, не зная своего происхожденія, и не имѣя средствъ къ существованію, приходитъ въ Тамплѣ продать последнее свое добро, чтобы какъ слѣдуетъ, проводить масляницу. Тутъ онъ встрѣчаетъ сироту, съ которою провелъ свое дѣтство въ Германіи. Какая-то торговка изъ Тампля доставила бѣдняжкѣ мѣсто у одного стараго ростовщика, Араби, который моритъ ее голодомъ и холодомъ, и обращается съ нею какъ съ собакою. Францъ хочетъ вывести ее изъ этого положенія; но полковникъ Яношъ, слѣдившій за нимъ по-пятамъ, вызываетъ его на дуэль. Они назначаютъ время и мѣсто; Чортову сыну уже не уйти отъ ножа злодѣя.

Четвертая картина. У Гауздорна, торговца старымъ платьемъ. Францъ хочетъ весело провести послѣднюю ночь,

можетъ быть своей жизни, на балу въ Казино, и предлагаетъ платье свое Гауздорну, бывшему некогда слугою у покойнаго графа фонъ Блутгаупта, а нынче торгующаго старымъ платьемъ въ Тамплъ. Тутъ онъ встрѣчается съ Отто, бѣжавшимъ изъ Франкфуртской тюрьмы, который выведываетъ о его дуэли съ Яношомъ. Готовясь на борьбу съ убійцами своего рода, Отто вручаетъ Гауздорну шкатулку, содержащую документы Франца и заемныя письма, составляющія долю Цахеуса въ обществѣ пяти злодѣевъ, которыхъ онъ похитилъ у него передъ смертью. Но негодяй, находящійся въ услуженіи у графа Рейнольда, Ипполитъ Вердье, похищаетъ эту шкатулку.

Пятая картина. Балъ въ Казино. Францъ встрѣчаетъ на балу графиню Сару Рейнольдъ. Не случай привелъ ее сюда. Она замѣтила любовь Франца къ Ноэмін, ея дочери, которую собственная честь и супружество съ графомъ Рейнольдомъ принудили ее удалить отъ себя. Ноэмін, плодъ обманутой любви ея къ Отто, одному изъ побочныхъ сыновей Блутгаупта, который хотѣлъ начать свое мщеніе безчестіемъ дочери Моисея Гельда. Сара не покинула дочери. Она охраняетъ ее, и хочетъ узнать намѣренія Франца въ отношеніи къ ней. Она увлекаетъ Франца въ уединенную комнату, гдѣ Отто, не выпускающій его изъ виду, успѣваетъ занять его такъ, что онъ забываетъ время свиданія съ полковникомъ Яношомъ.

Шестая картина. Мадридская аллея въ Булонскомъ лѣсу. Полковникъ Яношъ является на назначенное Францу свиданіе съ двумя секундантами, графомъ Рейнольдомъ и докторомъ Юзе Мирою. Всегда вѣрный ему мечъ, избавить его отъ противника. Но часъ свиданія давно уже прошелъ, когда является замаскированный человекъ и объявляетъ, что Францъ не будетъ, и что онъ заступаетъ его мѣсто. Полковникъ не хочетъ драться съ незнакомцемъ; надо, по-крайней-мѣрѣ, знать его имя. Незнакомецъ не открывается, но принуждаетъ Яноша драться, напомнивъ ему убіеніе Ульриха фонъ Блутгаупта и отравленіе Гюнтера и Маргариты. Полковникъ смертельно раненъ; тутъ только противникъ приподнимаетъ маску, и открываетъ свое имя; это старшій сынъ Ульриха, Отто.

Седьмая картина. Въ лавкѣ Араби. Баронъ Гельдбергъ, одержимый жидовскою любовью къ деньгамъ и желаніемъ поправить свое состояніе, разстроенное банкротствомъ графа

Рейнольда, открылъ меняльную лавку въ Тамплѣ, и, подъ именемъ Араби, занимается ссудою подъ залоги. Отто, принявъ названіе франкфуртскаго жидка Исаака Фурстера, довершаетъ разореніе Гельдберга, и не даетъ ему возможности помочь дому Рейнольда, представивъ къ уплатѣ вексель въ 13,000 франковъ, составляющій часть того, что слѣдовало получить Цахеусу за сообщничество съ убійцами графа Гюнтера. Тутъ видимъ мы дочь Сары, Ноэмію, которую дурное обращеніе ея хозяина, Араби, принуждаетъ бѣжать, вѣрившись чести и любви Франца. Едва она ушла, какъ Араби, узнавъ о ея побѣгѣ и о подложности Исаака Фурстера, падаетъ въ обморокъ отъ досады и ярости. Сара, пришедшая спасти дочь отъ преслѣдованій Франца, узнаетъ въ Араби своего отца, барона Гельдберга.

Восьмая картина. Рейнольдъ и Ко. готовы уже отказаться отъ дѣлъ; но передъ тѣмъ они хотятъ еще въ послѣдній разъ попытаться поправить ихъ, пользуясь доверчивостью акціонеровъ; придумываютъ какую-то новую спекуляцію, которая имъ вполне удается. Уже Рейнольдъ считаетъ себя спасеннымъ, какъ является Отто, подъ именемъ барона Редака, для полученія по векселю огромной суммы денегъ. Рейнольдъ въ бѣшенствѣ. На распросы его, ложный Редакъ объясняетъ свои посѣщенія въ Тамплѣ любовью къ Ноэмін. Съ этого мгновенія Сара не отходитъ отъ него.

Девятая картина. Кабакъ. Верльде продаетъ графу Рейнольдъ за двадцать тысячъ франковъ, бумаги, похищенные имъ у Гауздорна.

Десятая картина. Францъ нанялъ Ноэмію квартиру, обещаетъ ей платья и наряды, и проч. и проч. Она заранѣе любитъ собою, какъ вдругъ входятъ почти въ одно время Сара и Отто; тутъ открывается тайна ея рожденія, а Францъ узнаетъ въ своемъ таинственномъ покровителѣ дядю. Все уже хотятъ разойтись, какъ входитъ графъ Рейнольдъ съ двумя полицейскими, и велитъ схватить Отто. «Еще увидимся, говоритъ Отто, въ замкѣ Блутгауптовъ.»

Одинадцатая картина. Могила трехъ красныхъ плащей. Рейнольдъ, долженъ скоро быть объявленъ владѣтелемъ замка Блутгауптовъ; онъ даетъ великолѣпный пиръ. Моисей, по указанію какого-то письма Маргариты, идетъ къ могилѣ трехъ красныхъ плащей, искать клада. Изъ скѣпа выходитъ Отто,

а за нимъ Ноэмія. Первый сенаторъ трижды вызываетъ владѣтеля замка Блутгауптовъ. Нѣтъ отвѣта. Уже онъ хочетъ объявить владѣтелемъ Рейнольда, когда братья Отто приводятъ Франца; народъ съ восторгомъ признаетъ въ немъ истиннаго, законнаго владѣтеля замка.

Большая пельпость! Большой успѣхъ.

La Casquette (Потайной ящикъ), комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ; слова *Планара*, музыка *Эрнеста Буланже*. (Театръ Комической оперы.)

Дѣйствіе 1-е. Графъ Арундель изгнанъ Протекторомъ, за приверженность къ дому Стуартовъ. Оставляя родину, можетъ быть навсегда, графъ тайно является въ свой замокъ, вынимаетъ изъ потайнаго ящика, вѣланнаго въ стѣну, коробку съ золотомъ и брилліантами, отдаетъ ее вѣрной кормилицѣ, Еленѣ, и говоритъ: «Вотъ моей дочери и тебѣ; а я уѣду во Францію.» Дочь графа, Алиса, еще грудной младенецъ; мать ея умерла въ родахъ, и Елена вскормила ее вмѣстѣ съ своею дочерью, Розою. Между-тѣмъ какъ графъ идетъ въ первый и въ послѣдній разъ поцѣловать дочь, раздается барабанный бой, являются Кромвелевы солдаты, графъ принужденъ поспѣшно бѣжать, не входя въ комнату, гдѣ Алиса покоится въ одной колыбели съ Розою. Елена отдаетъ коробку своему племяннику, Робину, который прячетъ ее въ дупло, чтобы скрыть отъ жадныхъ глазъ круглыхъ головъ. Шерифъ Геріотъ приводитъ двухъ Парламентскихъ комиссаровъ, которымъ поручено описать имѣніе графа, и везти дочь его въ Лондонъ; ибо Кромвель учредилъ школу для дѣтей изгнанниковъ, гдѣ ихъ воспитываютъ въ преданности къ новой религіи и новому правительству. Напрасно Елена умоляетъ, чтобы ей оставили младенца; она должна покориться; но чтобы не измѣнить клятвѣ, данной графу, она обманываетъ комиссаровъ, и выдаетъ имъ Розу, вмѣсто Алисы. Потомъ, она пишетъ на-скоро записку, и хочетъ ее послать съ Робинномъ къ своему господину, который еще не могъ успѣть отплыть; но въ это мгновеніе военная команда разсыпается по замку, чтобы искать золота, и Елена только-что успѣваетъ

бросать записку въ потайной ящикъ. Между-тѣмъ на морѣ, (замокъ построенъ на скалѣ,) подмѣчаютъ челнокъ, который не откликается часовому; часовой стрѣляетъ; два человѣка падаютъ въ челнокъ, который уносится теченіемъ; эти два человѣка — графъ, и другой — изгнанникъ. Елена вскрикиваетъ и падаетъ въ обморокъ. Солдаты пируютъ; вдругъ Елена, опаматовавшись, пускается пѣть и плясать съ ними. Она сошла съ-ума; а ей одной извѣстна тайна подмѣна дѣтей! Финаль.

Дѣйствіе 2-е. Сельскій видъ; ферма Робина. Сумасшедшая Елена сидитъ съ прялкою между двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ; это Алиса и Роза. Прошло много лѣтъ съ отплытія графа Арнделя. Съ помощью утаенной коробки, Роза взята изъ школы; и замокъ выкупленъ. Но Роза все еще слыветъ Алисою, а Алиса—Розою; потому-что никто не зналъ тайны, кромѣ Елены, а Елена все забыла. Между-тѣмъ Кромвель умеръ, поговариваютъ уже о генералѣ Монкѣ, и о возвращеніи Стуртовъ. Графъ Арндель, носитъ слухъ, возвратился въ Англію; онъ былъ взятъ, тяжело раненный, на французскій корабль. Его вѣрный товарищъ, молодой кавалеръ, скрывается на фермѣ Робина. Его скрываетъ Алиса, т. е. мнимая Роза; а когда дѣвушка скроетъ молодаго человѣка, къ тому-же изгнанника, тутъ не далеко до любви. Роза съ своей стороны, несмотря на свое мнимое графское достоинство, любитъ Робина, который радъ бы и самъ любить ее, но не смѣетъ, потому-что считаетъ ее графскою дочерью. Трусъ шерифъ приходитъ сказать Робину, что у него скрывается королевскій лазутчикъ, и что ихъ обовхъ повѣсятъ, по приказанію Парламента. «Чортъ побори политику!» кричатъ они хоромъ. Сумасшедшая со-смѣхомъ приводитъ скрывающагося роялиста; онъ посылаетъ Робина и шерифа въ главную квартиру приверженцевъ Карла II, и послѣ довольно долгой любовной сцены съ Алисою, которую онъ считаетъ простою крестьянкою, и отъ которой скрываетъ свой титулъ графа Дерби, идетъ за ними. Сумасшедшая остается одна. Подкрадывается графъ Арндель; Елена не узнаетъ его; она идетъ въ пзу; въ тоже время выходятъ обѣ дѣвушки; тайное чутье говоритъ ему, которая изъ нихъ его дочь; но едва онъ хочетъ ее обнять, раздается встоявая пушка съ Лондонской башни, и графъ Дерби является съ

отрядомъ кавалеровъ. Добивъ подводить графу мнимую Алису; графъ, убежденный въ своей мнимой ошибкѣ, беретъ руку Розы отдаетъ ее графу Дерби, и ѣдетъ съ ними въ Лондонъ; а блѣдная Алиса бросается со слезами на грудь Елены, которая утѣшаетъ ее, какъ ребенка.

Дѣйствіе 5-е. Графъ Арундаль поселился въ своемъ замкѣ, возвращенномъ ему Робинномъ. Съ одной стороны пріемные покои; съ другой — комната дѣтей, въ которой еще стоятъ ихъ колыбели, а далѣе — комната съ потайнымъ ящикомъ, гдѣ хранится записка Елены. Все готово къ свадьбѣ Алисы; ждутъ только жениха; а онъ, болѣе чѣмъ когда-либо влюбленный въ мнимую Розу, встрѣчаетъ ее наединѣ, и непременно хочетъ жениться на ней. Роза умоляетъ его образумиться, и забыть ее. Они расходятся. Ночь. Въ церкви слышны звуки органа. Является сумасшедшая. Она узнаетъ церковь, покои, комнату малютокъ, бросается въ восторгъ на колыбели. Какъ водится, это сильное волненіе должно возвратитъ ей память и расудокъ. Между-тѣмъ весь околосокъ сбивается на свадьбу графской дочери; одна Елена пропала. Отецъ и молодые идутъ уже въ церковь, какъ вдругъ раздается пронзительный крикъ. «Боже! Елена!» вскрикиваетъ невеста и бросается въ ту сторону. Робинъ и Алиса выходятъ изъ церкви, поторопить молодыхъ; они видятъ огонь въ библиотекѣ, идутъ туда; но горе пересилило мужество Алисы; она падаетъ въ изнеможеніи на скамью. Тутъ приходитъ невеста, блѣдная, встревоженная. Роза объясняетъ истинной Алисѣ развязку, происшедшую въ библиотекѣ, снимаетъ съ себя вуаль, и накалываетъ его на голову своей подружкѣ: ибо она знаетъ ея любовь и отказывается отъ руки Дерби. Записка Елены подтверждаетъ ея слова, и дочь графа въ восторгъ, бросается въ объятія своей кормилицы, которая совершенно образумила. За тѣмъ, общая радость.

Сюжетъ не новъ, но веденъ опытною рукою; о музыкѣ Буланже вообще отзываются не совсѣмъ выгодно; она плавна, легка, умно оркестрована, но безхарактерна и слишкомъ часто напоминаетъ то того, то другаго композитора. Лучшій номеръ, по отзыву почти всѣхъ журналовъ, комическій дуэтъ Робина и шерифа, во второмъ дѣйствіи. Вообще эта опера, не смотря на превосходное исполненіе, далеко не оправдала ожиданій публи-

ки, которой задолго впередъ обѣщали произведеніе, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ комическихъ оперъ.

LA BELLE AUX CHEVEUX D'OR. (Златовласая красавица), волшебная пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ и семнадцати картинахъ, соч. братьевъ Ковьяръ. (Театръ Сен-Мартенскихъ воротъ).

Мы не изъ числа заколѣтыхъ враговъ сказокъ, которыми нянюшки и мамушки тѣшили насъ въ дѣтствѣ; признаемся, есть для насъ какая-то наивная поэзія въ этихъ ребяческихъ вымыслахъ, въ царевичахъ и царевнахъ, въ таинственной пѣбушкѣ на курьихъ ножкахъ, что поворачивается къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ, въ злой бабѣ-Ягѣ, костяной ногѣ, а болѣе всего въ Иванѣ дурачкѣ, что лежитъ себѣ на печкѣ, да гложетъ краюшку хлѣба. Глубокій нравственный смыслъ можно отыскать въ этомъ странномъ созданіи народной фантазіи; онъ ли одинъ, глядитъ, прищуря глазъ на хитрости умныхъ братьевъ, и думаетъ только про себя: «погодите братцы, не умью я хитрить, какъ вы, не наградили меня Богъ умомъ да разумомъ, а наградили силою богатырскою; придетъ мой часъ, пробьемъ мы и не семь стѣн!»—Но несмотря на наше уваженіе и любовь къ сказкамъ, мы не думаемъ, чтобы онъ былъ годенъ для театра; что очаровываетъ насъ, принимая какія-то неопредѣленныя, громадныя формы въ нашемъ воображеніи, дѣлается ребяческимъ, нелѣпымъ, когда, его уравнивать съ мѣрою окружающихъ насъ предметовъ, когда дать ему опредѣленную, удобоосознаемую форму. Поэтому мы неохотно стали бы смотрѣть на пьесу гг. Ковьяровъ; расскажемъ однако же ея содержаніе, ради ликовины:

Первая картина. Испытанія. Въ нѣкоемъ царствѣ, въ тридцатомъ царствѣ, есть сильный вельможа, правитель того государства; у этого вельможи есть воспитанница племянница его, царевна Розалинда, по прозванію *Златовласая красавица*. Такъ какъ царевна стала подростать, и онъ долженъ будетъ скоро отдать ей управленіе, такъ онъ и задумалъ на ней жениться; но боясь, чтобы она не предпочла ему старику, другаго жениха,

помоложе и помилже его, онъ вздалъ законъ, по которому руку прекрасной царевны получить только тотъ, кто выдержитъ три испытанія. Этотъ законъ отбилъ у жениховъ охоту свататься. Одинъ только царевичъ Всемиръ не испугался грознаго закона и является просить руки царевны. Ему читаютъ условія; требуется, чтобы онъ: во первыхъ, убилъ какого-то великана—людоеда, который пожираетъ народъ и разоряетъ край; во вторыхъ, чтобы онъ черпнулъ кружку живой воды въ ключъ красоты, находящемся въ волшебной пещерѣ, которой входъ защищается крыматымъ змеемъ; въ третьихъ, чтобы онъ похитилъ у солнца три луча, въ замѣну трехъ лучей, горѣвшихъ прежде на царской мантии и потухшихъ. Прекрасный царевичъ соглашается на все условія.

Вторая картина. Изба бабы-Яги. Царевичъ Всемиръ отправляется исполнить предписанныя условія, съ вернымъ своимъ конюшимъ, Кокоди. Дорогою убиваетъ онъ орла, преслѣдовавшаго ворону. Орелъ этотъ былъ тайный посланецъ Валлы, феи пустыни; а ворона была фея тростниковъ, которая клянется вѣчно быть благодарною своему избавителю. Валла гнѣвается, и грозитъ Всемиру, что на каждомъ шагу будетъ воздвигать ему новыя препятствія.

Третья картина. Пещера великана. Всемиръ вызываетъ его на бой и побѣждаетъ, благодаря помощи Мирзы, феи тростниковъ, вручившей ему волшебный мечъ, которымъ онъ разрушаетъ все чары своихъ враговъ.

Четвертая картина. Ключъ красоты. Всемиръ достигаетъ пещеры феи; съ помощью волшебнаго меча, онъ разрушаетъ чары колдуньи и чудовищъ, приставленныхъ Валлою, и проникаетъ въ лазоревый гротъ.

Пятая картина. Лазоревый гротъ. Волшебница грота, изъ благодарности за услугу, оказанную Всемиромъ ея сестрѣ, феи Мирзѣ, сама вручаетъ ему кружку живой воды, и, чтобы содѣйствовать ему въ преодоленіи послѣдняго испытанія, приказываетъ водяному столбу взнести его къ солнцу.

Шестая картина. Солнечное царство. Царевичъ вступаетъ въ солнечное царство, рассказываетъ о житьѣ—бытьѣ его жителей, и о его управленіи. Онъ проситъ у краснаго солнышка три луча; а солнышко очень милостиво изволитъ даровать ему,

желаемые лучи, и сверхъ того даетъ ему облако, чтобы опуститься назадъ на землю.

Седьмая картина. Возвращеніе Всемила. Царевна Розалинда, ея дядя и весь дворъ, считаютъ царевича Всемила погибшимъ во второмъ испытаніи: самъ Коколи того же мнѣнія, и приходитъ донести о смерти своего господина. Старый опекунъ въ восторгъ. Но вдругъ является царевичъ; онъ самъ пришелъ дать отчетъ объ успѣшномъ выдержаніи испытаній, и въ доказательство кладетъ къ ногамъ царевны голову великана, живую воду и солнечные лучи въ золотомъ футлярѣ. Опекунъ долженъ покориться судьбѣ, и объявляетъ, что царевна вступаетъ сама въ управленіе государства.

Восьмая картина. Торжество царевича Всемила. На площадяхъ раздается торжественный маршъ, передъ дворцомъ, который вдругъ освящается волшебною силою. Всемиль ведетъ царевну за руку, и хочетъ уже всходить на лѣстницу дворца; какъ вдругъ является передъ нимъ злой опекунъ. Онъ укралъ стеклянку мертвой воды, принесенную конюшимъ Коколи, и подмѣнилъ ею живую воду, принесенную для царевны, потомъ онъ показываетъ народу свое обезображенное лицо, и обвиняетъ царевича въ обманъ. Народъ однако-же беретъ сторону Всемила и Розалинды; но мстительная Валли, фея пустыни, своими чарами содѣйствуетъ въ ролю опекуну.

Девятая картина. Дворецъ Валли. Валли, тронутая мужествомъ царевича Всемила, влюбляется въ него, и переноситъ его въ свои палаты; тутъ она усыпляетъ его разумъ вреднымъ зельемъ и упоительными празднествами; но Мирза выручаетъ его, разрушаетъ чары Валли, и, чтобы избавить его отъ ея преслѣдованій, оставляетъ у ней двойника царевича, котораго фея находитъ мертвымъ въ своихъ палатахъ.

Десятая картина. Роца статуй. Всемиль и Коколи, отыскивая Розалинду, приходятъ къ роцѣ статуй. Это заколованное мѣсто. Въ полночь, населяющія ее статуи сходятъ съ полножій и разными хитростями ловятъ всѣхъ, кого судьба приведетъ въ роковую роцу; при первомъ словѣ, которое сорвется съ устъ ихъ, они обращаются въ статуи. Коколи не выдерживаетъ этого испытанія, и обращается въ мраморную статую.

Одинадцатая картина. Замокъ демоновъ. Этотъ замокъ, жи-

лице кудесника Занетти, а Занетти никто иной, какъ бывшій опекунъ, которому возвращена его адская сила. Розалинда, отъискивая съ своей стороны царевича, проситъ позволенія отдохнуть въ замкъ демоновъ; уже она почти во власти злаго дяди, но Всемиль выручаетъ ее съ помощью волшебнаго меча.

Двадцатая картина. Пещера отшельника. Всемиль и Розалинда приходятъ къ пещерѣ одного отшельника. Отшельникъ этотъ все тотъ же Занетти, принявшій видъ отшельника для того, чтобы разомъ завладѣть Розалиндою и волшебнымъ мечемъ. Всемилю и царевнѣ остается одинъ путь къ спасенію: свяжная гора; они смѣло взбираются на нее; огромная лавина грозитъ завалить ихъ, какъ вдругъ гора обращается въ яркое, золотое облако. На облакъ сплвтъ Мирза; она спасаетъ любовниковъ.

Тринадцатая и четырнадцатая картины. Дождь; Вѣтеръ. Благодаря могуществу Мирзы, Дождь и Вѣтеръ забываютъ свою въковую вражду и соединяютъ свои силы на помощь царевичу Всемилю.

Пятнадцатая картина. Лагерь. Злой опекунъ стоитъ лагеремъ съ многочисленнымъ войскомъ. Царевичъ Всемиль плетъ одинъ на него и на войско. Опекунъ съ змѣиною улыбкою выслушиваетъ это извѣстіе. Однако же завязывается неровный бой, и побѣда остается на сторонѣ царевича, благодаря помощи Дождя и Вѣтра, которые сносятъ лагерь и стелать по-полю все войско дяди.

Шестнадцатая картина. Заключение. Царевичъ Всемиль и царевна Розалинда соединяются священными узами брака. Поздравляемъ ихъ отъ всей души, и желаемъ имъ много лѣтъ здравствовать, не звать ни горя ни кручины, и народить много, много дѣтей, такихъ же безстрашныхъ витязей, какъ Всемиль, и такихъ же прекрасныхъ царевенъ, какъ Розалинда.

Семнадцатая картина. Палаты Розалинды. Мирза съ союзными феями, вѣнчаетъ царевича и царевну на царство, народъ веселится, медъ течетъ рѣками; вино бьетъ фонтанами чуть не до неба, словомъ, пиръ такой, что намъ и во-снѣ не видать, не только что глазамъ, на яву.

Очевидно, что такая пьеса не могла надѣяться на успѣхъ ради своего содержанія; она служитъ только рамкою для декораторовъ, въ которую они вставили всевозможныя чудеса; дворцы, палаты добрыхъ волшебницъ, пещеры злыхъ художниковъ, волшебные лѣса, въ которыхъ люди обращаются въ статуи, волшебные ключи, изъ которыхъ бьетъ живая и мертвая вода, мѣръ подземный и надсолнечный, вѣтеръ, дождь, снѣгъ, водяные столбы, солнечные лучи, мгновенное освѣщеніе великолѣпныхъ палатъ и садовъ, медвѣдей, обезьянъ и пѣтуховъ, бои съ небывалыми чудовищами, турниры прелестныхъ амазонокъ, цѣлыя полки фей и волшебницъ, которыя одна другой лучше; послѣ этого неудивительно, что пьеса имѣла огромный успѣхъ, въ особенности—лѣтомъ, въ глухую пору для театровъ, когда каждый директоръ старается только какъ-нибудь спустить пьесы, приввѣтыя по привѣзши или по другимъ уважительнымъ причинамъ, и которыхъ онъ не можетъ ставить въ другое время безъ вреда театру.

Дѣло Большой Оперы наконецъ рѣшено; дирекція отдана господамъ Дюпоншелю и Роклану, на десять лѣтъ, и на очень выгодныхъ условіяхъ. Новые директоры уже вступили въ управленіе театромъ, и дѣятельно принялись за его исправленіе, и за формировавіе новой труппы. Дѣло нелегкое, потому-что каждый мѣшается съ своимъ совѣтомъ, отъ котораго зависитъ спасеніе или гибель театра, каждый требуетъ тѣхъ или другихъ артистовъ и композиторовъ, такъ-что трудно рѣшить, кого тутъ слушать, и кому угождать. Дирекція ангажировала двухъ новыхъ пѣвицъ, г-жу Жюлианъ-ванъ-Гельдеръ, бывшую первою пѣвицею въ Гагѣ, и англичанку миссъ Бѣрчъ. Женни Ливль рѣшительно не хочетъ ѣхать въ Парижъ, что ужасно оскорбляетъ самолюбіе парижанъ; за то ужъ достается ей, бѣдняжкѣ, отъ французскихъ журналовъ!

Новая дирекція ангажировала также нѣсколько сюжетовъ для балета: знаменитую Черито съ мужемъ, Сентъ-Леономъ, балетмейстера Перрота и молодую танцовщицу Розати.

Еще неизвѣстно чѣмъ откроются представленія Большой Оперы. Покажутъ ставить и разучиваютъ вновь старыя, капи-

тальныя пьесы, Гугенотовъ, Роберта—Дьявола, Жидовку, Вильгельма—Телля, Фенеллу. Изъ новыхъ оперъ, до-сихъ-поръ слышно только о новомъ произведеніи Верди, которое онъ напишетъ къ ноябрю мѣсяцу, и въ которомъ будетъ дебютировать г-жа Жюлианъ-ванъ-Гельдеръ и Розати.

Французскій театръ также закрытъ; по случаю внутреннихъ перестроекъ; труппа его почти вся въ отпуску. Изъ первыхъ пьесъ по открытіи театра объявляютъ трагедію Понсара «*Шарлотту Корде*».

Черезъ мѣсяцъ долженъ былъ открытъ третій лирическій театръ, *Национальная Опера*, подъ управленіемъ Миркура и Адава. На немъ должны исключительно даваться произведенія старыхъ и новыхъ французскихъ композиторовъ.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Сезонъ итальянской оперы кончился. Последнею оперою должна была быть «Свадьба Фигаро» Моцарта. Роли распределены слѣдующимъ образомъ: Сусанна—Женни Ливдъ; графиня—г-жа Кастелланъ; Фигаро — Лаблашъ; Бартоло — Штаудигль; графъ—Колетти.

Второе представленіе «*Разбойниковъ*» Верди было такъ неуспѣшно, что опера исключена изъ репертуара, и болѣе не повторялась. Верди, говорятъ въ негодованіи на Джонъ-Булля, не признавашаго въ немъ гениальнаго композитора, затмившаго всѣхъ композиторовъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, и ухалъ въ Парижъ, гдѣ есть цѣлый расадникъ его поклонниковъ. Увидимъ, какъ ему тамъ повезетъ. Онъ обещалъ написать для парижскаго театра новую оперу; хотя и говорятъ злые язычки, что въ ней ново будетъ одно названіе; что это будутъ перекрещенные *Ломбардцы*.

Но возвратимся къ Лондону. Въ программѣ г. Лумлея были обещаны: опера Мендельсона, Мейерберова *Віелька*, балетъ Гейне, и множество другихъ пьесъ. Гдѣ же все это? Собственно новая опера дана только одна, *Разбойники* Верди, да и та упала.—Впрочемъ, хотя Лумлей не исполнилъ и четверти своей программы, тѣмъ не менѣе это былъ самый блистательный

сезонъ, какой можно отыскать въ исторіи драматическаго искусства. И есть надежда, что Лумлей не остановится, что онъ продолжитъ начатое дѣло въ будущемъ году, и тогда дополнитъ свою программу.

Ковентгарденская опера чуть-было не закрылась за непмѣніемъ нотъ; онъ были отобраны въ конкурсную массу; но къ счастью онъ не принадлежали обществу, и были даны ему взаимно Парижскимъ Историческимъ театромъ. поэтому капельмейстеръ историческаго театра, Варне, призжалъ въ Лондонъ нарочно за тѣмъ, чтобы взять ихъ изъ конкурсной массы. Такимъ образомъ, опера могла кое-какъ дотянуть до конца сезона; она заключила свои представленія *Сорокою-Воровкою*.

Едва Королевскій театръ убилъ одного соперника, какъ воздвигается уже другой. Мы уже говорили, что Жюльенъ намѣренъ учредить новую оперу на Дрюриленскомъ театрѣ. Эта опера должна быть открыта съ 1-го ноября. Новый директоръ не жалѣетъ на нее ни труда, ни расходовъ, театръ будетъ вновь отдѣланъ подъ руководствомъ знаменитаго декоратора Камбона, которому отпущена для того очень значительная сумма денегъ. Онъ же будетъ рисовать декораціи для оперъ и балетовъ. За костюмовкой и постановкой будетъ наблюдать Дюпоншель, изъ Парижа. Артисты уже почти всѣ на-лицо. Оркестръ равно отличается полнотою и превосходствомъ; онъ набранъ изъ лучшихъ членовъ Королевскаго и Ковентгарденскаго театровъ и нѣсколькихъ артистовъ, приѣхавшихъ съ Жюльеномъ изъ Парижа; хоръ также составленъ изъ лучшихъ хористовъ обѣихъ итальянскихъ театровъ. Но всего лучше то, что тѣмъ и другимъ будетъ управлять Берліозъ; а кто не знаетъ, что Берліозъ умѣетъ вливать жизнь и душу въ самыхъ деревянныхъ музыкантовъ; можно себя представить, что онъ сдѣлаетъ въ нѣсколько недѣль изъ тщательно составленныхъ хоровъ и оркестра.—Репертуаръ будетъ самый разнообразный. Кромѣ нѣсколькихъ старыхъ партитуръ, *Ифигенія* Глюка, (которая ставится по желанію принца Альберта), *Фауста* Шпора, *Донъ-Жуана*, *Гугенотовъ*, *Соннамбулы*, *Цампы*, и проч., Жюльенъ обѣщаетъ партитуру, которую Верди даетъ парижской оперѣ; новую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ Галеви, на сюжетъ одной Шекспировской драмы, новую оперу Бальфа, и оперу Бенедикса. Берліозъ также обязался напи-

сать оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, и сверхъ того устроить четыре большіе концерта изъ собственныхъ своихъ сочиненій. Въ числѣ артистовъ, которыхъ Жюльенъ уже ангажировалъ, находятся г-жа Віардо-Гарсія, миссъ Берзъ, которой парижская дирекція даетъ ежегодно двухъ-мѣсячный отпускъ, миссъ Гейзъ (Hayes), Дюпре, Ривзъ, англійскій теноръ, имѣвшій огромный успѣхъ въ Миланѣ, Штаудигль и Пшекъ. — Предпріятіе Жюльена пользуется покровительствомъ двора и аристократіи, и потому можно надѣяться на успѣхъ его. — Какъ ни могучъ Лумлей, а такое соперничество не шутка!

Всѣ Лондонскіе театры закрываются, одинъ за другимъ. Нынѣшній сезонъ и на драматическихъ театрахъ представилъ утѣшительное явленіе; они стали немного оживать. Впродолженіе сезона дано нѣсколько оригинальныхъ пьесъ, выходящихъ изъ ряду посредственностей; до-сихъ-поръ они пробавлялись одними переводами французскихъ водевилей. Особенное вниманіе обратили на себя три новые драматическіе писатели: Ричъ, Гамильтонъ и Стерлингъ Коинъ.

В Ѣ Н А.

Съ отъезда Женни-Линдъ, оперные театры, единственные, какими славилась Вѣна, здѣсь почти совершенно упали; итальянская опера слаба и никто ее не посѣщаетъ; потому-что произведенія Донизетти, за исключеніемъ очень немногихъ, надоели, а произведеній Верди почти не стоитъ слушать; нѣмецкая опера всегда была здѣсь слабѣе итальянской, а послѣ Линдъ, слабость ея стала еще ощутительнѣе. Въ этомъ печальномъ положеніи театра, настоящимъ утѣшеніемъ были двѣ новыя комическія оперы: *Королева Леонская* (*Ne touchez pas à la reine*), Буасло, и *Деревенская дъвушка*, зѣшняго капельмейстера Зуппе.

О первой мы говорили, когда она была дана въ первый разъ въ Парижѣ.

О произведеніи Зуппе отзываюся очень благопріятно. Онъ ученикъ знаменитаго Зейфрида, друга Бетговена, и уже извѣстенъ нѣсколькими мѣлыми сочиненіями. Музыка его отличается непринужденною мелодією, пріятными ритмами, свѣтлою, умною

инструментовкою. Есть въ его оперѣ нѣсколько нумеровъ истинно оригинальныхъ и прекрасныхъ; можно только упрекнуть композитора въ томъ, что онъ не довольно строго придерживается комической идеи, вдается часто въ драматизмъ, вовсе не-идущій въ комической оперѣ. Тутъ впрочемъ виновать, по-крайней-мѣрѣ наравнѣ съ композиторомъ, и авторъ либретта, Эльмаръ, который, подобно всѣмъ нѣмецкимъ либреттистамъ, вовсе не понимаетъ потребностей музыки.

Что касается стиля оперы, Зуппе принадлежитъ къ послѣдователямъ новой итальянской школы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однако же смахиваетъ на Вебера и на Флоттова. Это смѣшеніе школъ, впрочемъ, очень естественно въ Вѣнѣ, самомъ космополитическомъ городѣ въ отношеніи къ музыкѣ.

Вообще, несмотря на недостатки этой оперы, она свидѣтельствуешь о талантѣ, еще молодомъ, но который, при серьезномъ образованіи, можетъ дать прекрасные результаты.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Армянскій театръ.

Можетъ радоваться тѣнь Махмуда. Начатое имъ дѣло не останавливается: Турція все болѣе и болѣе становится Европою. Давно ли завелись въ Турціи газеты? теперь же заводятся театры, и притомъ театры доступные самымъ низшимъ классамъ. Какой-то Армянинъ, Гаспаріанъ, учредилъ въ Константинополь *театръ*, котораго вся труппа, начиная съ него самаго, занимающаго роль *Геркулеса*, составлена изъ армянъ, даже оркестръ, играющій впрочемъ европейскую музыку. Представленія дѣлятся на двѣ части; въ первой разные фокусы, пляска на канатѣ, эквилибристическія упражненія, и проч. Во второй части *живыя картины*, въ родѣ картинъ Раппо, и наконецъ пантомима, заимствованная изъ исторіи или изъ библіи; въ пантомимѣ особенно отличается клоунъ Миргидія. Содержаніе историческихъ пантомимъ, составляютъ подвиги армянскихъ царей и двухъ героев восточныхъ легендъ, Александра Великаго и Наполеона; библейскія пантомимы представляютъ жизнь Ноя, Авраама, Иакова и

вообще всѣхъ патриарховъ. Постановка и костюмы великолѣпны. Программа каждаго представленія печатается въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, и раздается Константинопольскимъ жителямъ; армянская газета каждую недѣлю даетъ отчетъ о представленіяхъ.

Всѣ армяне, имѣющіе въ городѣ, ревностно поддерживаютъ предпріятіе Гаспаріана; у него бываетъ нередко до 1500 зрителей. Султанша Валиде, покровительствующая всѣмъ нововведеніямъ, нѣсколько разъ призывала его труппу въ свой дворецъ; для женскаго пола назначено особое представленіе каждую недѣлю; въ другіе дни женщины въ театрѣ не впускаются.

Предпріятіе Гаспаріана идетъ такъ успѣшно, что онъ намѣренъ учредить подобныя театры въ Скутари и другихъ мѣстахъ города. Поговариваютъ также, что онъ хочетъ ввести въ свою труппу женщинъ. Если ему удастся, то это обстоятельство можетъ имѣть сильное вліяніе на нравы, и быстро подвинуть впередъ образованіе Турціи.

СМѢСЬ.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТЪ.

(Разсказъ Леона Дюкома)

Недавно умеръ одинъ добрый мой пріятель, занимавшій скромную должность третьяго кларнета на одномъ третьестепенномъ театрѣ, гдѣ не водится ни вторыхъ, ни первыхъ кларнетовъ. Престранная была судьба этого человѣка; вотъ одинъ эпизодъ, какихъ было не мало въ его тревожной жизни.

Въ 1805 году Филлidorу было двадцать четыре года. Онъ только-что спустилъ послѣдніе остатки небольшого наслѣдства, въ какія нибудь шесть тысячъ франковъ, доставшагося ему за годъ передъ тѣмъ послѣ отца, добраго и почтеннаго купца. Проматавъ все свое добро, Филлidorъ вспомнилъ, что покойный родитель совѣтовалъ ему бывать у г. Фалампена, обладателя порядочнаго имѣнья и хорошенькой, полнощечкой дочери, по имени Леокадіи. Старикъ давно уже думали соединить своихъ дѣтей узами брака; но кто-же двадцати четырехъ лѣтъ и съ независимымъ состояніемъ вздумаетъ заковать себя въ супружеское общеніе, въ которомъ такъ нерѣдко обще одно горе, а не удовольствія? Теперь же Филлidorъ не прочь бы попытаться счастья, но ему недали и взглянуть на невесту; почтенный ее

родитель посоветовалъ ему, если онъ желаетъ получить ея руку, составить себя сначала состояніе. Филлдоръ, скрывая досаду, говорилъ про себя, что найдется другая; потомъ однакоже сталъ думать о средствахъ составить себя состояніе; но, подобно каждому, кто привыкъ жить въ раздольи, хотѣлъ составить его скоро и безъ большихъ хлопотъ. Зналъ онъ, что для этого надо много рисковать, и потому, не задумываясь слишкомъ долго, вошелъ въ лотерейную контору.

— Какъ бы мнѣ слѣзлатъ, спросилъ онъ, обращаясь къ маленькой беззубой старушонкѣ, занимавшей должность конторщицы, чтобы выиграть миліонъ?

— Весьма просто, сударь.

Она пошла ему объяснять, съ примѣрною словоохотливостью, все теоріи вѣроятія, и все условія, при которыхъ онъ могъ надеяться схватить то, чего желалъ.

Это ему стоило триста или четыреста франковъ, въ замѣнъ которыхъ онъ получилъ нѣсколько билетовъ, выбранныхъ на основаніи какого-то оракула, преумно толкующаго о нумерахъ, виденныхъ во-снѣ, выбираемыхъ котомъ, и тому подобныхъ средствахъ ловить счастье.

Нѣсколько дней спустя, Филлдоръ несся на всехъ парусахъ въ Америку; онъ уже не думалъ ни о лотерей, ни о мамзель Фалампенъ; услышалъ онъ гдѣ-то о томъ, какъ богатыютъ люди въ одинъ день въ новомъ свѣтѣ; вотъ онъ и пустился въ море съ цѣлымъ грузомъ ворганчиковъ, которыя надеялся выгодно сбыть американскимъ дикарямъ.

Но увы! горько обманулся онъ въ своихъ надеждахъ! Прибывъ въ Америку, онъ скоро увидѣлъ, что эта дѣвственная земля отдавшися первымъ пришельцамъ, произвела на первыхъ порахъ поколѣніе миліонеровъ, но потомъ утратила свое плодородіе. Первый дикарь, которому онъ показалъ ворганчикъ, преважно осмотрѣлъ его, и, не понимая его употребленія, раздавилъ его между пальцевъ. Онъ однакоже не упывалъ, и несмотря на насмѣшки, подчивалъ всехъ и каждаго своими ворганчиками; когда же онъ вздумалъ показать употребленіе этого предмета, онъ въ некоторое время не шутя думалъ, что съ него съ живаго сдерутъ кожу въ вознагражденіе, за то, что онъ посмѣлъ драть уши добрымъ американцамъ. Съ досады, онъ сложилъ свои ворганчики въ костеръ, и сжегъ ихъ. Дикарямъ очень понравилось это зрѣ-

лице; съ бѣшенымъ восторгомъ пустились они плясать вокругъ костра, въ которомъ горѣли надежды бѣднаго Филидора; наконецъ, царь ихъ, въ знакъ своего монаршаго благоволенія, пожелалъ помѣняться съ нимъ тремя зубами, которые ему тутъ же на мѣстѣ и вырвали; что въ той странѣ считается великимъ почетомъ.

Филидоръ въ отчаяніи возвратился въ Новый-Орлеанъ. Въ городѣ была страшная тревога: изъ Франціи прибылъ корабль, что тогда было за-дливо, потому-что англійскіе корсары рѣдко пропускали французскія суда въ колоніи. Вся спѣшили на корабль за извѣстіями, и возвращались съ него съ пачками газетъ; на долю Филидора достался одинъ номеръ *Journal de l'Émigré*. На послѣдней страницѣ поразили его волшебныя слова: *Французская лотерея; далье: Розыгрышъ 6 мая 1805 года; а за тѣмъ длинный рядъ номеровъ*. Радость блеснула въ его глазахъ.... но не надолго; больно защемило ему сердце; онъ давно уже затерялъ свой билетъ, но, небыло сомнѣнія, что это его нумера; онъ помнилъ свои нумера, будто видѣлъ ихъ перелъ глазами. Онъ видѣлъ грязную, закопченную контору, беззубую старуху, ея очки, ея кога, книгу, гдѣ было записано его имя, и нумера ему представлялись, какъ нельзя яснѣе. Что было сначала одною надеждою, теперь обратился въ увѣренность: онъ выигралъ милліонъ! милліонъ! шутка-ли!... Но онъ въ Америкѣ; со-дня розыгрыша прошло уже десять мѣсяцевъ. Надо ему ѣхать во-Францію; но успѣетъ ли онъ въ срокъ? черезъ годъ и одинъ день, не истребованные выигрыши дѣлаются собственностью казны! Филидоръ съ жадностью сунулъ обѣ руки въ карманы, и заплакалъ, какъ ребенокъ: милліонеръ, и ни гроша, чтобы ѣхать за своимъ милліономъ! Что ему дѣлать? въ глазахъ его потемнѣло. Нѣтъ словъ, чтобы изобразить страданіе молодого человека. Уже смеркалось; улицы, приставы-пустыли.

О, подумалъ онъ, въ лихорадочномъ бреду, лучше умереть, чѣмъ долѣе терпѣть эту пытку!

Бѣднякъ созрѣвался мнѣ впоследствии, что онъ останавливался на мысли о смерти, затѣмъ только, чтобы преодолѣть искушеніе, украсть то, что ему нужно было для отправленія во Францію. Но, умереть... въ такую прекрасную ночь, когда на морѣ такъ тихо, и вдали такъ чудно раздается веселый напѣвъ

отплывающихъ матросовъ!... Вдругъ свѣтлая мысль блеснула въ его умъ; онъ бросился на первый корабль, просить, чтобы его перевезли, предлагая уплачивать провозъ работою. Долго ходилъ онъ съ корабля на корабль: вездѣ былъ полный комплектъ; оставался еще одинъ корабль; забилось его сердце, когда онъ сталъ къ нему приближаться. На борту огненными буквами было написано: «Пенгуенъ, шкиперъ Лесуръ, отъѣзжаетъ 15 текущаго мѣсяца въ Гавръ.» А уже было 14 число. Филлдоръ медленно взошелъ по трапу. Шкиперъ стоялъ на палубѣ, важно куря трубку, и поглядывая съ удовольствіемъ на флюгеръ гротъ-мачты, возвѣщавшій попутный вѣтеръ.

Ноги дрожали подъ бѣлымъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ подошелъ къ шкиперу, и едва внятнымъ голосомъ сказалъ ему:

«Капитанъ, не нуженъ ли вамъ кто?»

— Еще бы ненужно! кажись довольно давно я тебя жду; ну, живо, внеси свое имя въ списокъ экипажа, и такъ-какъ мы уже совсѣмъ готовы, то мы съ сегодняшнимъ же приливомъ и снимемся съ якоря. Знаешь свое дѣло, а?

— Капитанъ... я... то есть...

— Ну, ладно; на насъ угодить не такъ трудно.

— Тѣмъ лучше.

— Ну, пойдѣмъ же записаться въ книгу.

Филлдоръ пошелъ за капитаномъ Лесуромъ; расписался въ книгѣ экипажа; потомъ капитанъ сунулъ ему въ руку пятьдесятъ франковъ, и подаль какую-то афишку.

— Вотъ, братъ, наши условія.

И онъ оставилъ Филлдора одного, изумленнаго, съ афишкою въ одной рукѣ, и съ деньгами въ другой. Онъ подошелъ къ фонарю и прочиталъ объявленіе; на немъ было напечатано крупными буквами: «На корабль *Пенгуенъ* требуется поварь; жалованья полагается по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ.» Филлдора опять стала бить лихорадка; онъ ничего не смысливъ въ поварскомъ искусствѣ; какъ быть? Сойти съ корабля ему и не приходило въ голову; это значило бы отказаться отъ послѣдней надежды. Между-тѣмъ, какъ онъ обдумывалъ свое затруднительное положеніе, корабль сваялся, и когда онъ взошелъ на палубу, маякъ былъ уже точкою, меньше самой далекой звезды на небѣ. Желаніе нашего миллионера ис-

попнялось, онъ былъ на пути къ Франціи; но онъ былъ поваромъ, и не умѣлъ сварить простой похлебки! Не стану описывать гримасъ и ругательствъ, служившихъ приправою къ первому изготовленному имъ обѣду.

Филидоръ былъ не изъ храбрыхъ; онъ тотчасъ же сознался въ своей неопытности въ поварскомъ дѣлѣ; разсказалъ свою исторію; сначала ему—было не вѣрили; наконецъ, однако же, искренность его и безумная радость убѣдили невѣрующихъ въ истиннѣ его словъ. И добрые моряки не только не сердились, но находили даже очень забавнымъ имѣть повара миллионера; каждый помогалъ ему совѣтомъ, поощреніемъ, даже похвалами; словомъ, дѣло обошлось, какъ нельзя лучше.

Однажды, на разсвѣтъ, показались берега Франціи; громкое ура разнеслось по широкому морю. Филидоръ не могъ присоединить своего голоса къ радостнымъ кликамъ экипажа; сердце его сильно билось, будто хотѣло выскочить; онъ пожиралъ глазами далекій берегъ, билъ въ ладоши, какъ ребенокъ. Словомъ, экипажъ на этотъ день обошелся безъ обѣда. Скоро ясно показался легкій столбъ дыму; это былъ Гавръ. И пора было приѣхать; Филидору оставалось всего два дня и ночь. Онъ не помнилъ себя отъ радости; пошелъ благодарить капитана Лесура; но капитанъ, нахмуривъ брови, направлялъ подзорную трубку на бѣлую точку, приметно росшую между кораблемъ и берегомъ.

— Филидоръ, отвѣчалъ онъ на вопросы поворамиллионера, или я ошибаюсь, или плохо намъ будетъ; не въ добрый часъ показался этотъ парусъ.

— Какъ такъ, капитанъ?

— Да такъ же... чортъ возьми! вотъ смотри, проклятый флагъ, отъ котораго до-сихъ—поръ хранилъ насъ Богъ! Это англійскій корабль; насъ увидѣли и идутъ къ намъ на всѣхъ парусахъ; намъ нельзя даже уходить...

— Капитанъ... Что же намъ дѣлать? спросилъ Филидоръ, едва переводя духъ отъ безпокойства.

— Одна... двѣ... три... четыре... шесть... восемь пушекъ; проклятый корсаръ. Что-же прикажешь дѣлать? оружія у насъ нѣтъ; развѣ нѣсколько старыхъ ружей, да дюжина топоровъ. Надо сдаваться... или онъ насъ потопитъ.

— Сдаваться... да вѣдь это значить, капитанъ, умереть на

понтоннахъ; навсегда отказаться отъ надежды воротиться во Францію.

— Что-же дѣлать?

— Защищаться!

— Легко сказать, братецъ. Миліончикъ упустить изъ рукъ не весело, знаемъ; да спроси другихъ, желаютъ ли они отдать жизнь за тѣмъ, чтобы обогатить тебя! Ты, братецъ, будешь биться изъ-за миліона, а они изъ чего?..

— Въспомо такъ, капитанъ правъ, у насъ нѣтъ оружія.

И цѣлый хоръ одобрительныхъ голосовъ оглушилъ Филлидора, будто упокойный звонъ надъ его надеждою. Страсть къ деньгамъ одушевляла его мужество; отчаяніе сдѣлало его героємъ. Онъ вскочилъ на бакъ, схватилъ топоръ, и говорилъ, размахивая имъ:

«Труссы! никто развѣ не ждетъ васъ на родинѣ! забыли вы отцовъ и матерей, женъ и невѣстъ! — Не ты ли мнѣ говорилъ вчера, Жакъ, что мать твоя умретъ съ голоду, если ты ранѣе не дѣлши не поспѣешь къ ней на помощь съ своимъ жалованьемъ? Не ты ли, Андре, плакалъ отъ радости, думая о томъ, какъ подросъ твой ребенокъ! — Не ждетъ тебя твоя Маргарита, Жоржъ? не считаетъ она на четкахъ дней разлуки; не зарумяниваются ея щеки любовью и надеждою, когда она думаетъ о скоромъ возвращеніи жениха! Или вы забыли и домъ свой, и ожидающее васъ счастье? братья ваши, отцы, друзья, не озаряются-ли славою, побѣждая все народы? а вы, стыдитесь, труссы! вы говорите о славѣ; ступайте же, опускайте флагъ, вѣренный вамъ отечествомъ, ступайте на англійскіе повтоны, скройте тамъ свой позоръ! но не возвращайтесь на родину; потому-что тамъ все отрекутся отъ васъ, и матери, и дѣти, и невѣсты; все скажутъ, указывая на васъ: вотъ, шестнадцать человѣкъ побоялись двадцати англчанъ и восьми пушченковъ!

— Молодецъ, миліонеръ, славно! вскричалъ капитанъ Лесуръ; чтожь ребята, вѣдь дѣло говоритъ парижанинъ-то! не о шести рукахъ англчанинъ! За дѣло, братцы, къ оружію! Да здравствуетъ императоръ!

— Да здравствуетъ императоръ! повторилъ экипажъ въ восторгъ.

— Окликаетъ насъ, чортовъ сынъ! не отвѣчать, дайте подойти, и разомъ, на abordажъ!

Мертвое молчаніе водворилось на палубѣ. Англчанинъ

сталъ быстро подходить, пуская отъ времени до времени по ядру; онъ такъ былъ увѣренъ въ своей силѣ, что даже не удостоилъ врага одного залпа. Оба судна скоро сошлись, сцепились дрегами. Тутъ только англичанинъ понялъ, что имѣлъ дѣло съ врагомъ, твердо рѣшившимся побѣдить или погибнуть. Выстрѣливъ по заряду, обѣ стороны бросили ружья, и завязался жестокой бой на пикахъ и топорахъ: кровь лилась ручьями по палубѣ корсара. Это было не сраженіе, а рядъ отдѣльныхъ поединковъ, которые не рѣдко оканчивались смертью обонхъ противниковъ. Наконецъ Филидоръ, сильнымъ ударомъ топора сшибъ съ ногъ начальника корсаровъ, которые, видя своего капитана мертвымъ, сдались безусловно.

Не вѣря почти собственной побѣдѣ, французы стали считать убитыхъ; пятеро выбыли изъ рядовъ; всѣ были болѣе или менѣе переранены. Капитанъ Лесуръ распустилъ всѣ паруса на обонхъ корабляхъ, и спустя вѣскольکو часовъ, онъ входилъ съ призомъ въ Гаврекую гавань, гдѣ вся толпа народа ждала его, хлопая въ ладоши и съ радостнымъ ура.

Когда герои сошли на берегъ, народъ окружилъ ихъ; каждый хотѣлъ вблизи насмотрѣться на нихъ, каждый хотѣлъ ухаживать за ними, принять ихъ въ свою квартиру. Капитанъ Лесуръ, какъ честный морякъ, отказывался отъ приписываемой ему чести, и рассказалъ подвигъ Филидора.

Имя его стало переходить изъ устъ въ уста. Всѣ окружали, поздравляли, честили его; городскіе чины пришли его поздравить безконечною рѣчью; мѣстные поэты читали въ честь его днѣирамбы, служившіе уже по третьему и по четвертому разу; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ пропѣли ему кантату, продолжавшуюся не менѣе двухъ часовъ. На вечеръ устроили въ честь его обѣдъ и балъ.

Между тѣмъ, Филидоръ горѣлъ нетерпѣніемъ; каждая минута была ему дорога; при каждомъ новомъ залпѣ похвалъ и восторговъ онъ бормоталъ сквозь зубы: какъ бы мнѣ только отсюда вырваться!

Онъ общалъ все, чего отъ него ни требовали, на все соглашался, но умолялъ, чтобы ему дали минуточку свободы подъ вымышленнымъ предлогомъ, что ему надо перемѣнить окровавленное бѣлье. Тутъ только городскіе сановники прекратили свои рѣчи, поэты свои днѣирамбы, а дѣвушки въ бѣлыхъ

платахъ, свои кантаты; и мигомъ разнеслось по городу, что Филлдоръ, побѣдитель англичанъ, великій Филлдоръ, знаменитый Филлдоръ, поваръ — миллионеръ, пошелъ надѣть чистую сорочку.

Онъ дѣйствительно переодѣлся, и перерядился, какъ могъ; за тѣмъ онъ обѣгалъ весь городъ, отыскивая дилижансъ, который повезъ бы его въ Парижъ. Но будто на зло ему всѣ мѣста были разобраны; везъ, отъ первой конторы до послѣдней, одинъ отвѣтъ: нѣтъ мѣсты! Онъ сѣва стоялъ на погахъ. Толстый, пожилой человекъ тщательно складывалъ билетъ на послѣдніе два мѣста, которыя онъ только-что взялъ; Филлдоръ разсмотрѣлъ его со вниманіемъ, и вскрикнулъ отъ радости: онъ узналъ Фалампена.

—Филлдоръ, воскликнулъ Фалампень, ты ли тотъ Филлдоръ, котораго имя на всѣхъ устахъ, который навѣки прославился такимъ дивнымъ подвигомъ; ты ли тотъ храбрый, краснощечивый Филлдоръ?

—И миллионеръ въ придачу! Я самъ, г. Фалампень, я самъ!

—Миллионеръ!... Филлдоръ, другъ мой, пойдѣмъ поскорѣе поздороваться съ моею дочерью; а какъ она о тебѣ горевала, бѣдняжка. Видно нечего дѣлать... надо быть по вашему... она слишкомъ любитъ тебя... пойдѣмъ, мой другъ, пойдѣмъ обнять Леокадію.

—Позвольте на минуту, отвѣчалъ Филлдоръ. Вы ѣдете въ Парижъ?

—Ѣду.

—Когда?

—Сегодня же вечеромъ.

—Нѣтъ, г. Фалампень, я хочу, чтобы и вамъ былъ сдѣланъ почетъ въ лицѣ вашего будущаго зятя. Городское начальство даетъ сегодня въ честь мою обѣдъ и балъ; я хочу представить гостямъ мою милую невѣсту, и почтеннаго тестя, вы должны разделить мое торжество. Дайте мнѣ свои мѣста, и ихъ уже устрою... а вы поѣдете въ другой разъ.

—Филлдоръ... возможно ли... ты хочешь... ну, такъ и быть! вотъ билетъ, бери его. Пойдѣмъ, пойдѣмъ, юный побѣдитель, прими награду мужества изъ рукъ красоты!

Нѣтъ, я не могу явиться къ дамъ въ подобномъ нарядѣ... ступайте, я приду за вами... мнѣ только надѣть... другіе брюки.

Часть спустя, Филлдоръ ѣхалъ въ Парижъ, занимая оба мѣста, г. Фалампена и его дочери.

Городскія власти, собравшись у префекта, съ нетерпѣніемъ ждали героя, когда вошелъ въ залу добрый негоціантъ съ дочерью и возвѣстилъ честному собранію, что будущій его зять пошелъ надѣвать другіе брюки. Поздравленія посыпались со всѣхъ сторонъ г. Фалампену и Леокаліи; между которыми былъ слышенъ только шопотъ въ нетерпѣливыхъ кружкахъ: великій Филлдоръ изволяетъ надѣвать другіе брюки!

Спутникомъ Филлдора былъ человекъ, не менѣе его спѣшившій въ Парижъ. Онъ то и дѣло погонялъ ямщиковъ, щедро давалъ имъ на водку, и часто приговаривалъ въ отчаяніи: «Опоздаю... опоздаю.» На что Филлдоръ съ своей стороны отвѣчалъ такимъ же стономъ! «Поспѣю ли во время?..» Одинакое безпокойство, повидимому, мучило обохъ; того и другаго была та же лихорадка; и тотъ и другой съ отчаяніемъ жаловались на медленность ѣзды; та же радость блистала въ глазахъ обохъ, когда ямщикъ, сломя голову, пускалъ лошадей подъ гору.

—Мы не ѣдемъ, а полземъ, говорилъ Филлдоръ.

—Ямщикъ, кричалъ незнакомецъ, пять франковъ на водку, если взѣдешь на гору доброю рысью.

Съ какою благодарностью, съ какою любовью Филлдоръ смотрѣлъ на сосѣда, ибо карета при этомъ словѣ уносила будто волшебною силою... Словомъ, такъ они загоняли ямщика, то тотъ, то другой, что въ двадцати пяти миляхъ отъ Парижа карета опрокинулась и разбилась, такъ, что небыло возможности ѣхать въ ней далѣе.

Это было въ два часа ночи. Незнакомецъ поспѣшно отправился пѣшкомъ, говоря про себя:

—На станціи возьму почтовую лошадь, и доѣду верхомъ.

Филлдоръ пошелъ за нимъ. Они прошли пѣшкомъ двѣ мили и достигли наконецъ станціи. Оставалась одна только лошадь; Филлдоръ уже садился на нее, когда незнакомецъ пришелъ въ конюшню.

—Милостивый государь, сказалъ онъ, мнѣ нужна лошадь.

—Очень жаль, но она мнѣ нужна самому.

—Даю вамъ двѣнадцать тысячъ франковъ, только уступите ее мнѣ.

— Не возьму и двадцати тысячъ, вотъ вамъ мое слово...

— Ради Христа, уступите мнѣ лошадь.

— Говорю вамъ, нѣтъ; долго ли мнѣ еще съ вами тратить время по-пустому.

— Послушайте, дѣло идетъ о вѣчномъ моемъ спокойствіи.

— А для меня, сударь, дѣло идетъ о миллионѣ.

— Если бы вы знали...

— Нехочу ничего знать... отставьте отъ меня.

— Моя жена..

— Убирайтесь вы къ чорту, и съ женою и со всемъ.

— Обманываетъ меня... Въ эту самую ночь, я долженъ поймать ее на дѣлѣ... убить ее?..

— Успѣете убить ее завтра.

— Нѣтъ, мерзавецъ, тебя самого убью, и сейчасъ-же.

Съ этими словами, оскорбленный мужъ схватилъ вилу; но Филидоръ схватилъ другую, и завязался страшный поединокъ, съ невыразимымъ ожесточеніемъ. Спустя пять минутъ, незнакомецъ лежалъ въ крови, а Филидоръ, безъ памяти, съ одурѣлымъ взглядомъ, въ изорванномъ платьѣ, несся во-весь опоръ, точно фантастическій всадникъ Бюргера.

Когда Филидоръ въѣхалъ въ Парижъ, солнце обливало столицу своими золотыми лучами. Хотя еще было рано, но по всемъ улицамъ тѣснилась веселая, разряженная толпа. Безпрестанно слышался бой барабановъ. Множество войска, съ музыкаю и въ парадныхъ мундирахъ, покрывало набережныя и бульвары.

Филидоръ спросилъ перваго, попавшагося ему на встрѣчу, что все это значить.

— Сегодня воскресенье, сударь, отвѣчалъ ему простодушный парижанинъ. Императоръ будетъ дѣлать смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ.

Несчастный молодой человекъ едва устоялъ на ногахъ; смертнымъ приговоромъ прозвучало въ ухахъ его слово *воскресенье*. Онъ побѣжалъ въ лотерейную контору; какъ онъ предвидѣлъ, она была заперта, а старая конторщица, съ пяти часовъ утра, пошла искать себя на солнцѣ и на пыли мѣсто, откуда бы посмотреть на великолѣпный смотръ.

Филидоръ сѣлъ въ уныніи на тумбу, крупныя слезы текли по щекамъ его; онъ ничего не видѣлъ, почти не слышалъ, какъ

добрые парижане поспѣшно проходили мимо его, и какъ самые сострадательные изъ нихъ изъявляли свое бесполезное сожалѣніе. «Бѣдняжка!»

Вдругъ прошелъ мимо его разнощикъ.

— Купите, говорилъ онъ хриплымъ голосомъ, купите самую новую книжку. Это подробный и вѣрный отчетъ о томъ, какъ купеческій брикъ *Пенгуенъ*, съ шестнадцатью человѣками экипажа и безъ оружія, взялъ на бордажъ англійскій восемнадцати—пушечный корсаръ. Въ немъ описаны: дивная рѣчь повара Филидора, его геройство, число враговъ, положенныхъ на мѣсть его рукою, ожесточенный бой, и проч.

Разнощикъ уже былъ далеко, когда Филидоръ поднималъ голову. Онъ поспѣшно отеръ слезы, и какъ стрѣла пустился на Марсово поле.

Наполеонъ, окруженный великолѣпнымъ своимъ штабомъ, проходилъ по рядамъ храбраго своего войска. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ сталъ близъ Военной Школы, чтобы смотрѣть, какъ они будутъ проходить, незнакомый человѣкъ пробился сквозь толпу, и съ быстротою молніи, бросился къ его ногамъ. Это былъ Филидоръ.

— Что это за человѣкъ? спросилъ Наполеонъ.

— Ваше величество, меня зовутъ Филидоромъ; я взялъ на бордажъ англійскій корсаръ.

— А, это ты, мой храбрый поваръ! Хорошо; я купилъ для тебя брикъ *Пенгуенъ*, вооружу его шестью пушками, и тогда попляшутъ у насъ чортовы дѣти, англичане!

— Ваше величество..

— Говори, что тебѣ еще надо? Крестъ? мы подумаемъ.— Видя, что Филидоръ все еще не вставалъ; онъ прибавилъ:— Что-жь, ты еще не доволенъ? чего-жь тебѣ еще надо?

— Государь, я выигралъ въ лотерею миллионъ франковъ, и опоздалъ нѣсколькими часами для истребованія своего выигрыша.

— Вотъ что! такъ ты бился изъ-за миллиона, и знать не хочешь нашихъ наградъ. Ступай же, требуй своего выигрыша, г. кухмистеръ, мы сдѣлаемъ распоряженіе объ удовлетвореніи тебѣ.—И императоръ отвернулся, бросивъ на него презрительный взглядъ.

Я уже говорилъ, что Филидоръ былъ не изъ храбраго десятка, онъ подумалъ, что вѣдь не онъ первый, не онъ послед-

нѣй бился за собственную шкуру. Онъ легко утѣшился въ презрѣннѣ великаго человѣка мыслью о своемъ милліонѣ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать слѣдующаго дня.

Наступилъ наконецъ этотъ блаженный день. Филидоръ поспѣшилъ въ лотерейную контору; беззубая старуха, ея котъ и списки, были точно въ такомъ же положеніи, какъ передъ отъездомъ его въ Америку.

Конторщица вспомнила, что видѣла его, но долго не могла взять въ толкъ, чего онъ отъ нея хотѣлъ.

— Узнать свои нумера, старая башка; я выигралъ милліонъ, но я затерялъ билетъ, такъ надо мнѣ узнать свои нумера.

— Вотъ они, ваши нумера, невѣжа, да отвѣжитесь съ ними.

Филидоръ съ жадностью пробѣжалъ то мѣсто въ спискахъ, гдѣ было показано его имя и взятые имъ нумера; и вынулъ изъ кармана листокъ Journal de l'Empire, давшій ему такія надежды.

Неподвижными, одурелыми глазами сравнивалъ онъ два списка номеровъ; всѣ нумера были разные.

Почти безъ чувствъ опустился онъ на истертую скамью, украшавшую контору.

— Ради Христа, простоналъ онъ слабымъ голосомъ, — ставь воды!

Милліонъ расплылся водою.

ИСТОРИЯ БЕРЛИНСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ТЕАТРА.

Наполеонъ съ Финкенштейнскихъ бивуаковъ, между Эйлаускимъ сраженіемъ и Фриланскимъ, мирилъ домашнія несогласія своей Оперы; а въ стѣнахъ Кремлевскихъ писалъ положеніе, которымъ до-сихъ-поръ управляется въ Парижѣ Французскій Театръ. Послѣ этого неудивительно, если другой изъ близкихъ къ нашему времени великихъ людей, Фридрихъ Великій, находилъ также возможность *урывать минуту отъ государственныхъ дѣлъ*, для управленія закулиснымъ міромъ. Фридрихъ основатель берлинскаго театра.

По смерти его отца, скупаго и суроваго Вильгельма, въ Берлинѣ, юной столицѣ новаго государства, считалось не болѣе пятидесяти тысячъ жителей, т. е. едва восьмая часть настоя-

щаго ея населенія. Не имѣлъ онъ ни древности, ни хорошихъ зданій, не имѣлъ даже двухъ зданій, находящихся въ каждомъ сколько нибудь значительномъ городѣ, храма и театра. При первомъ Прусскомъ королѣ, Фридрихѣ I (бывшемъ курфирствѣ Фридрихѣ III), бывали, правда, въ Берлинѣ театральныя представленія, оперы и балеты; но только во дворцѣ, и то изрѣдка, по-случаю какихъ-либо придворныхъ, или народныхъ торжествъ. Сохранялась даже память одного подобнаго представленія, въ которомъ Фридрихъ I, во всемъ подражавшій Людовику XIV, принуждалъ старшаго сына, бывшего впоследствии отцомъ Фридриха Великаго, участвовать въ балетѣ, въ костюмѣ амура. Но до самой смерти Вильгельма, въ Берлинѣ небыло публичныхъ представленій. Протестантское ученіе, при рожденіи своемъ, было враждебно искусствамъ; ибо, преслѣдуя суевѣрія Римской церкви, оно вдалось, такъ сказать, въ иконоборство. Строгость протестантскихъ правовъ долго еще послѣ Тридцатилѣтней войны препятствовала въ Пруссіи развитію склонности къ театру. Скептическая, безпечная философія восемнадцатаго вѣка должна была сначала смягчить эту суровость первыхъ поборниковъ реформаціи.

Вступая на престолъ, въ 1740 году, Фридрихъ II, успѣвшій въ своемъ Кистринскомъ заключеніи изучить философію и военное искусство, и научиться играть на флейтѣ, замышлялъ три дѣла: снискать дружбу Вольтера, завоевать Силезію, и построить оперный театръ. Черезъ два гола, всѣ эти желанія были исполнены. Вольтеръ, которому онъ писалъ о восшествіи своемъ на престолъ, отвѣчалъ ему съ подобострастіемъ, и поспѣшилъ явиться съ поклономъ къ своему вѣнценосному другу. Съ другой стороны, Силезія была отнята у Маріи Терезіи, и въ Берлинѣ достраивался театръ.

Это зданіе было заложено 5 сентября 1741 года, во время пребыванія короля въ Силезіи, однимъ изъ его братьевъ, принцомъ Гейнрихомъ или Фердинандомъ.

Мѣсто для театра, то же самое, которое онъ занимаетъ и теперь, было выбрано на огромномъ пустомъ пространствѣ, между королевскимъ дворцомъ, за лѣвымъ рукавомъ Шпрен, и старымъ берлинскимъ валомъ. Нынче, вслѣдствіе разширенія прусской столицы, театръ находится въ центрѣ лучшихъ частей города, между дворцовою площадью и липами. Вокругъ

него, будто царедворцы вокругъ царя, возвышается нѣсколько другихъ зданій, еще новѣйшаго происхожденія, Университетъ, Артиллерійскій Музей, Королевская Библіотека, католическая церковь, и проч. Постройка производилась такъ длительно, что въ началѣ 1743 года театръ былъ уже оконченъ. Между тѣмъ, какъ онъ строился, король послалъ своего придворнаго капельмейстера, Карла Гейнриха Грауна въ Италію, набирать пѣвцовъ и пѣвицъ, а французскій балетмейстеръ Мишель Пуатье везъ изъ Парижа, въ качествѣ первыхъ танцовщицъ, г-жу Роланъ и г-жу Кошуа, бывшую впоследствии Маркизою д'Аржанъ.

Нетерпѣніе короля не позволило ему дожидаться, для открытія театра, совершеннаго окончанія работъ. Едва онъ успѣлъ возвратиться въ Берлинъ, послѣ того, какъ Бреславскій миръ доставилъ ему Силезію, довольный своими успѣхами на поприщѣ философіи и войны, онъ захотѣлъ немедленно удовлетворить и третье свое желаніе. Граунъ написалъ къ этому случаю свою оперу *Цесарь и Клеопатра*; Пуатье сочинилъ новыя па. Первое представленіе на берлинскомъ театрѣ было 7 декабря, 1742 года.

Фридрихъ, которому лично принадлежалъ оперный театръ, и который одинъ несъ всѣ его расходы, публику же приглашалъ безденежно, по своему выбору, до самаго конца своего пятидесятилѣтняго царствованія, занимался имъ весьма длительно. Онъ придавалъ такую важность своему театру, что нередко обращался къ дипломатическимъ агентамъ для успѣшнаго окончанія какихъ-либо переговоровъ, или даже для побужденія строитивыхъ артистовъ, принять его предложенія или исполнить свои обѣщанія. Такихъ примѣровъ тѣмъ въ исторіи берлинскаго театра; стоитъ только брать ихъ на выдержку изъ книги Лудвига Швейдера, рывшагося въ королевскихъ архивахъ. Вотъ одинъ случай:

Одна знаменитая венеціанская танцовщица, Барбарина, была ангажирована на берлинскій театръ; но между тѣмъ, какъ контрактъ ея посланъ на утвержденіе короля, ибо такія дѣла подлежали ратификаціи наравнѣ съ перемиріями и трактатами, она раздумала, и начисто отказалась отъ поѣздки въ Пруссію. Не нужно ломать головы, чтобы догадаться, что было причиною этого внезапнаго отказа; разумѣется, любовь. Одинъ молодой англичанинъ, Лордъ Стюартъ Макензи, влюбился въ прекра-

сную танцовщицу до того, что хотълъ на ней жениться. Чего ей было желать лучшаго? поэтому, какъ ему не хотълось видѣть свою богиню на театральныхъ доскахъ, то и она нисколько не желала сдѣлать ему это неудовольствіе и упустить предлагаемый ей титулъ. Но она имѣла дѣло съ людьми посильнѣе, и поуправле ея. Король хотълъ непременно, чтобы она была на берлинскомъ театрѣ; и лучшимъ средствомъ для исполненія своего желанія считалъ онъ — обойтись съ танцовщицею, какъ обходился съ рекрутами: похитить ее. Это похищеніе подало поводъ къ длинной перепискѣ между королемъ и разными дипломатами; вотъ изъ нея нѣсколько отрывковъ :

Письмо графа Катанео къ министру Подевилюсу.

Венеція, 22 января 1774.

«Получивъ приказанія его величества, отъ 31 числа прошлаго мѣсяца, чтобы не возвыгнуть новыхъ препятствій къ ангажированію Барбаринны, имѣю честь просить ваше сіятельство донести его величеству, что, не видя до-сихъ-поръ въ правительствѣ расположенія мѣшаться въ это дѣло, я обратился къ посланникамъ Французскому и испанскому.

«Первый велѣлъ пригласить означенную Барбаринну къ себѣ на обѣдъ въ будущее воскресенье; мы постараемся убѣдить ее кротостью. Если ея англичанинъ все еще будетъ противиться, мы ее похитимъ, и отправимъ съ вѣрнымъ конвоемъ, къ ногамъ его величества, ибо у меня есть контрактъ, подписанный собственною ея рукою, которымъ она обязывается перейти въ службу короля, и мать ея намѣрена твердо стоять на томъ, чтобы она исполнила свое обѣщаніе. Такимъ образомъ, у насъ будетъ и право, и благовидность, ибо бѣдная дѣвушка совсѣмъ погубитъ себя своею любовью къ англичанину.

«Но надо непременно, чтобы его величество прислалъ мнѣ собственноручно имъ подписанный дипломъ для ангажированія Барбаринны, въ которомъ были бы процисаны все условія, изложенныя мною въ моей депешѣ отъ 15 ноября, за № 223; ибо, я ручаюсь, что какъ скоро она будетъ въ Берлинѣ, его величеству не трудно будетъ ангажировать ее на всю жизнь.»

ПРИКАЗЪ ИЗЪ КОРОЛЕВСКАГО КАБИНЕТА ГРАФУ ДОНА, ВЪ
ВѢНѢ.

17 марта, 1744.

«Слухъ, о которомъ вы упоминаете въ депешѣ отъ 7-го

текущаго мѣсяца, будто я велѣлъ задержать экипажи венеціанскаго посланника Канилло, ни на чемъ не основанъ; его экипажи проѣхали даже черезъ мои владѣнія безпошлинно; ибо я отмѣнилъ приказаніе о взѣмѣ съ нихъ пошлинъ, какъ скоро получилъ извѣстіе о намѣреніи Венеціанской Республики удовлетворить меня въ дѣлѣ Барбарини. Надеюсь, что она не оставитъ своего обѣщанія безъ исполненія, и молю Бога, и проч.

«Фридрихъ.»

ПРИКАЗЪ КОРОЛЕВСКАГО КАБИНЕТА ГРАФУ ДОНА, ВЪ ВѢНѢ.

«Въ отвѣтъ на донесеніе ваше отъ 24 прошлаго мѣсяца, объясняю вамъ свое желаніе, относительно Барбарини.

«Я желаю, чтобы Венеціанскій Сенатъ отправилъ ее, подъ присмотромъ двухъ челоуѣкъ, которые бы отвѣчали за нее, въ Вѣну, откуда вы имѣете отправить ее въ Берлинъ, черезъ Сплезію, принявъ всѣ мѣры, какія сочтете нужными для ея вѣрнаго доставленія сюда.

«Старайтесь внушить это венеціанскому посланнику; я надеюсь, что Республика не откажется сдѣлать это мнѣ въ угодность.

Берлинъ, 4 апрѣля 1744.

«Фридрихъ.»

ПОЛНОМОЧІЕ, ДАННОЕ ВЕНЕЦІАНСКИМЪ ПОСЛАННИКОМЪ, КОНТАРИНИ, АГЕНТУ МАЙЕРУ.

«Танцовщица Барбарина имѣетъ быть сдана тому, кто предъявитъ настоящую записку на венеціанской границѣ Фріульской области съ Австрією, между городами Пальмада и Горичія. Въ удостовѣреніе чего и проч.

Вѣна, 4 апрѣля 1744.

Венеціанскій посланникъ, Марко Контарини.

За тѣмъ слѣдуетъ подробное наставленіе графа Дона, агенту Майеру, объ пересылкѣ прелестной упрямыцы.

Похищенная Барбарина, была дѣйствительно отвезена съ конвоемъ въ Берлинъ, куда послѣдовалъ за нею и ея англичанинъ. Онъ надѣялся тронуть короля, написавъ ему о своемъ намѣреніи жениться на прекрасной танцовщицѣ, и прося его дозво-

лтъ ей отказаться отъ контракта. Письмо его очень трогательно; оно очевидно написано человекомъ, влюбленнымъ до безумія.

Вмѣсто отвѣта, король приказалъ ему выѣхать изъ Берлина; англійскій посланникъ, Лордъ Гинфордъ, всеми силами старался о его высылкѣ; кто говоритъ изъ личной вражды къ лорду Стюарту Макензи, принадлежавшему къ партіи виговъ, а кто, — изъ дружбы и уваженія къ семейству влюбленнаго, бывшаго съ нимъ въ родствѣ. Какъ-бы то ни было, но приключенія Барбаринны, представляютъ удобную рамку для обширнаго историческаго и правоописательнаго романа, въ которомъ нашлось бы все, любовь, политика, искусства, путешествія, Марія Терезія и Помпадуръ, Берлинъ и Венеція, и Югъ и Сѣверъ. Кто желаетъ воспользоваться всеми этими данными, пускай обратится къ книгѣ Шнейдера, а мы заимствуемъ изъ нея только съ полдюжины писемъ и отмытокъ, писанныхъ Фридрихомъ уже послѣ Росбахской побѣды и Губертсбургскаго мира, когда окончаніе Семилѣтней войны позволило ему обратить свою дѣятельность на управленіе театра.

1. Къ барону Пельницу.

«Такъ-какъ на содержаніе танцовщиковъ и танцовщицъ назначена особая сумма, то должно соображаться съ нею. Дени можетъ выписать фигурантокъ, назначивъ имъ по 300 гульденовъ въ годъ, и одного фигуранта, которому дать отъ трехъ до четырехъ сотъ гульденовъ. Девье и Дюбуа пускай остаются. Не нужно намъ ни втораго танцовщика, ни второй танцовщицы. Пускай Дени расскажетъ сюжетъ третьяго кордебалета въ *Сакико*. Я сочиню новый, если вы останетесь въ должности директора комедіи и балета. И кому же занимать эту должность, какъ не вамъ, баронъ? За тѣмъ, и проч.

Потсдамъ, 28 октября 1764.

«Фридрихъ.»

2. Къ нему же.

«Вслѣдствіе вашего письма отъ 21 числа, я велѣлъ сказать Ковчялини, который находится здѣсь уже нѣсколько дней, что вамъ приказано возобновить его контрактъ на три года. Почему

я и думаю, что онъ явится къ вамъ для окончанія этого дѣла. Не думайте, впрочемъ, чтобы я на старости лѣтъ сошелъ съ ума, и согласился дать актеру пять тысячъ гульденовъ; не понимаю даже, какъ вы можете это предлагать. Вы знаете, что я даю этимъ людямъ; я не думаю, чтобы талантъ Фіервиль стоилъ большаго.

Потсдамъ, 22 февраля, 1777.

«Фридрихъ.»

3. Собственноручная отмѣтка короля на письмѣ графа Цвротина, вѣвшаго въ то время директоромъ театровъ.

15 іюня, 1771.

«Балеты слишкомъ скучны; нужно что нибудь, что доставляло-бы удовольствіе и недорого стоило; я дамъ, пожалуй, новое платье для новой актрисы, но на балеты не дамъ ничего. Не знаю, что это за Бурновиль; пускай танцуетъ, но какъ она не пользуется извѣстностью, то я, разумется, не возьму ея.»

4. Другая отмѣтка.

21-го іюля, 1771.

«Должно давать только обыкновенные балеты.

«Тизбея должна быть одѣта сельскою нимфою, въ атласъ тѣлеснаго цвѣта, и серебряномъ газѣ съ цвѣтами.»

5. Еще отмѣтка.

1-го февраля, 1773.

«Танцовщикъ и его жена не стріуютъ гроша; надо ихъ поскорѣ спровадить, безъ лишнихъ разговоровъ.»

6. Барону Арниму.

«Скажите пѣвицѣ Марѣ, въ отвѣтъ на ея письмо, которое вамъ препровождаю, что ей платятъ деньги за то, чтобы она пѣла, а не писала; что аріи были хороши безъ ея поправокъ, и что ей слѣдовало пѣть ихъ безъ всякихъ разсужденій и капризовъ.

«Фридрихъ.»

Изъ этихъ отиѣтокъ, видно, что Фридрихъ не церемонился съ актрисами; что онъ у него были вышколены подь барабанъ, какъ солдаты; замѣтимъ мимоходомъ, что такъ-же мало церемонился онъ съ французскою грамматикою, и что велегкій подвигъ совершилъ Вольтеръ, возстановляя французскій синтаксисъ и орфографію въ сочиненіяхъ короля-философа.

За исключеніемъ немногихъ внутреннихъ переменъ при Фридрихъ-Вильгельмъ II, ибо нельзя же было всегда держать генераловъ на ногахъ въ партеръ, или употреблять болѣе тысячи лудоровъ на освѣщеніе залы, театръ оставался въ томъ же видѣ цѣлое столѣтіе, до истребленія его пожаромъ 18-го Августа 1843 года. Наканунъ еще давался въ немъ концертъ, послѣдній голосъ, раздававшійся въ этой залѣ, гдѣ столько разъ раздавались голоса дивнаго Парморана, знаменитой Мольтени или Мары, въ этой залѣ, которую Жоржъ-Сандъ избрала поприщемъ славы своей Консуло, — былъ голосъ той самой пѣвицы, которая внушила гениальной романисткѣ мысль ея героини.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, извѣстный по всей Европѣ своею любовью къ искусствамъ, немеленно воскресилъ изъ-подъ пепла памятникъ, воздвигнутый Фридрихомъ Великимъ. Эта постройка совершена въ годъ и два мѣсяца архитекторомъ Лангансомъ; онъ составилъ планъ, и велъ самыя работы, подь наблюденіемъ графа Редерна. Чтобы по возможности сохранить въ прежнемъ видѣ этотъ въковой памятникъ Фридриха, не упускающая однако же изъ виду современной склонности къ великолѣпію и понятій объ удобствахъ, театръ построили на основаніяхъ прежняго зданія, и удержали прежній его наружный видъ и украшенія; внутреннее же распределеніе и отдѣлка совершенно новы. Наружный видъ театра представляетъ греческій храмъ; эта форма тогда еще не была такъ опошлена и истаскана, какъ теперь; длина его въ 300 футовъ; ширина въ 106. Главный фасадъ представляетъ колоннаду коринтскаго ордена, съ фронтономъ, надъ которымъ стоитъ посрединѣ статуя Аполлона, а по концамъ Талія и Мельпомены. Самый фронтонъ украшенъ барельефомъ, изображающимъ жертвоприношеніе Аполлону; подь фронтономъ надпись:

Fredericus rex Apollini et musis.

Пониже, еще четыре барельефа, изображающіе: 1-й, превращеніе

Дафны; 2-й, Аполлона, обучающаго пастуховъ; 3-й, казнь Марила; 4-й, наказаніе Мидаса; наконецъ четыре рамы, в ъ нихъ статуи четырехъ греческихъ драматическихкихъ поэтовъ, Софокла, Еврипида, Аристофана и Менандра.

На заднемъ фасадѣ также фронтонъ, со статуями трехъ грацій, и съ барельефомъ, изображающимъ Орфея, привлекающаго дикихъ звѣрей звуками лиры. Четыре нижніе барельефа изображаютъ: 1-й, Орфея, сходящаго въ адъ за Евридикю; 2-й, Орфея, усыпляютшаго Цербера; 3-й, Орфея, укрощающаго вакханокъ; 4-й, Меркурія, усыпляютшаго Аргуса. Въ четырехъ бѣгахъ поставлены статуи четырехъ латинскихъ поэтовъ, писавшихъ для театра: Вара, Сенеки, Плавта и Теренція.

На боковомъ фасадѣ, обращенномъ къ Королевской Библиотекѣ, шесть устьевъ коринтскаго ордена, примкнутыхъ къ стѣнѣ, по образцу колоннъ главнаго и задняго фасадовъ; на нихъ статуи шести музъ. Въ промежуткахъ четыре барельефа, изображающіе: 1-й, Пана, учащаго пастуховъ играть на флейтѣ; 2-й, Пана и Сирингу; 3-й, наказаніе Виридъ; 4-й, превращеніе Эхо. Другой боковой фасадъ, обращенный къ каналу, въ такомъ же родѣ; на устояхъ шесть статуй главнѣйшихъ поэтовъ древности: Гомера, Анакреона, Пиндара, Виргілія, Горация, Овидія. Четыре барельефа изображаютъ: Амфіона, воздвигающаго Оивскія стѣны; Аріона, спасеннаго отъ кораблекрушенія; Ахиллеса, играющаго на лирѣ; принятіе Сафы въ общество музъ.

Если можно сдѣлать упрекъ этому истинно прекрасному театру, такъ въ томъ развѣ, что онъ по ширинѣ своей слишкомъ длиненъ. Но этотъ недостатокъ былъ неизбеженъ, какъ скоро хотѣли держаться первоначальнаго плана. Можно бы также замѣтить, что живописцы слишкомъ расточили въ плафонахъ розовую и лазоревую краску, и что позы нѣкоторыхъ статуй внутри театра слишкомъ напряжены и изысканы; что грѣшатъ противъ благородства и простоты стѣла, необходимыхъ въ статуяхъ, и представляютъ слишкомъ рѣзкую противоположность съ спокойнымъ положеніемъ зрителей. Несмотря, однако-же, на эти небольшіе недостатки, берлинскій театръ вѣроятно въ наше время лучшій въ Европѣ. Онъ не такъ обширенъ, какъ театръ Санъ-Карло въ Неаполь, ла-Скала въ Миланѣ, Королевскій Театръ въ Лондонѣ, или нашъ петербургскій Большой театръ, но далеко превосходитъ ихъ въ удобствѣ распредѣленія, и велико-

льпія отдѣлки. Наконецъ, многочисленность и превосходство оркестра, согласіе и отчетливость хоровъ, выборъ артистовъ, составляющихъ его постоянную труппу, и привлекающихъ на время, дѣлають берлинскій королевскій театръ первымъ опернымъ театромъ въ Германіи, и однимъ изъ первыхъ въ мірѣ.

МОЦАРТЪ И ДА - ПОНТЕ

Да-Понте былъ въ свое время человекъ знаменитый; однако-же раздѣлилъ бы участь многихъ знаменитыхъ людей, т. е. былъ бы совершенно забытъ, если бы имя его не соединилось съ именемъ Моцарта; не первый примѣръ, что покровитель переходягъ въ память потомства только благодаря тому, кому онъ при жизни покровительствовалъ. Лоренцо да-Понте родился въ 1749 году, въ Сенець, въ Венеціанской области, но провелъ лучшее время своей жизни въ Вѣнѣ, куда онъ привѣхалъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ Саліери. У него былъ въ-который поэтическій талантъ, и онъ писалъ очень хорошіе оперные либретто. Императоръ Іосифъ пожаловалъ его въ придворные поэты. Онъ написалъ для Моцарта, между прочимъ, «Свадбу Фигаро» и «Донъ - Жуана», что помнать очень немногіе, потому-что въ наше время публика привыкла считать текстъ оперы равно за ничто. По смерти императора Іосифа, онъ подвергся всякаго рода притѣсненіямъ и гоненіямъ. Онъ оставилъ Вѣну, и вскоре отправился въ Лондонъ, гдѣ сначала былъ содержателемъ театра, но послѣ многихъ неудачъ, открылъ итальянскую книжную лавку. Можно сказать, что чуть ли не онъ первый пробудилъ въ англичанахъ любовь къ итальянской литературѣ. Однако-же и книжная торговля плохо ему везла; претерпѣвъ многія несчастія, онъ оставилъ Англію, и поселился въ Нью-Йоркъ, занимался преподаваніемъ итальянскаго языка и торговлею. Тамъ онъ и умеръ, въ 1828 году, восьмидесяти девяти лѣтъ отъ роду. Въ 1824 году онъ издалъ свои записки на итальянскомъ языкѣ. Эта книга, въ которой среди цѣлыхъ горъ всякаго хлама, есть и любопытныя свѣдѣнія о разныхъ современныхъ знаменитостяхъ, съ которыми авторъ бывалъ въ сношеніяхъ, всегда была довольно рѣдка. Записуемъ изъ нея въ-

котора я мѣста, относящіяся къ Моцарту и къ состоянію оперы въ Вѣнѣ въ его время.

«Я сталъ серьезно помышлять о текстахъ для моихъ любимыхъ друзей, Моцарта и Мартини. Что касается до перваго, я безъ труда понялъ, что его исполнискій геній требовалъ всеобъемлющей, высокой драмы. Разговарывая однажды со мною объ этомъ предметѣ, онъ спросилъ меня, не слишкомъ ли большаго труда будетъ мнѣ стоять переписать въ оперное либретто комедію Бинмарше «Свадьба Фигаро?»—Предложеніе это мнѣ очень понравилось, и я обещалъ исполнить его желаніе; но при этомъ мнѣ надо было преодолѣть одно большое затрудненіе. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, императоръ запретилъ нѣмецкой труппѣ давать эту комедію, говоря, что она слишкомъ непристойна для благовоспитанной публики. Какъ же предложить ему ту же пьесу въ видѣ оперы? Баронъ Вецларъ обещалъ мнѣ очень значительное вознагражденіе за текстъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ недозволенія пьесы въ Вѣнѣ, поставить ее въ Лондонѣ или во Франціи; но я отказался отъ его предложенія, а рѣшился писать текстъ и музыку тайно; такъ, чтобы никто о томъ и не гадалъ, а потомъ, воспользовавшись благоприятною минутою, предложить оперу директорамъ, или самому Императору; я взялся даже самъ привести это предпріятіе въ исполненіе. Одному только Мартини сообщилъ я свою тайну, и онъ, изъ уваженія къ Моцарту, безъ всякаго затрудненія согласился отложить свой текстъ до совершеннаго окончанія «Свадьбы Фигаро.»

«Я немедленно принялся за дѣло; мы работали оба за разъ; какъ скоро у меня была написана часть текста, я отдавалъ ее Моцарту, и онъ сочинялъ къ ней музыку; такимъ образомъ, черезъ шесть недѣль, все было готово.

«Моцарту везло счастье; театръ нуждался въ новыхъ партитурахъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, и не говоря о томъ никому, предложилъ «Свадьбу Фигаро» самому Императору. «Какъ?» возразилъ онъ; «развѣ вы не знаете, что Моцартъ превосходитъ въ инструментальной музыкѣ, но что онъ написалъ только одну оперу, да и та не замѣчательна?» — Я и самъ, отвѣчалъ я съ подобострастіемъ, безъ милостиваго покровительства вашего величества написалъ въ Вѣнѣ только одну драму. — «Правда, возразилъ Императоръ; но вѣдь я не по-

зволить нѣмецкой труппѣ играть «Свадьбу Фигаро.» — Знаю, отвѣчалъ я; но какъ я писалъ либретто для музыки, а не комедію, то я долженъ былъ нѣкоторыя сцены выкинуть, многія другія сократить; я и выкинулъ или сократилъ все, что было неумѣстно на театрѣ, который нерѣдко посѣщается вашимъ величествомъ. Что-же до музыки, сколько я могу судить о ней, это необыкновенное, истинно прекрасное произведение. — «Хорошо; если такъ, то я полагаюсь на васъ; въ отношеніи музыки — на вашъ вкусъ, а на ваше благоразуміе — въ отношеніи пристойности текста. Велите немедленно отдать партитуру въ переписку.»

«Я тотчасъ отправился къ Моцарту; но не успѣлъ еще досказать радостнаго извѣстія, какъ явился приворный лакей съ запискою, заключающею приказаніе, чтобы Моцартъ, немедленно явился съ партитурою во дворецъ. Моцартъ тотчасъ-же исполнилъ приказаніе, и сыгралъ Императору нѣсколько нумеровъ изъ своей оперы, которые его величеству чрезвычайно понравились, смѣю даже сказать безъ преувеличенія, привели его въ восторгъ. Онъ очень хорошо зналъ толкъ въ музыкѣ, какъ и вообще во всѣхъ искусствахъ. Необыкновенный успѣхъ, который опера имѣла по всему свѣту, и который поддерживается досихъ-поръ, лучше всего доказываетъ, что онъ не ошибся въ своемъ сужденіи.»

«Императоръ давалъ вашимъ дамамъ великолѣпный праздникъ въ Шёнбруннѣ; на небольшомъ шёнбрунскомъ театрѣ играли какую-то нѣмецкую комедію и итальянскую оперу, которой текстъ, по совѣту директора, былъ порученъ Касти; эта опера называлась «Le parole d'oro le musica» (Слова полъ музыку.) Чтобы убѣдить каждаго въ томъ, что это была пошлая шутка, безъ остроумія, безъ характеровъ, безъ содержанія, стоитъ только сказать, что никто не посмѣлъ похвалить ее, кромѣ графа Розенберга. Для большей вѣрности успѣха, они согласились вместе въ пьесу злую сатиру на театральнаго поэта; и можно себѣ представить, что Касти не такъ милостиво отдѣлывалъ меня, какъ Анедмесь Антигона! Но если отнять платье, спясанное съ меня, волосы причесанные, такъ-какъ я ихъ носилъ, остальное болѣе походило на самого Касти, чѣмъ на меня. Но всего забавнѣе было то, что онъ, между прочимъ, говорилъ о моихъ любовныхъ интригахъ съ оперны-

ми пѣвицами, между тѣмъ, какъ онъ самъ былъ самымъ пламеннымъ обожателемъ и покровителемъ обихъ пѣвицъ, явившихся въ этой шуткѣ.

«На слѣдующее утро послѣ этого праздника, когда графъ, въ качествѣ перваго камергера императора Иосифа, подавалъ ему сорочку, Императоръ приказалъ ему составить списокъ пѣвцовъ и актеровъ, явившихся наканунѣ, и соразмѣрно заслугамъ ихъ назначить каждому извѣстное число червонцевъ, которое они должны были получить отъ Регента въ знакъ монаршаго благоволенія. Пока Императоръ одѣвался, графъ составилъ списокъ, и, кончивъ его, подалъ государю, который пробѣжалъ его быстрымъ взглядомъ, улыбнулся, и, взявъ перо, приписалъ къ каждому числу по нулю, обращая такимъ образомъ, десять во сто, пятнадцать въ полтораста, и т. д. Потомъ, возвращая графу списокъ, онъ сказалъ: «Не графъ Розенбергъ давалъ праздникъ, а Императоръ.»

Вскорѣ послѣ перваго представленія «Дианна дерева», я долженъ былъ ѣхать въ Прагу, гдѣ, по случаю пребыванія Тосканской принцессы, ставился «Донъ-Жуанъ» Моцарта. Я пробылъ въ Прагѣ недѣлю, обучая актеровъ, которые должны были въ немъ играть; но принужденъ былъ, не дожидаясь представленія, возвратиться въ Вѣну, ибо получилъ отъ Салиери убѣдительное письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, — справедливо или несправедливо, разбирать здѣсь не мѣсто, — что, по приказанію Императора, его «Аксуръ» долженъ быть непременно поставленъ къ бракосочетанію эрцгерцога Франца, и что Императоръ самъ поручилъ ему отозвать меня назадъ.

«Такимъ образомъ, я не видалъ перваго представленія Донъ-Жуана, въ Прагѣ; но Моцартъ вскорѣ извѣстилъ меня о его немнѣтельномъ успѣхѣ: а Гуардасони писалъ мнѣ по случаю его: «Да здравствуетъ да-Понте! да здравствуетъ Моцартъ! Все содержатели театровъ, все виртуозы должны благословлять васъ; пока вы живы, мы не услышимъ болѣе о посредственныхъ операхъ.» — Императоръ призвалъ меня, и, осыпавъ меня самыми лестными похвалами, подарилъ мнѣ двѣсти цехиновъ, и сказалъ, что онъ желаетъ, какъ можно скорѣе видѣть Донъ-Жуана. Моцартъ скоро возвратился, и немедленно далъ партитуру писцамъ, которые со всевозможною поспѣшностью стали переписывать голоса, ибо императоръ Иосифъ собирался

скоро ухватить изъ Вьны. Наступило первое представленіе... Но сказать ли? Донъ-Жуанъ не понравился! Вся, кромъ Моцарта, были убѣждены, что въ немъ чего-то не достаетъ; призывали къ нему арию, мѣняли арию, ставили его вновь... а Донъ-Жуанъ, все-таки не нравился. Что-же говорили о немъ Императоръ? «Опера превосходна, божественна, можетъ быть еще лучше «Свадьбы Фигаро», но не по-зубамъ мовмъ Вьнцамъ.» Я передалъ это суженіе Моцарту, который отвѣчалъ мнѣ очень спокойно: «дайте имъ только время разжевать ее..» Онъ не ошибся. По его совѣту, я настоялъ, чтобы оперу давали, какъ можно чаще, съ каждымъ представленіемъ успѣхъ ея возрасталъ, и даже почтенные пѣвцы, несмотря на свои тупые зубы, стали любить ее и поимать ея красоты, и отвели ей достойное мѣсто въ ряду лучшихъ оперъ, какія когда-либо являлись на какомъ-либо театрѣ.

«Около этого-же времени, если не ошибаюсь, привѣзжала вторично въ Вьну сивьора Кольтеллини, знаменитая актриса, но препосредственная пѣвица. Она пользовалась особенною благосклонностью сивьора Кастя, а следовательно и графа Розенберга; самъ Императоръ находилъ ее довольно сносною. Точно ли Салиери ее тѣснилъ и гвалъ, или она это себя вообразила, не стану разбирать; будетъ того, что она написала Императору такое дерзкое и безстыльное письмо, что онъ немедленно отдалъ приказаніе распустигъ итальянскую труппу и закрыть театръ. Вице-директоръ театровъ, Торвартъ, заклятый врагъ итальянцевъ, пришелъ въ восторгъ на пробу, и прочелъ намъ полученное изъ лагеря, на имя директора графа Розенберга, положительное приказаніе Императора, объявить намъ всѣмъ, что онъ намѣренъ по окончаніи сезона закрыть театръ. Это извѣстіе огорчило весь городъ, всѣхъ пѣвцовъ, и болѣе сотни другихъ лицъ, музыкантовъ, ламповщиковъ, фигурантовъ, статистовъ, портныхъ, живописцовъ, прислуги, и проч., которымъ театръ доставлялъ пропитаніе, для нихъ самихъ и для семействъ.

«Мнѣ пришла въ голову смѣлая мысль отклонить Императора отъ его намѣренія, и прискаты средство удержать всю оперу, независимо отъ Двора. Я обратилъ ко всѣмъ дамамъ, въ особенноти любившимъ нашъ театръ, и, составивъ самый простой и до-очевидности ясный планъ, по которому ежегодныя

издержки его должны были сократиться по-крайней-мѣрѣ цѣлою третью, безъ ущерба любимымъ артистамъ, я предложилъ открыть подписку въ сто тысячъ гульденовъ, чтобы имѣть капиталъ на содержаніе театра; капиталъ этотъ я предполагалъ положить въ Государственный Банкъ; но проценты не оставлять для приращенія, а употреблять ихъ, равно какъ и сборъ за входъ, на покрытіе постоянныхъ расходовъ; я доказалъ, что не только эти средства покроютъ все расхолье, но что даже, въ концѣ года, будетъ оставаться чистой прибылью двадцать пять тысячъ гульденовъ. — Баронъ Гондартъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ вельможъ въ Вѣнѣ, долженъ былъ собрать деньги отъ подписчиковъ, и принять званіе директора театра; я былъ бы ему помощникомъ.

«Между тѣмъ Императоръ возвратился въ Вѣну. Я немедленно явился къ нему. Какъ только онъ меня увидѣлъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и спросилъ, какъ идетъ театръ? — Плохо, ваше величество, отвѣчалъ я, очень плохо. — «Что-же такъ?» — Да то, что мы все въ отчаяніи, когда подумаемъ, что въ сентябрь намъ придется лишиться своего милостиваго покровителя, и удалиться отъ него. При этихъ словахъ, въ глазахъ моихъ блеснули слезы; Императоръ это замѣтилъ, и сказалъ мнѣ съ выраженіемъ доброты, котораго нельзя передать словами: «Нѣтъ, вы, да-Попте, не лишитесь его.» — Но когда не будетъ театра, сколько людей, сколько семействъ лишатся пропитанія, погибнуть въ конецъ?»

— «Что-же дѣлать?» возразилъ Императоръ; «я не имѣю права тратить такія большія деньги, на то, чтобы тышишь себя и другихъ, въ особенности въ настоящее время, когда мнѣ деньги нужны на такое множество болѣе важныхъ предметовъ. Знаете, что итальянскій театръ стоитъ мнѣ ежегодно болѣе десяти тысячъ гульденовъ? Не могу же я брать деньги у однихъ, чтобы давать ихъ другимъ. Къ тому же... наша любезная Кольтеаллини!»

Между тѣмъ, какъ онъ это говорилъ, я осторожно вынулъ изъ кармана конецъ сложенного листа бумаги, самаго огромнаго формата; стараясь, чтобы онъ увидѣлъ его, и спросилъ меня, что это за бумага. — Мое желаніе скоро исполнилось; онъ спросилъ, а я отвѣчалъ, что это коротенькое прошеніе. — «Точно коротенькое? спросилъ Императоръ. — Са-

мое коротенькое. — «На такомъ огромномъ листѣ?» возразилъ Императоръ, раскладывая бумагу съ довольно строгимъ видомъ. На огромномъ листѣ были написаны только два стиха Касты:

Proposizioni ognuno puo
Il punto sta nell'accettarle o no.

(Могъ бы я кой-что предложить, да дѣло въ томъ, будетъ ли принято?)

«Императоръ не могъ удержаться отъ улыбки, и спросилъ меня, что я такое хочу предложить ему. — Ваше величество, отвѣчалъ я, я хочу только просить вашего милостиваго разрѣшенія пользоваться театромъ, и берусь давать вашему величеству и всей Вѣнѣ по три представленія въ недѣлю, съ тою же самою труппою, которая играетъ теперь. — «Какъ, возразилъ Императоръ, съ какихъ поръ вы такъ богаты?» — Я не богатъ, ваше величество, но вотъ, что я успѣлъ сдѣлать съ-тѣхъ-поръ, какъ мы получили горестное извѣстiе о нашемъ распушенiи. — Тутъ я вынулъ изъ кармана еще два листа бумаги; на одномъ были выписаны имена всѣхъ лицъ, обязавшихся заплатить по пяти сотъ гульденовъ за ложу въ первомъ, второмъ или третьемъ ярусѣ, и извѣстную сумму за определенное число билетовъ, какъ водится въ Лондонѣ; другой листъ заключалъ точное исчисленiе прочихъ доходовъ и расходовъ, составленное по книгамъ театральной конторы. Императоръ пробѣжалъ обѣ записки, и сказалъ мнѣ: «Хорошо; ступайте къ Розенбергу, и скажите ему, что я даю вамъ театръ.»

«Розенбергъ принялъ меня съ радостью; но въ это время вошелъ Торвартъ и старался своими возраженiями испортить все дѣло: «Ваше сіятельство, говорилъ онъ, у насъ слишкомъ мало декораций, и слишкомъ небольшой гардеробъ. Между итальянскими вѣвцами и нѣмецкими актерами будетъ по этому поводу вѣчный споръ; чего будетъ стоить каждый день перевозить декорации? Какъ хотите, ваше сіятельство, это невозможно.» Графъ согласился съ нимъ, и повторилъ мнѣ: «Нѣтъ, это невозможно.»

Я простился съ графомъ, и прямо отъ него отправился во дворецъ, засталъ Императора одного, и, не дожидаясь, чтобы онъ заговорилъ со мною, сказалъ ему, запыхавшись: «Ваше ве-

личество, Торвартъ говоритъ, что это невозможно, а графъ Розенбергъ повторяетъ его слова, будто эхо.» — «Дайте сюда свой планъ,» сказалъ Императоръ, я подаю ему планъ и онъ написалъ на немъ: «Любезный графъ, скажите Торварту, что я беру театръ на свое собственное иждивеніе, по плану, предложенному синьеромъ да-Понте, которому вы во всякомъ случаѣ назначите двойной окладъ. Юсифъ.»

КИТАЙСКІЕ ТЕАТРЫ.

Если Китайцы въ чемъ нибудь изобретательны, то ужъ вѣрно не въ драматическомъ искусствѣ. Эта отрасль у нихъ въ большомъ запущеніи. Однако-же у нихъ есть драмы, которыхъ мы, по своимъ европейскимъ понятіямъ, не можемъ назвать ни трагедіями, ни комедіями; въ нихъ безпреставно сталкиваются оба элемента, что впрочемъ не уничтожаетъ ихъ достоинства. Онѣ пишутся прозою или стихами. Какой-то ученый путешественникъ, посѣщавшій Китай въ концѣ XVII столѣтія, говоритъ даже, что китайскіе драматурги не чужды благородства въ мысляхъ, и поэзіи; разговоры забавны и остроумны, но нѣрвно грубы и непристойны. Цѣлью театра полагается поощреніе добродѣтели и исправленіе порока; но разумѣется, рѣдко достигаютъ этой цѣли, и потому не въ большой милости у правительства, которое однако-же терпитъ драматическія представленія, какъ нечто *необходимое*. Вообще театръ находится въ такомъ неуваженіи, что авторы пьесъ никогда не объявляютъ своего имени, какъ-бы ни хороши были ихъ произведенія. Что-же касается актеровъ, ихъ положеніе самое незавидное; всѣ ихъ презираютъ, и они ведутъ почти нищенскую, кочевую жизнь; постоянныхъ театровъ нѣтъ. Артисты недолго остаются въ одномъ мѣстѣ; ихъ нанимаетъ иногда правительство, иногда богатые частные люди. Женщины на сцену не допускаются; женскія роли играютъ молодые мальчики, или кастраты. Костюмы ихъ великолѣпны, и напоминаютъ наряды, употреблявшіеся до татарскаго завоеванія; ибо Китайцы, несмотря на свою ненависть къ новизнѣ, все-таки многое заимствовали отъ своихъ покорителей. Любопытно, что женская одежда измѣнилась гораздо менѣе мужской. Въ фарсахъ, употребляется современное платье;

только въ фарсахъ, заимствованныхъ изъ исторіи, т. е. изъ до-монгольскаго періода, ибо правительство не позволяетъ выводить на сцену провсшествій болѣе близкихъ временъ, употребляются древніе костюмы.

Декораціи. — Китайцы не знаютъ перспективы; поэтого у нихъ не можетъ быть декорацій. По поднятіи занавѣса, выходитъ человекъ, и объявляетъ зрителямъ, что у дѣйствующихъ лицъ будутъ въ рукахъ цветы, потому-что они въ саду; иногда, для изображенія битвы, выносятъ восемь мечей и восемь щитовъ, и кладутъ по-четыре съ каждой стороны; зрители заключаютъ изъ этого, что передъ ними поле сраженія, и т. д. Если дѣйствіе переносится въ другую сторону, дѣйствующее лицо садится въ носилки, или въ лодку, кружится несколько минутъ по сценѣ, останавливается, и объявляетъ публикѣ, что онъ уже не въ Кантонѣ, а въ Нанкинѣ. Признаемся, мы охотно бы посмотрѣли на этотъ образецъ дѣтства искусства. Въ оловѣ, говорятъ, Китайцы мастера: въ декламачіи. Живость и болтливость нашихъ актеровъ, иногда увлекаютъ ихъ къ преувеличеніямъ. Въ китайцѣ это невозможно; онъ кажется рожденъ для званія актера; онъ говоритъ всегда мѣрно и величественно, всѣ движенія его рассчитаны и размырены; онъ всю свою жизнь, въ самыхъ даже повседневныхъ дѣлахъ, разыгрываетъ роль.

Музыка. На китайскихъ театрахъ часто поютъ, но всегда фальшесомъ, что такъ-же было бы невыносимо для нашихъ ушей, какъ и оглушительная инструментальная музыка Китайцевъ. Они не имѣютъ никакого понятія о гармоніи, и о раздѣленіи голосовъ: сколько бы ни было исполнителей, всѣ рекутъ одну и ту же мелодію, въ одинъ голосъ, или въ октаву; ибо они не знаютъ ни терца, ни квинты, ни полутоновъ; проще сказать, они любятъ не музыку, а одинъ шумъ; инструментовъ у нихъ, впрочемъ, довольно много. Всего ужаснѣе ихъ военная музыка. Гобой, рога, трубы издаютъ какія нибудь пять, шесть нотъ, и по цѣлымъ часамъ твердятъ одну и ту же мелодію. Китайцы не употребляютъ кишковыхъ струнъ, а только металлическія и шелковыя. Кромѣ нечисленныхъ инструментовъ, у нихъ есть *тамъ-тамъ*, ихъ любимый инструментъ; есть также своего рода гитары, фортепьяно, скрипки, семиструнная арфа, на которой, говорятъ, игралъ Конфуцій, и которая потому называется *лютнею ученыхъ*. Барабанъ употребляется преимущест-

венно при богослуженіи; нѣщїе употребляютъ тарелки изъ крѣпкаго дерева; сверхъ того у нихъ бездна духовыхъ инструментовъ.

ДИТМАРСКІЙ ТЕЛЪ.

Гейнрихъ Шмидъ, въ первомъ томѣ своихъ «Очерковъ Гольштейнъ-Шлезвигскаго герцогства,» рассказываетъ легенду, представляющую разительное сходство съ швейцарскою легендою о Вильгельмѣ Телѣ, но съ другою развязкою. Во время борьбы Датскаго короля Христіана I, съ мужественными Дитмарскими крестьянами, отличался между ними какой-то Геннигъ Вульфъ; въ самыхъ далекихъ деревняхъ славился онъ, какъ самый искусный стрѣлокъ изъ лука; самъ король въ насмѣшку называлъ его дитмарскимъ крестьянскимъ царемъ. Датчане овладѣли дворомъ Вульфа въ его отсутствіе. Жена гордаго крестьянина повела своихъ дочерей и прислужницъ на сѣновалъ; тутъ онѣ обложили себя сѣномъ и соломою, зажгли эту стѣну, и погибли въ пламени. Геннигъ Вульфъ самъ попалъ съ сыномъ Экартомъ въ руки королевскаго войска; король приговорилъ обоихъ къ висѣлицѣ. Но какъ до Христіана дошелъ слухъ объ искусствѣ Геннинга въ стрѣляннн изъ лука, то онъ обѣщаль даровать ему жизнь, если онъ собьетъ яблоко съ головы сына. Геннигъ сбиль яблоко; но прежде, чѣмъ Экартъ успѣлъ подбѣжать къ нему, онъ приложилъ другую стрѣлу, натянулъ лукъ, стрѣла взвизнула и Экартъ палъ мертвый, не успѣвъ даже стона. «Покойся съ матерью и сестрами!» сказалъ Геннигъ.

Король чрезвычайно разгнѣвался, и вскричалъ: «И ты осмѣлился это сдѣлать въ моемъ присутствіи?»

«Я показалъ, что умѣю стрѣлять,» отвѣчалъ крестьянинъ. «Ты зарѣзалъ бы моего сына, какъ и меня, потому-что ты не можешь оставить въ живыхъ никого изъ роду Геннинга Вульфа, если хочешь спать спокойно, а я не потерплю, чтобы твои хлопоты терзали мою кровь и мою плоть. Ему легче умереть отъ руки отца.»

Король Христіанъ вонзилъ шпоры въ бока лошади, говоря: «копыта моей лошади раздавать дѣтоубійцу.»

Но Геннигъ Вульфъ выхватилъ у одного королевскаго слуги изъ-за пояса ножъ, и вонзилъ его себѣ въ грудь; говоря: Наѣзжай, король! я умираю.

«Не оставлю тебѣ и этого утѣшенія!» вскричалъ король громо-

вымъ голосомъ. Твоя земля пусть первая подвергнется игу; наложу на нее тяжелые налоги; и пусть она на-вѣки-вѣковъ называется королевскою землею!

И дѣйствительно, этотъ клочекъ земли до-сихъ-поръ называется королевскою землею, *Konigsland*.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Успѣхи г-жи Виардо-Гарси и Женни Линдъ чрезвычайно бѣсятъ парижанъ. Парижъ давно считаетъ себя единственнымъ судьей артистовъ, единственнымъ раздавателемъ славы, и вотъ Европа вздумала безъ него рѣшать дѣло; объявила первыми пѣвицами нашего времени двухъ артистокъ, изъ которыхъ одна, хотя и была въ Парижѣ, но не обращала почти на себя вниманія, а другую—Парижъ вовсе не слышалъ и не видалъ. Мало того, сами артистки, забыли всякое уваженіе къ старому судѣ, и не думаютъ представлять на его утвержденіе своихъ дипломовъ на славу. Больно старику, да что дѣлать! таковъ ужъ вѣкъ; брать на брата, и сынъ на отца! Одна газета говоритъ о торжествахъ г-жи Виардо: «отголоски безпримѣрнаго торжества, шумъ неистовыхъ рукоплесканий долетаютъ до насъ прямымъ путемъ изъ Дрездена. Г-жа Виардо недавно являлась въ роляхъ *Валентины* въ «Гугенотахъ» и *Донны Анны* въ «Донъ Жуанѣ», и восхищенные саксонцы наградили великую пѣвицу тучами цвѣтовъ и восторженными рукоплесканиями. Слѣдовательно, послѣ Вѣны, Берлина и Мюнхена, Дрезденъ сталъ поприщемъ ея торжествъ, а послѣ него тоже счастье готовится Франкфурту и Веймару; вся Германія имѣла случай подивиться ея генію! когда же наступитъ очередь Франціи?»

Не такъ свисходителенъ Парижъ къ Женни Линдъ; и не мудрено; злость беретъ его, когда онъ подумалъ, что вѣковой недругъ его Лондонъ, удостоился счастья каждый вечеръ слышать юную пѣвицу то на театрѣ, то въ концертахъ, а что ему, какъ онъ ни бьется, не скоро предстоитъ это наслажденіе. Онъ только думалъ, «вотъ будетъ она моя!» а глядь, ужъ ее кто-нибудь и отбилъ; по окончаніи лондонскаго сезона ждалъ онъ ее къ себѣ, а она вмѣсто того ѣдетъ въ Берлинъ. Парижу остается только скалить зубы, трунить надъ лукавою сиреною и энтузіазмомъ, и тѣшиться какимъ-то синьеромъ Джіованни, поющимъ дисканта, альты, тенора и баса, и ѣздившимъ въ Лондонъ нарочно за тѣмъ, чтобы изучить Женни Линдъ и передразнить ее передъ парижанами. Каждый вечеръ онъ поетъ, въ костюмѣ, главные сцены изъ ея ролей,

Нормы Амины, Алисы и проч. Эти представленія привлекаютъ множество народа, и производятъ почти такой же фуроръ, какъ и представленія самой Лиды.

Характеристика европейскихъ столицъ. Одинъ нѣмецкій умникъ замѣтилъ, что почти каждая европейская столица имѣетъ свои климатическія и атмосферическія особенности, дающія ей свой оригинальный характеръ, и принадлежащія къ числу пріятностей столичной жизни. Эти особенности, по мнѣнію ученаго нѣмца, суть слѣдующія: въ Вѣнѣ — вѣтеръ, въ Парижѣ — грязь; въ Лондонѣ — туманъ, въ Берлинѣ — песокъ, въ Петербургѣ — холодъ, въ Константинополѣ — навозъ, въ Римѣ живопись. Незнаемъ, до какой степени справедливы эти наблюденія относительно другихъ городовъ, но стоимъ за честь Петербурга, въ которомъ ученый нѣмецъ очевидно никогда не бывалъ; въ противномъ случаѣ, онъ согласился бы съ нами въ томъ, что это самый космополитическій городъ, что онъ кромѣ своихъ особенностей, соединяетъ въ себѣ особенности всѣхъ прочихъ городовъ: кто незнаетъ петербургскаго вѣтра, набивающаго вамъ глаза, ротъ и носъ въ лѣтнее время пескомъ, а въ зимнее — снѣгомъ; кто не испыталъ петербургской изморози, которая едва ли уступитъ лондонскимъ туманамъ? Можетъ быть въ Петербургѣ не столько живописи, какъ въ Римѣ, и навозу какъ въ Константинополѣ (мы не говоримъ о навозѣ книжномъ, и тому подобномъ); но ужъ грязи въ одни весенніе и осенніе мѣсяцы вѣрно накопится не меньше, чѣмъ въ Парижѣ въ цѣлый годъ.

Старый вопросъ: Есть ли жители на планетахъ и ихъ спутникахъ, на солнцѣ и неподвижныхъ звѣздахъ? Много говорили и писали объ этомъ въ прошломъ вѣкѣ. Лазандъ спрашивалъ весьма благоразумно и основательно. «На чемъ основывается это преимущество, или право земли, быть заселенною, кромѣ суевѣрнаго, боязливаго воображенія, не смѣющаго выходить изъ круга непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій?» На что Вольтеръ отвѣчалъ такъ же благоразумно и основательно: «Можно, правда, предполагать, что планеты, совершенно подобныя нашей землѣ, также заселены; но это заключеніе также вѣрно и необходимо, какъ заключеніе челоуѣка, который бы полагалъ, что на каждомъ, кого онъ встрѣтитъ, есть блохи, потому что на немъ самомъ есть блохи; оно возможно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно

дѣйствительно есть.» Несмотря на это замѣчаніе Вольтера, нѣкто Плиссонъ издалъ теперь въ Парижѣ книгу «Les mondes ou essai philosophique sur les conditions d'existence des êtres organisés de notre système planétaire.» въ которой онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ ученой точки зрѣнія. Книгу впрочемъ хвалить.

Повешенъ, разстрѣлянъ, утопленъ, и—живъ! Мудрено, а правда. Во время войны Французской Имперіи съ Испанією, одинъ офицеръ, Моне, бывшій при штабѣ маршала Сульта, испыталъ эти три рода смерти, и живъ и здоровъ до-сихъ-поръ. Въ первый разъ онъ попалъ съ небольшимъ своимъ отрядомъ въ руки одной герильи, которая, обобравъ солдатъ, построила ихъ въ рядъ, и разстрѣляла, какъ волковъ въ облавѣ. Совершивъ этотъ подвигъ, герильеры удалились, въ полной увѣренности, что ни одного не осталось въ живыхъ. Но какъ скоро они скрылись изъ виду, Моне выползъ изъ-подъ труповъ товарищей; на немъ не было ни одной раны. Къ вечеру, онъ явился на французскій форпостъ. Немного спустя, Моне опять попалъ въ руки другой герильѣ; на этотъ разъ его раздѣли до-нага и повѣсили на дерево; но въ то же мгновеніе приспѣлъ отрядъ французской конницы, разогналъ испанцевъ, снялъ его съ дерева и привелъ въ чувство. Такимъ образомъ, онъ второй разъ избѣжалъ неминуемой смерти. Въ третій разъ спасеніе казалось еще труднѣе, и онъ обязанъ имъ единственно своему присутствію духа. Онъ попался опять той же герильѣ, которая передъ тѣмъ его разстрѣляла. Можно себѣ представить изумленіе герильеровъ, которые не могли не узнать его по мундиру, и по его богатырскому сложенію. Они избрали уже другое средство, которое, по мнѣнію ихъ, должно было непременно избавить ихъ отъ его сабли, памятной не одному ихъ товарищу. Они обнажили его, связали ему веревками руки и ноги, и бросили его въ широкую и глубокую рѣку. Опустившись до дна, Моне, разумѣется, опять всплылъ, и пошелъ по теченію, оглушенный паденіемъ. Когда онъ пришелъ въ себя, съ непостижимымъ присутствіемъ духа обсудилъ онъ свое положеніе, и, плывя безъ малѣйшаго движенія, будто мертвый, наблюдалъ враговъ, которые слѣдили за нимъ съ берега, чтобы увѣриться въ его смерти. Отплывъ довольно далеко, чтобы не быть въ виду герильеровъ, онъ сталъ высвобождать руки; что было тѣмъ труднѣе, что веревки разбухли въ водѣ. Однако-же благодаря своей богатырской силѣ, онъ наконецъ успѣлъ высвободить ихъ, выплылъ на берегъ,

и вскорѣ послѣ того былъ среди своихъ соотечественниковъ, и разсказывалъ имъ третье свое знакомство со смертью.

—

Знаменитая актриса Жоржъ приглашена въ Парижъ, не за тѣмъ, чтобы играть на театрѣ Одеона, какъ пронесся—было слухъ, а чтобы передать тайны своего искусства достойнымъ ея ученикамъ. Для нея учреждается *классъ* при Консерваторіи.

—

Въ Лондонѣ изобрѣтенъ *новый типографскій станокъ*, посредствомъ котораго, говорятъ, отпечатывается въ часъ болѣе двѣнадцати тысячъ оттисковъ; до-сихъ-поръ ни одна машина не могла отпечатывать болѣе пяти тысячъ оттисковъ въ часъ. Книгопродавцы говорятъ, что лучше бы придумать машину, которая привела бы въ равновѣсіе требованіе на книги съ успѣхами книгопечатанія. Изобрѣтатель новой машины, издатель *Лондонской Иллюстраціи*, Литтль.

—

Невъѣжество Португальцевъ низшихъ классовъ, по разсказамъ англійскаго путешественника Гьюза, доходитъ почти до баснословія. «Въ особенности непостижимо, говоритъ онъ, ихъ легковѣріе. Одинъ священникъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій случай: Нѣсколько женщинъ его прихода явились къ нему въ слезахъ, разстроенныя, и на вопросъ его, въ чемъ дѣло, разсказали ему, что злая королева донья Марія приказала всѣмъ женщинамъ въ Португаліи, называющимся Маріями, выколоть одинъ глазъ; потому, дескать, что она сама крива, и не хочетъ, чтобы у какойнибудь женщины, называющейся однимъ съ нею именемъ, были оба глаза. Онѣ были убѣждены въ дѣйствительности этого неслыханнаго приказанія, потому-что имъ сказалъ это отецъ Бето (мигуэлистъ;) и доброму священнику стоило многого труда ихъ образумить; онѣ только того и ждали, что явятся солдаты для исполненія приговора. Не подшутилъ ли добрый отецъ надъ простодушнымъ легковѣріемъ путешественника? Это былъ бы не первый примѣръ!

Добрый советъ. Известно, что въ англійскихъ судахъ, когда у подсудимаго нѣтъ собственнаго адвоката, для защиты его, назначается адвокатъ самимъ судомъ. Недавно былъ судимъ чело­вѣкъ, обвиненный въ покражѣ окорока, и какъ онъ не имѣлъ адвоката, то президентъ пригласилъ одного случившагося тутъ адвоката, принять на себя его защиту, переговорить съ нимъ, и дать ему лучшей въ его положеніи совѣтъ. Адвокатъ и кліентъ вышли; минутъ черезъ двадцать, адвокатъ возвратился одинъ. «Гдѣ же подсудимый?» спросилъ президентъ. «Бѣжалъ, отвѣчалъ преспокойно адвокатъ. Г. президентъ велѣлъ мнѣ дать ему лучшей въ его положеніи совѣтъ; а какъ онъ мнѣ откровенно сознался въ своей виновности, то я не могъ дать ему лучшаго въ его положе­ніи совѣта, какъ только удирать со всѣхъ ногъ; и онъ съ готов­ностью послѣдовалъ моему совѣту.»

Дѣя новыя оперы имѣютъ большой успѣхъ въ Германіи. Одна во Франкфуртѣ — на Майнѣ, *Принцъ Евгеній*, благородный рыцарь, Густава Шмидта; содержаніе ея заимствовано изъ старинной пѣ­сни, начинающейся этими словами. Другая, въ Брауншвейгѣ, *Трубадуръ*, молодого даровитаго композитора Александра Фески. Объ обѣихъ нѣмецкія газеты отзываются, хотя коротко, но очень выгодно, въ особенности же — послѣдней.

Фанни Эльслеръ, рѣшительно вскружила голову вѣчному городу: она сдѣлалась на нѣсколько времени предметомъ всѣхъ помы­словъ Римлянъ. Одна газета рассказываетъ слѣдующій случай: Когда Фанни Эльслеръ танцевала въ Римѣ, самые восторжен­ные ея почитатели вздумали, въ знакъ своего уваженія, подне­сти ей золотой вѣнецъ; мигомъ собрали по-подпискѣ три тысячи талеровъ на изготовленіе вѣнца. Когда все было готово, при­шло имъ въ голову, что такое изъявленіе восторга танцовщи­цы, можетъ-быть не понравится папѣ. «Пойдемте сейчасъ къ не­му,» сказалъ какой-то молодецъ, и всѣ отправились въ папскій дворецъ. Пій IX принялъ ихъ очень ласково; но мысль о томъ, сколькимъ несчастнымъ могли бы помочь эти три тысячи тале-

ровъ, не позволила ему улыбнуться. «На то, что вы хотите сдѣлать, сказалъ онъ, вамъ не нужно мое согласіе.»

—Мы сейчасъ же откажемся отъ своего намѣренія, если ваше святѣйшество не одобрите его; ибо, если мы любимъ искусство, и чествуемъ его, какъ выраженіе прекраснаго, мы все-таки еще болѣе любимъ Пія IX.

«Дайте вѣнецъ танцовщицѣ, если вамъ это доставляетъ удовольствіе, но позвольте мнѣ замѣтить, что выборъ предмета, который вы хотите ей поднести на память, кажется, не совсѣмъ удаченъ. Я бы, на вашемъ мѣстѣ, выбралъ гирлянду, букетъ, или что-нибудь подобное; я до-сихъ-поръ полагалъ, что вѣнецъ назначается для головы, а не для ногъ.»

Въ то самое время, какъ Фанни Эльслеръ получила вѣнецъ, папъ Пій IX велѣлъ выдать тысячу талеровъ нищимъ.

—

Мистрисъ Эгертонъ, одна изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ актрисъ, умерла недавно, на 66-мъ году жизни. Она почти всю свою жизнь посвящала драматическому искусству, и принадлежала къ школѣ Кембля. Она являлась на Ковентгарденскомъ, Саудлерзъ-Уэльскомъ и Серрейскомъ театрахъ, преимущественно въ трагическихъ роляхъ. Лучшею ея ролью была роль Равины въ пьесѣ Исаака Покока *The Miller and his men*.—Почти въ одно время съ нею умеръ ветеранъ англійскихъ суфлеровъ, Парсло.—Еще остаются въ Англій три престарѣлыя драматическія знаменитости: мистрисъ Джибзъ, мистрисъ Гарло, и миссъ Тидзуель; двумъ первымъ за восемьдесятъ лѣтъ; послѣдней за-сто; она играла на Дрюриленскомъ театрѣ, когда Гарриксъ сошелъ со сцены.

—

Домъ Карла Мари Вебера. Берлинскій композиторъ Іензъ (Jahn) недавно напомнилъ посѣтителѣмъ саксонской Швейцаріи, что въ деревнѣ Клейнъ-Гостервицъ, близъ Пильница, находится домъ, въ которомъ любимецъ нѣмцевъ, Карлъ-Марія Веберъ, вродолженіе пяти лѣтъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы, и въ которомъ онъ написалъ большую часть «Фрейшютца», «Преціозу», «Эвріанту» и множество лучшихъ своихъ пѣсенъ. Іензъ поставилъ въ этомъ домѣ портретъ Вебера, книгу для посѣтителей, письмо Вебера, и первый очеркъ знаменитаго хора и балета въ «Оберонѣ», которыхъ мелодія была извѣстна во всей Германіи еще за-долго до пред-

ставленія оперы. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ домъ будетъ привлекать такое же множество посѣтителей, какъ и мѣста ознаменованныя пребываніемъ Шиллера; Веберъ и Шиллеръ, любимые имена каждаго добраго нѣмца.

Адалбертъ Гираветцъ, восьмидесяти-лѣтній ветеранъ нѣмецкихъ композитровъ, кончилъ недавно свои записки, и намѣренъ издавать ихъ по подпискѣ. Книга должна быть чрезвычайно любопытная; авторъ пережилъ самую блестящую эпоху нѣмецкой музыки, былъ въ дружбѣ съ Гайдномъ, Моцартомъ, Бетговымъ, и долго былъ капельмейстеромъ въ Вѣнѣ. Въ свое время онъ пользовался громкою славою и, какъ композиторъ, написалъ болѣе тридцати оперъ и мелодрамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, напимѣръ: «Окулистъ», имѣли успѣхъ почти на всѣхъ европейскихъ театрахъ.

Фредерикъ Леметръ и журналы. Великій французскій трагикъ, гениальнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ актеровъ, Фредерикъ Леметръ, котораго мы не поставимъ въ паралель ни съ одной изъ нашихъ трагическихъ знаменитостей, чтобы такимъ сравненіемъ не оскорбить одного и не посмѣяться надъ другими, недавно былъ призванъ въ судилище Исправительной Полиціи, по его же жалобѣ. Передаемъ здѣсь вкратцѣ весь процессъ, который столько же интересенъ, какъ и поучителенъ для тѣхъ актеровъ, которые, не чувствуя себя болѣе въ силахъ идти выше и совершенствоваться, рѣшаются сами признать себя непогрѣшительными гениями и тѣмъ покончить свое поприще.

Президентъ. Ваше имя, лѣта и званіе.

Ф. Леметръ. Леметръ, сорока шести лѣтъ, драматическій артистъ.

Президентъ. Вы не отступаете отъ своей жалобы?

Ф. Леметръ. Нѣтъ, г. Президентъ. Я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы жаловаться на критику; я очень хорошо понимаю нѣкоторымъ образомъ *исключительное* положеніе сценическаго артиста и благородныя, неподкупныя права критики. Я явился не за тѣмъ, чтобы жаловаться, что журналъ не признаетъ во мнѣ таланта; я человекъ публичный, *всякій вправъ такъ думать, всякій вправъ это, высказать изустно и печатно.* Но тутъ, по моему мнѣнію, и оста-

навливаются права критики. Я могу быть предметомъ ея, пока я на сценѣ; внѣ сцены я перестаю быть художникомъ, а становлюсь гражданиномъ, отцомъ семейства, и мои мысли, намѣренія и поступки въ этомъ положеніи не должны входить въ сферу критеріума.

Какъ и всѣ артисты сценическіе, я полагаю, что мы посвящаемъ себя театру не изъ одной жажды къ стяжанію, но изъ любви къ искусству, а достигнувъ совершенства, убиваемъ жизнь свою на театральныхъ доскахъ не изъ одного удовольствія представлять разныя лица, но и для того, чтобы обезпечить свою жизнь и будущность семейства. Въ этомъ отношеніи призваніе артистическое—получаетъ у насъ и нѣкоторый *интересъ комерціальный*.

И такъ, я жалуюсь на то, что меня хотѣли всѣми средствами подорвать въ моихъ *коммерческихъ интересахъ*, чтобы отнять у меня и дѣтей моихъ—средства къ существованію.

Журналы повторяли безпрестанно: «Не ангажируйте Фредерика Леметра, онъ старъ, онъ ни къ чему болѣе негоденъ.» Противъ этого я ничего не говорю, но къ этимъ воззваніямъ было прибавлено: «*Этотъ человекъ разораетъ каждую сцену, на которой появится.*» Далѣе, придумали цѣлую систему, какъ пугать мною дирекціи и подрывать мои доходы. Тогда я принесъ жалобу: меня хотятъ сжить со свѣта, а я хочу жить, меня желаютъ уморить съ голоду, а я хочу приобрѣтать хлѣбъ.—Я не принесъ бы жалобы на порицанія моихъ личныхъ достоинствъ, моей игры, моего таланта и разумія, потому—что такая жалоба была бы низость, подлость, интрига, унижающая художника; но я жалуюсь—когда меня хотятъ лишить правъ каждаго гражданина, правъ—добывать себѣ пропитаніе честнымъ и полезнымъ трудомъ.»

Далѣе, артистъ говоритъ о статьяхъ, напечатанныхъ въ одномъ театральномъ журналѣ, по случаю его представленій на Большомъ Марсельскомъ театрѣ. «Въ журналѣ, говоритъ онъ, было напечатано, что я не дѣлаю сборовъ, что имя мое не привлекаетъ публики, что величайшій сборъ мой не превышалъ тысячи франковъ. «Мнѣ очень неприятно, продолжаетъ онъ, что я долженъ говорить о себѣ и притомъ вещи, лестныя для моего самолюбія; но я имѣлъ успѣхъ необычайный! За билеты почти дрались. Театръ, до моего прибытія былъ въ жалкомъ положеніи и близокъ къ банкротству: дебюты мои снова поставили его на-ноги, потому—что самый меньшій сборъ въ мои представленія простирался до 5000 франковъ. И такъ, статьи эти, написанныя съ явнымъ намѣреніемъ повредить мнѣ, вредятъ дѣйствительно: я ежеминутно могу всту-

пить въ обязательство съ театрами въ Лѳонѣ, Руанѣ, Монцелье и проч.; но прочтя журналъ, ни одинъ директоръ не рѣшится пригласить меня. Это значитъ, осудить меня на муки Жана Шора: «Если вы ему кинете хлѣба, васъ накажутъ!»

И вотъ, господа, на что я жажду!»

Адвокатъ Цальяръ де Вилленевъ поддерживаетъ жалобу Фредерика Леметра, и требуетъ 20,000 ф. вознагражденія за причиненный ему вредъ. Журналистъ позванъ къ отвѣту, и на будущей недѣлѣ должны произнести надъ намъ приговоръ.

Картеръ, знаменитый укротитель звѣрей, нѣсколько недѣль тому, умеръ въ Лондонѣ, но не такъ, какъ ему всегда предсказывали, не отъ зубовъ и когтей своихъ львовъ и тигровъ, а отъ воспаленія легкихъ. Ему было тридцать-пять лѣтъ. Онъ родился въ Англіи. Свойство, которымъ онъ впоследствии такъ прославился, обнаружилось въ немъ съ дѣтства. Еще мальчикомъ, завелъ онъ маленькій звѣринецъ опасныхъ животныхъ, которыхъ старался сдѣлать безвредными. Первый геройскій его подвигъ состоялъ въ томъ, что онъ поймалъ живаго волка, который долго бродилъ въ окрестностяхъ его родины и наговялялъ страхъ на жителей. Какъ онъ овладѣлъ волкомъ, никто не знаетъ, извѣстно только то, что онъ укротилъ его въ одну ночь. Картеръ продалъ его въ Лондонскій Зоологическій Садъ, а на вырученныя деньги купилъ себѣ молодаго львенка, котораго взялъ съ собою въ Америку и на переѣздѣ выдрессировалъ, какъ комнатную собачку. Въ Америкѣ онъ въ первый разъ началъ показывать свое искусство публично, собралъ много денегъ, и употребилъ ихъ на покупку множества дикихъ звѣрей. Возвратясь въ Англію, онъ задолжалъ. Кредиторы принесли на него жалобу и судъ приговорилъ его къ тюремному заключенію. Сыщики явились къ нему въ квартиру, но отворивъ дверь, увидѣли его посреди цѣлой стаи львовъ, пантеръ, геенъ и тигровъ. Можно вообразить, что на этотъ разъ не должникъ бѣжалъ отъ сыщиковъ, а они отъ должника. Но Картеръ этимъ неудовольствовался: не боясь полиціи, онъ среди бѣлаго дня выходилъ изъ дому, но только всегда съ парюю своихъ косматыхъ африканскихъ слугъ, которые охраняли его своимъ пріятнымъ рычаніемъ. Тайну, какъ онъ внушалъ покорность и послушаніе дикимъ чудовищамъ стеной, онъ унесъ съ собою въ

могилу. Но представленія, которыя онъ давалъ на сценахъ въ Лондонѣ и Парижѣ, навсегда останутся въ лѣтописяхъ театра и испытателей природы!—Смерть Картера болѣе всѣхъ поразила того любопытнаго джентльмена, который повсюду слѣдовалъ за нимъ, присутствовалъ на каждомъ его представленіи и проѣздилъ половину своего состоянія, для того, чтобы увидѣть, какъ его разтерзаютъ звѣри. Увы! надежды человѣческія несбыточны!

Лорду Байрону воздвигнута статуя, въ библіотекѣ Коллегіи Троицы, въ Кембриджѣ. Она изваяна Торвальдсеномъ изъ превосходнаго куска каррарскаго мрамора. Великій поэтъ представленъ въ созерцательномъ положеніи. Взглялъ его, кажется, хочетъ проникнуть въ будущее и все лицо одушевлено высокимъ вдохновеніемъ. На одно плечо накинута плащь, который ниспадаетъ до ногъ широкими складками, и превосходно драпируетъ современный костюмъ поэта. Толпы народа тѣснятся ежедневно въ библіотекѣ, чтобы налюбоваться на это мастерское произведеніе знаменитаго рѣзца, и часто слышны восклицанія: «Слава Богу! Наконецъ сняли позоръ съ англійскаго народа и воздвигли достойный памятникъ величайшему поэту Британіи, которымъ гордится нашъ вѣкъ!»

Замѣчательная дуэль взволновала недавно весь городъ Спа и произвела большую тревогу въ дипломатическомъ мірѣ. Читателямъ нашимъ уже извѣстно, какую роль играетъ въ Мюнхенѣ знаменитая испанская танцовщица Лола-Монтесъ, знаменитая менѣе своимъ талантомъ, чѣмъ красотою и отчаяннымъ бретерствомъ, за которое была изгнана изъ Парижа, изъ Берлина и изъ Варшавы. Нѣсколько недѣль тому, пользующіеся цѣлебными водами въ Спа, были соединены у источника и толковали о разныхъ предметахъ, о Берлинскомъ Сеймѣ и о Мюнхенскомъ дворѣ. Графъ Н..... офицеръ баварской службы, выразился довольно рѣзко о Лолѣ-Монтесъ, этой амазонкѣ, умѣвшей перепорхнуть со сцены во Дворецъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ молодымъ человекомъ, который два дни только, какъ пріѣхалъ въ Спа, подѣ

именемъ маркиза де Гальеро. Это былъ юноша, еще безбородый, съ истинно испанскою физиогноміею. Какъ соотечественникъ танцовщицы, онъ за долгъ почелъ защитить ее.

— Да вы, полно, знаете — ли Лолу — Монтеесъ? спросилъ онъ у графа съ гордостію.

— Благодаря Бога, я ее никогда не видалъ; но я сужу о ней по ея славі и поступкамъ.

— Вы на это имѣете меньше всѣхъ права, потому — что нападаете на эту женщину изъ личнаго мщенія. Вы добивались полковничьяго чина, но вамъ отказано и вы полагаете, что она тому причиною.

Изумленный тѣмъ, что иностранецъ такъ хорошо знаетъ его дѣла, графъ вспыхнулъ и назвалъ синьору Монтеесъ — совсѣмъ не дипломатическимъ именемъ. Но едва онъ выговорилъ слово, какъ маркизъ кинулся на него съ хлыстомъ и вѣрно бы его ударилъ, еслибъ его не остановили. Слѣдствіемъ этой сцены былъ вызовъ, и на слѣдующій день противники должны были стрѣляться.

Секунданты графа напрасно старались уговорить его не стрѣляться съ ребенкомъ, но къ несчастью, ребенокъ въ тотъ — же вечеръ показалъ въ заведеніи для стрѣльбы, что онъ въ сорока шагахъ попадаетъ безъ промаха въ червонецъ. Маркизъ былъ столь же хладнокровенъ передъ дуэлью, какъ онъ былъ вспыльчивъ во время спора. Онъ извинился въ своемъ движеніи и приглашалъ графа также извиниться въ неприличномъ словѣ, которое онъ употребилъ о дамѣ. Но графъ былъ вѣ себя, не хотѣлъ ничего слушать и они обмѣнялись выстрѣлами. Испанецъ сшибъ пулею фуражку съ головы противника, а самъ былъ пораженъ пулею въ правое плечо. Онъ говорилъ, что пуля опаранала только мускуль, но вскорѣ онъ лишился чувствъ и рану освидѣтельствовали противъ его воли. Онъ былъ правъ, что не допускалъ осмотрѣть себя, потому — что скинувъ съ него платье, увидѣли.... женщину!

Графъ, полагая, что имѣлъ дѣло съ какой-нибудь пріятельницей танцовщицы, которая играла такую важную роль въ Мюнхенѣ, поторопился извиниться передъ нею въ своемъ нескромномъ словѣ. Незнакомка отблагодарила его жестомъ, просила молчать объ этомъ происшествіи и выѣхала изъ Спа.

Черезъ недѣлю графъ Н.... получилъ изъ Мюнхена слѣдующее письмо:

«Государь мой! Вы дали мнѣ урокъ въ Спа, я сѣйшу отплатить вамъ тѣмъ-же въ Мюнхенѣ. Вчера былъ рассмотренъ вашъ «послужной списокъ и найдено, что съ вами дѣйствительно по-

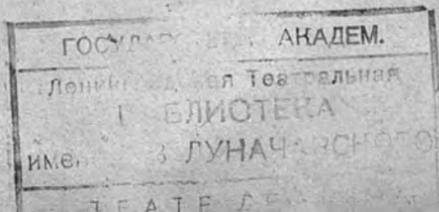
«ступили несправедливо. При семъ препровождается вамъ дипломъ на чинъ полковника. Научитесь лучше понимать

Жолу Монтезь,
путешествующую подъ именемъ маркиза
Гальеро.»

P. S. «Вы видите, что рана моя была ничтожна, потому — что письмо это пишетъ рука, вами пораженная.»

Само-собою разумѣется, что новыи полковникъ отнынѣ вѣрно будетъ самыи ревностнымъ рыцаремъ фаворитки.

7970. 7020.

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая библіографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты, острия слова и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходятъ *аккуратно*

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ прило-
женіями, состоящее изъ 12 книжекъ,—10 руб. сер.
Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

—
Подписка на 1848 годъ принимается:

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхи-
на, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ
домъ Завьтцаго.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на
Тверской, въ домъ Мятлева.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Москов-
скаго Почтамта.

—
Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара
и Пантеона», а равно и желающихъ подписаться на будущій
1848 годъ, обращаться къ Редактору, Федору Алексѣевичу
Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельбергъа.